

571
И42

Светлана Иконникова

**ИСТОРИЯ
КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ
ТЕОРИЙ**

Учебное пособие
в трех частях

Санкт-Петербург
2001

3

У

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
обозначенного здесь срока

2222				
722268				
714 717				
41881M				
35109ce				

Министерство культуры Российской Федерации
Санкт-Петербургский государственный
университет культуры и искусств

Светлана
Иконникова

ИСТОРИЯ
КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ
ТЕОРИЙ

*Учебное пособие
в трех частях*

Часть 3. История культурологии в лицах

Санкт-Петербург
2001

ББК 71

Учебное пособие издается по решению Редакционно-издательского совета Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств.

Иконникова
Светлана Николаевна,
доктор философских наук, профессор,
Заслуженный деятель науки Российской Федерации

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ

Учебное пособие в трех частях

БИБЛИОТЕКА

Санкт-Петербургского
государственного
университета
культуры и искусств

Часть 3. История культурологии в лицах

У

Рецензенты:

Э. В. Семенов, доктор философских наук, профессор
СПбГУКИ,

В. В. Селиванов, доктор философских наук,
профессор, зав. сектором социологических исследований
Государственного Эрмитажа

Иконникова С.Н. История культурологических теорий: Учеб. пособие. В 3 ч. Ч. 3. История культурологии в лицах / Иконникова С.Н.; Санкт-Петербургский гос. ун-т культуры и искусств. – СПб., 2001. – 152 с.

ISBN 5-8392-0196-0

В третьей части «Истории культурологических теорий» анализируются взгляды и представления ведущих ученых-культурологов: Ю.М.Лотмана, Г.Зиммеля, А.Швейцера, М.Мида, Й.Хейзинга, Х.Ортега-и-Гассета, Ф.Броделя, А.Тоффлера, Л.Уайта.

Работа издается при поддержке Института «Открытое Общество» по реализации Мегaproекта «Развитие образования в России: Высшее образование».

© С.Н.Иконникова, 2001
© Санкт-Петербургский государственный
университет культуры и искусств, 2001
ООО РИЦ «Культ-Информ-Пресс»

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть 3. История культурологии в лицах..... 5

Глава 11. Ю.М.Лотман о семиотике культуры 7

11.1. Истоки исследований по семиотике..... 7

11.2. Заметки о биографии..... 8

11.3. Семиотический подход к истории русской культуры..... 11

11.4. Семиотика как метод исследования культуры..... 15

11.5. Семиосфера и символическое ядро культуры..... 17

Глава 12. Г.Зиммель о философии жизни и культуры 22

12.1. Кратко о биографии 22

12.2. Философские основы истории культуры..... 24

12.3. Мода как феномен культуры 27

12.4. О мужской и женской культуре..... 31

Глава 13. А.Швейцер: гуманность как основа культуры..... 38

13.1. Основные этапы жизни и деятельности..... 39

13.2. Иллюзии и драмы нового Средневековья..... 43

13.3. Нравственный принцип благоговения перед жизнью..... 47

Глава 14. М.Мид об антропологических основах культурологии 54

14.1. Женский путь в науку..... 54

14.2. Мир детства в контексте культуры..... 59

14.3. Культурные роли материнства и отцовства..... 66

14.4. Модели исторической преемственности культур 67

Глава 15. Й.Хейзинга об Игре в культуре 74

15.1. Драма жизни и творчества..... 74

15.2. Осень Средневековья: история повседневности 76

15.3. Культура как Игра 84

15.4. Диагноз кризиса культуры 90

	Глава 16. Х.Ортега-и-Гассет о нашествии массовой культуры.....	94
	16.1. Штрихи биографии.....	94
9. 2	16.2. Парадоксы массового сознания и культуры.....	95
	16.3. Ценности как импульс развития культуры.....	100
	16.4. Роль поколений в истории культуры.....	102
	16.5. Человек и техника.....	104
	Глава 17. Ф.Бродель об истории материальной культуры и цивилизации.....	106
	17.1 О биографии ученого.....	107
1. 2	17.2. Структуры повседневности.....	109
	17.3. Технические изобретения.....	114
	17.4. Деньги и финансовые расчеты.....	115
	17.5. Город как центр цивилизации.....	116
	17.6. Симфония рынка.....	119
	Глава 18. А.Тоффлер о цивилизации будущего.....	122
	18.1. О жизни и деятельности.....	122
	18.2. Волны цивилизаций.....	123
1. 2	18.3. Шок от встречи с будущим.....	126
	18.4. Новая «психосфера» как защита личности.....	130
	Глава 19. Л.Уайт о культурологии как науке.....	134
	19.1. Жизнь и творчество.....	134
	19.2. Культура как символическая реальность.....	136
	19.3. Наука о культуре.....	138
	19.4. Роль энергии в эволюции культуры.....	140
	Послесловие.....	143
	Литература.....	147
	Об авторе.....	151

Часть 3.

И С Т О Р И Я
КУЛЬТУРОЛОГИИ
В Л И Ц А Х

Ю. М. Лотман

Т. Зиммель

А. Швейцер

М. Мид

Й. Хейзинга

Х. Ортега-и-Гассет

Ф. Бродель

А. Поффлер

Л. Уайт

ГЛАВА 11. Ю.М.ЛОТМАН О СЕМИОТИКЕ КУЛЬТУРЫ

11.1. ИСТОКИ ИССЛЕДОВАНИЙ ПО СЕМИОТИКЕ

Семиотика культуры – новое направление в культурологии. Первоначально оно возникло на основе лингвистики и литературоведения в России в 60-е годы и получило название тартуско-московской школы. В 1962 году в Москве был организован симпозиум по структурному изучению знаковых систем. Он объединил специалистов по структурной лингвистике, кибернетике, семиотике языка, информатике, машинному переводу.

К этому времени на Западе уже сложилась семиотика, был очерчен круг проблем и методы исследования. Были опубликованы труды американских философов Ч.Пирса и Ч.Морриса, швейцарского лингвиста Ф. де Соссюра. В них была обоснована идея исследования языка как семиотической системы. Однако в России этот подход подвергался критике за формализм и не получал идеологической поддержки и одобрения.

Нужна была немалая научная смелость, чтобы развивать это направление. Даже сам термин «семиотика» вызывал негативную реакцию и часто заменялся понятием «вторичных моделирующих систем». У истоков семиотики были ученые П.Г.Богатырев, В.Вс.Иванов, В.Н.Топоров, Л.Ф.Жегин, А.А.Зализняк, Б.А.Успенский и другие. Необходимо также отметить, что эти исследования опирались на фундаментальную литературоведческую традицию в трудах филологов В.Я.Пропса, В.М.Жирмунского, Ю.Н.Тынянова, Г.А.Гуковского, М.М.Бахтина. Их работы положили начало семиотическим исследованиям на основе соединения лингвистики, литературоведения и информатики.

В эти же 60-е годы в Тартуском университете в Эстонии на кафедре русской литературы сложился очень активный и интеллектуально мощный центр по изучению знаковых систем в культуре. Среди энтузиастов были Б.Ф.Егоров, Ю.М.Лотман, З.Г.Минц, И.А.Чернов, Р.О.Якобсон, тогда еще совсем молодые ученые.

Так возникло научное сотрудничество Москвы, Ленинграда и Тарту. И поскольку Тарту находился подальше от идеологического контроля, то центр переместился в Эстонию. Там началось издание с 1964 года «Трудов по знаковым системам», проводились научные конференции, которые способствовали становлению научной школы. Особую популярность имели Летние школы, проходившие на спортивной базе в местечке Кяэрику на юге Эстонии.

Весть об этих школах быстро разносилась среди научной интеллигенции, особенно среди молодых ученых, даже само слово «Кязрику» приобрело знаковый смысл, ибо означало приобщение к научному сообществу, отличавшемуся смелостью идей, высоким профессионализмом, а также необычайной дружеской атмосферой общения. Именно тогда в лексиконе российских участников появилось и слово «сауна».

Тартуско-московская школа выражала интеллектуальные интересы и духовные ориентации научной интеллигенции периода «оттепели».

Огромная заслуга в ее организации и завоевании научного авторитета принадлежит Ю.М.Лотману.

Теперь следует сказать о жизненном пути этого выдающегося ученого XX века.

11.2. ЗАМЕТКИ О БИОГРАФИИ

Многие помнят автора цикла передач по телевидению «Беседы о русской культуре». В их основе был лекционный курс, прочитанный Ю.М.Лотманом студентам Тартуского Университета и поэтому он сохранил интонацию обращения к слушателям. Ю.М.Лотман (1922 – 1993) обладал удивительным даром общения, сохраняя при этом все особенности живой речи. Его манера говорить с легким заиканием, как будто подыскивая слова, действовала почти магнетически и была всегда узнаваемой. Это впечатление усиливалось фоном рабочего кабинета ученого в его доме, где попутно можно было рассмотреть рукописи на столе, книги на полках, деревья за окном и даже услышать звонки в дверь и лай собаки. Эти передачи бесценны и необычайно интересны. Но главное достоинство этого общения Ю.М.Лотмана со зрителем заключалось в атмосфере любви и глубоком знании русской культуры. Впоследствии эти лекции были опубликованы под общим названием «Беседы о русской культуре»¹. Эта книга сохранила живое слово Ю.М.Лотмана, обращенное к многомиллионной аудитории. Но об этом позже. Для воспроизведения жизненного пути Ю.М.Лотмана можно использовать его автобиографические заметки, воспоминания друзей и коллег, интервью в прессе и на телевидении. Но исходной позицией следует считать слова самого Юрия Михайловича: «История проходит через Дом человека, через его частную жизнь. Не титулы, ордена или царская милость, а «самостоянье человека» превращает его в историческую личность»².

И еще несколько слов о его внешнем облике. Если взглянуть на его портрет, то почти каждый обнаружит сходство с великим физиком

---

¹ Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства / Лотман Ю.М. – М., 1994.

² Там же. – С. 4.

А.Эйнштейном. Об этом вспоминают многие его коллеги. Сам он нередко иронизировал по этому поводу, а когда ему предстояла встреча с незнакомым человеком, он предлагал ему «узнать его по усам». Эта чисто внешняя похожесть совпадала в основных чертах и с внутренним обликом. Его отличали гуманизм, мужество, активное внимание к людям, стремление оказать помощь, добрая ирония, многообразие интересов, творческая интенсивность и профессиональная глубина, оригинальность подхода к проблемам, уникальная память, гостеприимство и доброжелательность, общительность и преданность своим друзьям и близким.

Ю.М.Лотман не оставил книги воспоминаний. Но за две недели до смерти он дал интервью для радиостанции Би-Би-Си, которое не вышло в эфир, и впоследствии было опубликовано под заголовком «Просматривая жизнь с ее начала...»³ Он касается достаточно бегло лишь первых этапов своей жизни. Однако это описание ценно своей достоверностью. Последуем за ним.

Юрий Михайлович Лотман родился 28 ноября 1922 года в Петрограде. Отец получил юридическое образование, был известным адвокатом, затем юрисконсультom в издательстве. Мать работала врачом. В семье он был младшим, кроме него были три сестры. Все жили дружно, очень небогато, но весело – вспоминает Ю.М.Лотман. Он окончил с отличием известную в Петрограде Peterschule, которая отличалась высоким уровнем гуманитарного образования. В 30-е годы в Ленинграде и других городах происходили массовые репрессии, которые оборвали безмятежность жизни. Особенно тяжелыми были 1936 – 1938 годы, когда шли повальные аресты, стало плохо со снабжением, везде искали «вредительство». Эти трагические события сохранила его память на всю жизнь.

В 1939 году он поступил в Ленинградский Университет на филологический факультет. Он слушал лекции блистательных ученых, оказавших влияние на его научные интересы. Достаточно назвать специалистов по русскому фольклору В.Я.Проппа и В.А.Азадовского, литературоведов Г.А.Гуковского, Б.М.Эйхенбаума, лекции которых всегда воспринимались как событие. Особенно большое впечатление производили на него лекции Г.А.Гуковского, которые отличались необыкновенным артистизмом и нередко заканчивались взрывом восторженных аплодисментов. Живость изложения, импровизация, научная глубина и оригинальность, прекрасная память и чтение наизусть стихотворений классиков мировой культуры – таковы были традиции университетского преподавания, и Ю.М.Лотман являлся их продолжателем. Важно также отметить атмо-

---

³ Ю.М.Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. – М., 1994. – С. 465. См. также: Егоров Б.Ф. Жизнь и творчество Ю.М.Лотмана / Егоров Б.Ф. – М., 1999.

сферу совместной работы профессора и студента, благожелательных отношений между учеником и учителем.

Занятия в Университете продолжались в Публичной библиотеке, и это заложило основы колоссальной трудоспособности Ю.М.Лотмана. Кроме того были студенческие приработки, грузовые работы в порту, бесплатные шефские лекции на предприятиях, свидания и вечеринки. Это были, бесспорно, самые счастливые годы студенческой жизни – вспоминал Ю.М.Лотман.

До начала войны он провел в Университете один год и два месяца. Затем призыв в армию и отправка на фронт. На этом кончаются его личные воспоминания. Дальнейшие события помогают восстановить его друзья и коллеги.

Ю.М.Лотман провел все четыре года Великой Отечественной войны на передовой, что называется «от звонка до звонка» простым сержантом, но вся грудь в орденах. После ее окончания он вернулся в Ленинградский Университет. С 1950 по 1954 годы работал в Тартуском учительском институте, а с 1954 и до конца жизни в Тартуском университете. В 1951 году защитил кандидатскую, а затем в 1961 докторскую диссертацию. Как вспоминает Б.Ф.Егоров, он никогда не был ни в аспирантуре, ни в докторантуре, не получал творческих отпусков и достигал высоких научных результатов за счет своей невероятной работоспособности. В 1960 – 1977 годы он заведовал кафедрой русской литературы в Тартуском государственном университете.

Основная его научная и педагогическая деятельность связана с Тартуским Университетом. Там происходили важнейшие события в его жизни. Известный литературовед Зара Григорьевна Минц стала его женой, в семье родились дети, появились заботы по дому. Ю.М.Лотман отличался невероятной работоспособностью, он успевал все: руководить кафедрой, изучать эстонский язык, готовить новые спецкурсы, читать лекции, писать научные труды, организовывать конференции.

Ю.М.Лотман – автор более 800 научных работ, в том числе многих фундаментальных монографий. Он был всемирно известным ученым; Лауреатом Пушкинской премии Российской Академии наук, член-корреспондентом Британской Академии, академиком Норвежской, Шведской, Эстонской академий. Был вице-президентом Всемирной ассоциации семиотики. Юрий Михайлович Лотман был великим тружеником, талантливым ученым, одаренным исследователем, вдохновенным педагогом, доброжелательным и чутким человеком. Он обладал удивительным даром привлекать людей, и многие устремлялись в Тарту «к Лотману».

Он обладал энциклопедической эрудицией в сочетании с глубиной профессионального знания. Литература и история, культурология и семиотика лишь самое краткое обозначение тех обширных пространств, к

которым были приложены труд, энергия, способности, ум, чувства этого замечательного исследователя и удивительного человека.

Умер Ю.М.Лотман 28 октября 1993 года и похоронен в Тарту в Эстонии.

11.3. СЕМИОТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИСТОРИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Ю.М.Лотман внес большой вклад в исследование истории русской культуры. По его книгам об А.С.Пушкине, М.Ю.Лермонтове, Н.В.Гоголе, Н.М.Карамзине учились многие поколения студентов. Каждая из этих книг представляет собой значительное событие в истории культуры, ибо отличается от обычных трудов по литературоведению оригинальным подходом и глубиной анализа, соединением истории культуры и истории души.

Несомненный интерес представляют «Беседы о русской культуре», посвященные изучению быта и традиций русского дворянства XVIII – начала XIX веков. Ю.М.Лотман погружает читателя в повседневную жизнь этого сословия, позволяя увидеть людей той эпохи на службе и в военных походах, воспроизвести ритуалы сватовства и брака, проникнуть в особенности женского мира и личных отношений, понять значение маскарадов и карточной игры, правил дуэли и понятия чести.

Долгое время дворянская культура оставалась вне научного исследования, была «ничейной землей», или в ней подчеркивались лишь ее классовые черты. Ю.М.Лотман стремился восстановить историческую правду о значении дворянской культуры, которая дала Фонвизина и Державина, Радищева и Новикова, Пушкина и декабристов, Лермонтова и Чаадаева, Толстого и Тютчева. «Из истории нельзя вычеркивать ничего. Слишком дорого это обходится»⁴, – пишет Лотман.

Не вдаваясь в дискуссии по поводу многочисленных определений «культуры», он ограничивается теми признаками, которые важны для описания повседневной жизни дворянства. Культура, прежде всего, понятие коллективное, отмечает Ю.М.Лотман. Это означает, что культура объединяет группу людей, живущих одновременно и связанных между собой общением. Эти отношения современников называются синхронными. Для организации общения в культуре вырабатываются определенные правила, системы знаков, наделенные смыслом и значением, которые усваиваются членами группы и передаются последующим поколениям.

Следовательно, культура имеет коммуникационную и символическую природу, заключает Лотман. Принадлежность к дворянству имела «зримые» черты в культуре: обязательность правил поведения, принципов чести, покроя одежды, служебных и домашних занятий, праздников и

---

⁴ Там же. – С. 494.

развлечений. Повседневная, служебная и праздничная жизнь дворянства пронизаны символами и знаками, которые воспринимаются человеком данной культуры как текст, своеобразный и понятный язык культуры. Как правило, символы редко возникают в синхронном срезе, а приходят из глубины истории, ибо культура исторична по своей природе.

Эти исторические связи культуры называют диахронными. Переплетение историзма и современности, синхронных и диахронных связей образует живую ткань культуры. Чтобы понять культуру народа, сословия, страны, необходимо воспроизвести эти связи во всем объеме. Надо представить себе, как жили люди, какой мир их окружал, почему поступали так, а не иначе, каковы были их обычаи и привычки, распорядок труда и отдыха. Иначе говоря, надо понять повседневную жизнь человека в ее реально-практических формах.

Это образует тот быт, который считается «просто жизнью», и мы склонны его замечать тогда, когда он нарушается. Но именно в нем существует человек, в нем «творится» культура. В доме и за его порогом, на улице и в общественном здании, в общении с людьми разных возрастов и сословий, в отношении к природе и окружающему миру проявляется культура.

Пространство повседневного быта наполнено огромным числом предметов, которыми пользуется человек. Именно они определяют его умения и навыки, жесты и манеру одеваться, ритм жизни и символику общения. В них мы различаем исторически глубинные формы, унаследованную старину, хранящую «тепло» прежней жизни и напоминающую о предках. Так часто упоминаемая «связь времен» существует именно в повседневности. Как писал поэт А.Блок, «случайно на ноже карманном найди пылинку дальних стран...» Бытовые детали, вещи повседневного существования могут многое рассказать о культуре человека, его принадлежности к сословию. Представления о дворянском этикете, нормах поведения неотделимы от истории вещей. Недаром в музеях столь большое внимание уделяется интерьеру, кругу предметов, соответствующих духу эпохи. Вещи помогают увидеть историю в зеркале быта.

Удивительно интересный анализ бытовой культуры предпринят Ю.М.Лотманом и Е.А.Погосян в книге «Великосветские обеды»⁵. В ней представлена гастрономическая культура русской аристократии середины XIX века. Подробно исследуется последовательность блюд, повседневное и праздничное меню, застольный ритуал и возможные темы бесед, сервировка и украшение стола, летопись событий, упоминаемых в прессе.

---

⁵ Лотман Ю.М. Великосветские обеды / Лотман Ю.М., Погосян Е.А. – СПб., 1996.

Роспись обедов в доме П.П.Дурново хранилась в семейном архиве и дала возможность воссоздать не только мир русской и европейской кухни, труд искусных кулинаров, но и круг приглашенных гостей, их положение в обществе, кареты для выезда и костюм, прически, украшения и наряды дам. Особый интерес представляет «книга расхода и прихода», по которой можно судить о продуктах и ценах того времени. Письма и дневники свидетельствуют об отношениях отца и сына Дурново, манере обращения друг к другу, обсуждаемых событиях. Приведенные рисунки и портреты дают представление о жизни Санкт-Петербурга тех времен.

Мир идей неотделим от мира людей, а идеи от каждодневной реальности, отмечает Ю.М.Лотман. Символическая сторона быта органично связана с культурой, существуя в контексте своего времени, выражая определенный стиль и общность языка. Даже в том случае, если предметы собраны случайно, они отражают умонастроения и возможности человека. Вещи способны менять поведение и сознание, влиять на стиль жизни, отношения между людьми, способы выражения эмоций. Так называемые «мелочи жизни» могут многое рассказать о каждой эпохе. Рассмотрим более подробно некоторые стороны дворянского быта.

Известно, что жизнь русского дворянина разделялась на две половины: военная или статская служба верноподданного государю, и домашняя жизнь, посвященная семейным и хозяйственным заботам, самообразованию и просвещению. Но существовал еще один важный аспект жизни, область обязательного и вместе с тем непринужденного общения, где поддерживались семейные традиции и завязывались новые знакомства, демонстрировались моды и танцы. Это был «Бал» как форма дворянского общения, место встреч, отдыха и развлечений, бесед и обсуждений⁶. Бал достаточно полно иллюстрирует положение Ю.М.Лотмана о коммуникативной и символической природе культуры. Уже со времени петровских ассамблей бал как званый вечер стал одной из форм общественной и культурной жизни дворянства. Описание торжественной атмосферы бала, ритуала и церемоний общения кавалеров и дам, темы возможных бесед и учтивых реплик, пределы «бальных вольностей», непринужденность осанки и изящество движений – все это было многократно отражено в художественной литературе, в произведениях А.С.Пушкина, М.Ю.Лермонтова, Л.Н.Толстого.

Основой всей композиции бала были танцы. Их последовательность, музыкальное сопровождение, приглашение дам были строго регламентированы и установленный порядок не нарушался. Бал в начале XIX века начинался полонезом, впоследствии его сменил менуэт. Затем следовал

---

⁶ Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре / Лотман Ю.М. – М., 1994. – С. 100.

вальс – танец страстный, интимный, даже «безумный» и романтический. Кульминацию бала знаменовала мазурка с многочисленными фигурами и бравурными импровизациями. Завершался бал котильоном, танцем непринужденным и шаловливым.

Обучение танцам было обязательной частью дворянского воспитания, в домах детей обучали танцам специальные учителя, проводились детские балы. Каждый должен был уметь танцевать, знать правила поведения. Существовала «грамматика» бала как театрализованного представления, когда ритуал предписывал определенные эмоции и стиль поведения от входа в зал до разъезда. Бал подчинялся строгим канонам и обладал стройной композицией. Это и составляло его семиотику как совокупность знаков, значений и символов. Нужно было в совершенстве владеть этим «языком», чтобы не чувствовать скованности и быть свободным.

Бал был не единственным развлечением дворянства. Уже с XVIII века в России появляются маскарады как заимствование европейской традиции. Но переодевание в народной культуре всегда было связано с язычеством и означало изгнание бесов. Поэтому маскарад принимал иногда зловещий оттенок непристойности, коварства. Петербургский маскарад в доме Энгельгардта на углу Невского и Мойки был описан Лермонтовым как трагическое событие. В отличие от бала, маскарад имел большую степень свободы, приглушал строгую иерархию чинов и званий, расширял рамки дозволенного поведения. Посещение маскарадов хотя и не было запрещено, но воспринималось в обществе чуть ли ни как неприличное поведение и сопровождалось скандальными слухами. Поэтому европейская традиция маскарада проникала в дворянский быт XVIII века с трудом или же сливалась с фольклорным ряженьем, – поясняет Ю.М.Лотман. Военный парад, бал и маскарад представляли блистательную картину праздничной жизни дворянства.

Семиотический анализ истории русской культуры позволяет выделить знаковые системы и символические доминанты, характерные для эпохи, понять их смысл и функциональное назначение, представить эмоциональные состояния и настроения, которые они вызывали. Вне этого вещи становятся бездушными предметами, никому не нужным «старым барахлом». И наоборот, раскрывая свою символическую природу, вещь вступает в диалог с современностью, обнаруживает свои связи с историей и становится бесценной. История культуры обязательно должна быть соединена с чувствами, быть зримой, осязаемой и слышимой, тогда ее ценности входят в мир человека и закрепляются в нем надолго. Недаром культуру называют памятью.

11.4. СЕМИОТИКА КАК МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ

Заслуга Ю.М.Лотмана состоит в раскрытии знаково-символической природы культуры и механизмов ее трансляции на основе применения семиотического метода и теории информации. Теперь следует вернуться к началу и пояснить наиболее важные термины и понятия семиотики как науки о знаковых системах.

«Семиотика» – понятие греческого происхождения от слова «знак». Науку называют семиологией – общей теорией или комплексом научных теорий, исследующих свойства систем знаков и их значений.

К числу знаковых систем относятся:

1) естественные знаки или знаки-признаки. Они сообщают информацию для ориентировки в природе, для определения погоды, времени суток, созревания урожая и т.д.;

2) функциональные знаки – тоже относятся к категории знаков-признаков. Но этими свойствами их наделяют люди определенной культуры. Военная форма – функциональный знак принадлежности к армии, паспорт – знак гражданства. Эти знаки могут иметь первичные и вторичные значения. Например, приметы и суеверия основаны на придании значений предметам, которые сами по себе нейтральны: пустые ведра навстречу, подкова на дверях;

3) условные знаки (конвенциональные) – это сигналы извещения или предупреждения: индексы, условные обозначения в текстах, на картах; знаки-образы и знаки-рисунки, похожие на оригинал; знаки-символы, в наглядной форме передающие идеи и понятия. К ним относятся эмблемы, гербы, ордена, знамена, крест, денежные знаки. Это наиболее многочисленные знаки для изучения которых возникают особые отрасли знаний: геральдика, нумизматика, религиозная семантика, этикет;

4) вербальные знаковые системы – естественные языки. Это те многочисленные национально-этнические языки общения, на которых говорят люди. Их насчитывается от 2500 – 5000, включая «мертвые» языки и диалекты. Достоинством языка является надежность как средства хранения и передачи информации. Это достигается за счет избыточности и специфической структурной организации. Фонетика, лексика, грамматика, стилистика – такова полиструктурная, разветвленная, иерархическая, многоуровневая система знаков естественного языка;

5) искусственные знаковые системы – языки науки, формулы, условные обозначения химических элементов, графики, таблицы, программы и алгоритмы в системе человек – машина;

6) знаковые системы записи – пиктография, иероглифы, алфавит, нотная запись, кинетография (запись движений), цифровые коды, запись на различных носителях;

7) знаково-символические языки искусства – живописи, скульптуры, танца, театра, кино, фотографии, архитектуры, музыки и других видов и жанров. К числу вторичных моделирующих систем относятся символические системы мифов, ритуалов, запретов и предписаний.

Приведенная классификация знаковых систем не является исчерпывающей и может стать предметом самостоятельного исследования. Она лишь подтверждает положение о том, что человек живет в огромном мире знаков, значений и символов, которые он осваивает в течении всей жизни. Это позволило немецкому философу Э.Кассиреру назвать культуру «Символической Вселенной», а человека полиглотом, владеющим множеством языков⁷.

Для семиотического подхода характерно выделение трех уровней исследования знаковых систем:

1. Синтактика – структура сочетаний знаков и правил их образования безотносительно к их значениям и функциям.

2. Семантика – определение смысла и интерпретация знаков.

3. Прагматика – отношения между знаками и теми, кто их использует. Эта терминология необходима для понимания семиотики культуры, которая активно развивается в России и в других странах.

Среди семиотических школ и направлений в Европе наиболее известными являются: польская, представленная работами А.Тарского, К.Айдукевича, Т.Котарбиньского, а также чешская, связанная с традицией Пражского лингвистического кружка и работами Я.Мукаржовского.

Во Франции семиотику культуры развивал Р.Барт на основе мифологии, Ж.Деррида исследовал взаимодействие устной и письменной речи, М.Фуко анализировал семиотический дискурс и археологию знания. Интересные аспекты семиотики культуры представлены в трудах Ж.Бодрийяра, Ж.Делеза, М.Мерло-Понти и многих других.

Все это подчеркивает значимость семиотического анализа мировой культуры. История семиотики культуры как отрасли гуманитарной науки может стать предметом многих исследований. Но вернемся к тем идеям и достижениям, которые связаны с трудами Ю.М.Лотмана. В последние годы изданы многие из его научных трудов. Кроме тех, что уже упоминались, необходимо отметить монографию «Внутри мыслящих

---

⁷ См. подробнее: Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке / Кассирер Э. – М., 1998; Кармин А.С. Основы культурологии / Кармин А.С. – СПб., 1997; Каган М.С. Философия культуры / Каган М.С. – СПб., 1996; Культурология: Словарь. Т. 1. – М., 1997; Махлина С.Т. Язык искусства в контексте культуры / Махлина С.Т. – СПб., 1995.

миров»⁸, в которой рассматриваются проблемы соотношения текста, семиосферы и памяти культуры.

Динамика культурно-исторического процесса представлена в книге «Культура и взрыв», где отмечается разная скорость распространения культурных перемен в социальном пространстве, проницаемость культурных миров, выясняются источники многообразия тенденций, соотношения стабильности и изменчивости.

Изданы «Избранные статьи» в 3-х томах, в которых собраны научные труды разных лет по семиотике и типологии культуры, о тексте как семиотической проблеме, о культуре и программах поведения, семиотике пространства, семиотике различных видов искусств, семиотическом механизме трансляции культуры. Публикация теоретического наследия Ю.М.Лотмана дает возможность обращения исследователей к его обстоятельному изучению.

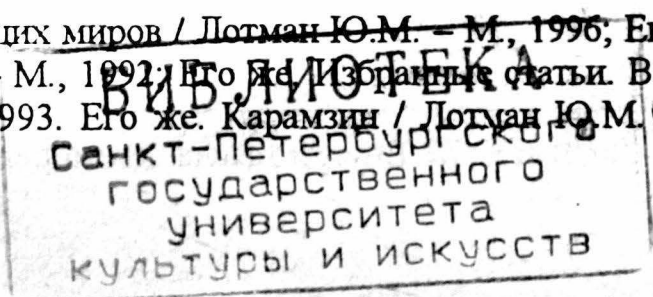
11.5. СЕМИОСФЕРА И СИМВОЛИЧЕСКОЕ ЯДРО КУЛЬТУРЫ

Обратим внимание на наиболее важные и «ключевые» понятия семиотики культуры в концепции Ю.М.Лотмана. В самом широком смысле культура может быть представлена как «спектр текстов», заполняющих социальное пространство. Для того чтобы прочесть эти тексты, нужно знать языки, на которых они написаны, уметь раскрывать смыслы и значения. Текст культуры – конденсатор исторической памяти, благодаря этому прошлое сохраняется и создает вокруг себя «семантическую ауру», связанную общей традицией. Без этого до нас бы доходили разрозненные «обломки» текстов, лишённые смысла.

Казалось бы, пишет Ю.М.Лотман, текст культуры, проходя через века, должен стираться, терять информацию и интерес для современника. Однако это не так. Тексты, сохраняющие «культурную активность», а иначе говоря, постоянно воспроизводимые в истории, обладают способностью накапливать новые значения. Примером может быть «Гамлет» Шекспира, сценические интерпретации которого приобретают новые смыслы. Исторический опыт показывает, что наиболее жизнестойкими оказываются те культуры, которые способны развивать большую духовную активность.

Важным механизмом культурной памяти является символ. Наборы символов пронизывают исторические пласты культуры, связывая между собой эпохи. Крест, круг, пентаграмма образуют символическое ядро

⁸ Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров / Лотман Ю.М. – М., 1996; Его же. Культура и взрыв / Лотман Ю.М. – М., 1992; Его же. Избранные статьи. В 3 т. / Лотман Ю.М. – Таллинн, 1992 – 1993. Его же. Карамзин / Лотман Ю.М. – М., 1997.

культуры. Символы представляют собой наиболее устойчивый элемент культурного пространства. В нем информация предельно сжата, сохраняется в свернутом виде, тем самым расширяя возможности ее интерпретации. Основной набор доминирующих символов и длительность их культурной жизни определяют пространственные и хронологические границы цивилизаций.

Символ напоминает о древних основах культуры, представляет «вечную» ценность и в этом проявляется его сущность. Вместе с тем он тоже подвержен переменам, присоединяя к себе новые смыслы и значения. Эта трансформация образует тот смысловой резерв, с помощью которого символ может вступить в неожиданные связи с реальностью и стать знаковым симптомом новых отношений. «Этим увеличивается то внутреннее разнообразие, которое является законом развития культуры»⁹, – заключает Ю.М.Лотман.

Динамизм семиотических компонентов культуры отражает изменения в социальной жизни общества, а иногда предшествует переменам. Показательно, что смена духовных ориентиров и ценностей сопровождается резким обострением интереса к символике государственной и общественной жизни: переименованию улиц и городов, возрождению ритуалов, возвращению к прежним орденам, флагу и гербу.

Новая знаковая система становится символом причастности к модернизации общества. В эпоху Петра Великого таковыми были иностранный покррой одежды, бритье бороды, обучение заморским танцам, заимствование форм бытовой культуры. Повышение роли символов характерно и для современной России.

Культура является открытой системой, в центре которой находятся наиболее значимые ценности, а на периферии по инерции продолжают функционировать архаичные культурные образования. Динамизм культурной жизни сопровождается процессами изменения иерархии ценностей, выдвижением одних и стиранием, забвением других.

Социальный закат системы сопровождается ограничением объема культурной памяти, стремлением разорвать культурные связи с прошлым. Однако потребность в постоянном самообновлении и творчестве изменяет отношения стабильности и изменчивости, усиливает напряженность в системе культуры, вызывает столкновение позиций и ценностей. Это приводит к повышению структурного и ценностного многообразия культуры. Но при этом важно иметь в виду, что культура не является универсальным множеством и никогда не включает в себя «все» созданное человеком.

---

⁹ Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров / Лотман Ю.М. – М., 1996. – С. 148.

Поскольку культура имеет ценностную природу, то в ней всегда существует граница, отделяющая истинное от ложного, доброе от злого, божественное от сатанинского. В более широком смысле, это отделение культуры от не-культуры, своего от чужого. Это противостояние может приобретать идеологическую остроту, стать основой конфликта. Но оно может иметь тенденцию к сглаживанию, согласованию, толерантности, способствовать взаимопониманию. Таким образом, культура погружена в сложное семиотическое пространство, которое отличается многообразием и динамизмом. Это пространство – как пространство развития культуры – Ю.М.Лотман предложил назвать «семиосферой». Это название связано с понятием «биосфера», разработанным в трудах В.И.Вернадского для определения роли интеллектуальной деятельности в масштабе Вселенной.

Семиосфера характеризуется рядом признаков. Перечислим наиболее важные.

Во-первых, семиосфера отличается неоднородностью. Это означает, что множество языков культуры оригинальны и не всегда взаимно переводимы. Например, язык танца можно перевести на язык жестов или язык скульптуры, но его трудно выразить средствами архитектуры.

Во-вторых, внутри семиосферы имеются границы распространения субкультур, обладающих особой знаково-символической системой общения. Каждая из культур маркирует себя как особую и отличную от других. Чтобы понять культуру, надо владеть ее языком и уметь разгадывать ее смыслы, ценности и функции. Но языки культур действуют не повсюду, а в ограниченных пределах, вне которых их применение будет неуместным. Правила дипломатического этикета необходимы на приемах, но мало приемлемы при дружеской встрече.

В-третьих, разные языки культуры имеют различные скорости обращения. Семиосфера обладает асинхронностью. Мода в одежде меняется быстрее, чем архитектурные стили. Модернизация захватывает в первую очередь городское пространство и лишь спустя десятилетия приходит на периферию, в которой продолжают существовать архаические структуры. Все элементы семиосферы находятся не в статическом, а динамичном соотношении друг с другом, изменяя скорости распространения. Языки литературы и искусства могут иметь неизмеримо долгую жизнь и представлять интерес независимо от времени создания. Они поддерживают вечность произведений искусства и культуры, могут уходить в небытие и вновь возвращаться.

В-четвертых, семиосфера асимметрична. В ней различают центр и периферию, основное ядро культуры и прилегающие регионы, это определяет «пульсацию» активности, распространение волн культурных влияний. Центр семиосферы образуют наиболее развитые и структурно-

организованные языки. При этом естественный язык является стержнем, а иные языки способны выполнять лишь частные функции. Это необходимо для самопознания всей системы культуры, без которой она может потерять единство и «расползтись».

В-пятых, семиосфера предполагает способность культуры к диалогу и пониманию. Это означает, что семиосфера выполняет функцию передачи информации и коммуникации. Она должна быть открыта для общения.

Таким образом, в семиотической реальности «кипят» разнообразные тенденции. «Если карта верхнего слоя закрашена в одинаковый ровный цвет, то нижняя пестрит красками и множеством пересекающихся границ. Смысловые токи текут не только по горизонтальным пластам семиосферы, но и действуют по вертикали, образуя сложные диалоги между разными ее пластами», – заключает Ю.М.Лотман¹⁰.

Семиосфера является фундаментальным понятием для описания картины мира той или иной культуры, создания пространственной модели универсума. Примером подобной модели мира может быть город как замкнутое пространство, «огражденное» или «огороженное» от остального мира. Ю.М.Лотман выделяет две основные сферы городской семиотики: город как Пространство и город как Миф.

В первом аспекте город может находиться в двояком отношении: олицетворять государство, «быть им»; или же представлять его противоположность, быть антитезой. Москва, Рим, Иерусалим представляют первую модель. Они занимают центральное положение, являются зримым образом государства, выполняют функцию объединения земель. Для этого типа характерно концентрическое расположение структур, выделение из окружающего мира, замкнутость пространства. Это «вечный» город, посредник между Землей и Небом, расположенный на возвышенности.

Другой тип города представляет Петербург. Это эксцентрический город, расположенный «на краю» культурного пространства, вопреки природе и в борьбе со стихиями. Вокруг его имени складывается множество мифов, легенд, предсказаний и пророчеств. Город представляется то как «Парадиз», воплощение воли и разума человека, то как зловещий маскарад Антихриста. Искусственность города подчеркивалась отсутствием исторического прошлого, предшествующего его основанию. «Миф восполнял семиотическую пустоту», – отмечает Ю.М.Лотман¹¹. Городская мифология Петербурга отразилась как в произведениях А.С.Пушкина, Н.В.Гоголя, Ф.М.Достоевского, так и в городском фольклоре.

В петербургской картине мира отмечают призрачность и театральность. «Медный всадник» и множество его интерпретаций подтверждают

---

¹⁰ Там же. – С. 173 – 174.

¹¹ Там же. – С. 283.

эту характеристику. Театральность проявляется в ансамбле архитектурной застройки, выдержанности стиля. Городское пространство отчетливо делится на «сценическую» и «закулисную» части, каждое из них имело свои территории. Петербург имеет немало образов: «Северной Пальмиры», Русского Амстердама, Русской Венеции, столицы Российской империи, «колыбели» Революции и много других.

Уже к 1830-му году Петербург стал городом «культурно-семиотических контрастов», в котором совмещались различные этнические общности, вероисповедания, стили жизни, профессии и модели образования. Все это служило почвой для интенсивной духовной жизни.

Пространственная картина мира многомерна и многослойна. Семиосфера включает в себя и мифологические представления, и научное моделирование, и художественные образы, и повседневную жизнь. В результате создается сложный семиотический механизм, определяющий процесс трансляции культурного наследия, его органичного включения в современность.

Семиотика культуры – магистральное направление культурологических исследований. Она способствует более глубокому пониманию текстов культуры, выявляет механизмы культурной преемственности, раскрывает знаково-символическую природу языков культуры, содействует диалогу культур разных стран и народов.

ГЛАВА 12. Г.ЗИММЕЛЬ О ФИЛОСОФИИ ЖИЗНИ И КУЛЬТУРЫ

12.1. КРАТКО О БИОГРАФИИ

Георг Зиммель (1858 – 1918) – всемирно известный мыслитель, автор 30 книг и многочисленных статей о философии и социологии культуры. В серии «Лики культуры»¹² в 1996 году был опубликован двухтомник его трудов, и это дает возможность самостоятельного анализа его идей.

Г.Зиммель оказался весьма созвучным нашему времени. Острота творческого ума, широта интеллектуальных интересов, тонкие психологические наблюдения, эмоциональная энергетика стиля изложения и необычные сюжеты и размышления о жизни дают творческий импульс для изучения явлений культуры. В орбиту его интересов попадают самые различные эпизоды, но они существуют в жизни и он стремится дать им философское и культурологическое объяснение. В его сочинениях есть статьи о созерцании природы и смысле путешествий, о роли случая и неожиданных приключений в жизни человека. Глубокий смысл заложен в его рассуждения о религии и о личности бога, о философии истории и философии культуры, о любви и судьбе; неожиданны мысли о философии денег и богатстве, о скупости и щедрости, о смерти и бессмертии, о моде и ее непостоянстве, о мужской и женской культуре.

Даже краткое перечисление проблем, которые изложены в трудах Г.Зиммеля, позволяют утверждать, что он обогатил культурологию новыми идеями и пророческими озарениями. Он предложил немало новых и оригинальных проблем культурологических исследований. Тайнам творческой индивидуальности и личности гения посвящены его сочинения о философах И.Канте и Ф.Ницше, поэте И.Гете, художнике Микеланджело. Широта диапазона его научных интересов нередко вызывала у его современников насмешки и критику. Его упрекали в том, что он склонен более к публицистическим эссе, нежели к строго академическим концепциям.

Действительно, Г.Зиммель был скорее инициатором философского осмысления культуры, нежели последовательным аналитиком. Но научная инициатива обсуждения жизненно важных проблем сохраняется именно за ним и в этом заключается его значение для развития науки. Интерес к нему постоянно сохраняется в течение всего XX века, хотя не

---

¹² Зиммель Г. Избранное. В 2 т. / Зиммель Г. – М., 1996.

всегда остается одинаковым. Он призывал обратить взор ученых на те явления жизни, которые кажутся обыденными и простыми, но они типичны в истории культуры, имеют всеобщий характер, хотя проявляются в разных формах, а их значение и внутренний смысл требуют философского размышления.

Г. Зиммеля можно причислить к созвездиям талантов, обогативших культуру своими идеями и открытиями. Обратимся к его биографии, проследим основные вехи его жизненного пути.

Георг Зиммель родился в 1858 году в Берлине. После окончания классической гимназии, он поступил на философский факультет Берлинского университета. В 1881 году стал доктором философии, защитив диссертацию о И. Канте. Долгие годы работал в Берлинском университете. В 1914 году получил звание профессора в Страсбургском университете. В 1918 году он скончался.

Столь скупые сведения о его жизненном пути вовсе не являются свидетельством обыденности его жизни. У него было немало тревог, переживаний, обид, недоброжелательства коллег по университету, драмы непризнания и иронии, которые вызывали глубокие душевные страдания. Но многое в жизни доставляло и искреннюю радость. По свидетельству современников, он был великолепным лектором, обладал удивительной и редкой способностью «завораживать» аудиторию. Его приходили слушать студенты и журналисты, актеры и художники, иностранные гости и общественные деятели. В напряженности его речи, мимике и жестах оживала мысль, и он становился «медиумом» интеллектуального процесса. Г. Зиммель не просто излагал текст, а думал вслух, импровизировал, поражая слушателей глубиной тонкого и острого анализа проблем, которые волновали многих.

В России его труды переводились еще в начале XX века, но затем стали библиографической редкостью. К творчеству Г. Зиммеля обращались И. Голосенко, Л. Г. Ионин¹³, И. С. Кон, И. Д. Науменко. Интерес к его философии культуры неизменно сохраняется в течение всего XX века, хотя отношение к теоретическому наследию философа не всегда было однозначным.

Из широкого круга проблем философии и социологии культуры Г. Зиммеля предлагаю сосредоточить внимание на трех сюжетах, интересных для культурологии.

1. Философские основы истории культуры. Определение понятия и сущности культуры; историческое изменение форм культуры; конфликты и кризис культуры.

---

¹³ Ионин Л. Г. Георг Зиммель – социолог: (Крит. очерк) / Ионин Л. Г. – М., 1981.

2. Социальный смысл и значение моды в истории культуры. Соотношение традиций и новаторства.

3. Мужское и женское начала в культуре.

Возможно, именно эти проблемы окажутся наиболее интересными и привлекут внимание к другим аспектам его теоретических взглядов.

12.2. ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ

Философия культуры изложена в I томе избранных трудов Г.Зиммеля в статьях «Понятие и трагедия культуры», «О сущности культуры», «Изменение форм культуры». Динамика ценностей культуры, противоречия и трудности культурного процесса рассматриваются в статьях «Кризис культуры», «Конфликт современной культуры».

Г.Зиммель отмечает многозначность понятия культуры. Творческая стихия жизни человека создает множество культурных форм: общественное устройство и художественные произведения, религиозные верования и моральные нормы, технические изобретения и научные открытия, гражданские законы и философские трактаты.

В беспокойном ритме жизни, ее приливах и отливах, ее постоянном обновлении они обретают устойчивость и начинают существовать сами по себе. В этом заключается трагедия культуры. «Они лишь оболочка, скорлупа для творческой стихии жизни и для ее набегавших потоков»¹⁴, пишет Г.Зиммель. Эти явления в момент своего возникновения вполне соответствовали жизни, но постепенно они утрачивают эту связь, застывают, становятся чуждыми и даже враждебными.

Жизнь слишком динамична, чтобы удовлетвориться однажды созданной формой. Поэтому жизненные силы вступают в противодействие, они сопротивляются постоянству предшествующих ценностей и стремятся к обновлению. Эволюция культурных форм и является предметом истории. Непрерывная изменчивость содержания отдельных культурных явлений и даже целых культурных стилей есть вполне очевидный результат бесконечности творческих усилий человека в созидании культуры. Жизнь движется от смерти к бытию и от бытия к смерти, заключает Г.Зиммель. Но это противоречие может обратиться в свою противоположность и недуг культуры. Старый политический режим, когда-то популярный, а затем утративший своих сторонников, продолжает держаться только силой инерции. Это стимулирует борьбу против отживших форм политической жизни, которые ограничивают и даже препятствуют движению вперед. Подобное происходит в такую эпоху, когда прежде возникшие культурные формы выглядят «истощенными», исчерпавшими свое содержание. Жизнь протестует против этих реликтовых, архаичных

---

¹⁴ Зиммель Г. Избранное. В 2 т. Т. 1 / Зиммель Г. – М., 1996. – С. 494.

форм культуры, ибо стремится к утверждению новых культурных норм и ценностей.

В каждую крупную эпоху исторического развития выдвигается «центральная идея», которая обретает особое значение для интеллектуальной жизни и становится «идейным фокусом» культурного стиля. Общая идея или идеал может иметь разные способы и формы выражения в искусстве, науке, религии, морали, но при этом оставаться «властителем дум» своего времени. Для классического греческого мира – это была идея бытия, воплощенной в пластические формы. Для христианского средневековья – идея божества как властелина человеческого существования. В эпоху Возрождения высшей ценностью была названа верность природе как идеалу. В конце этой эпохи выдвинулась идея индивидуальности личности как нравственной ценности. XIX век возвысил значение общества как подлинной реальности, а личность оказалась в подчинении.

На пороге XX века центральное место в интеллектуальной истории занимает понятие жизни как высшей ценности. Именно само понятие жизни придает смысл и меру всем ценностям культуры. Произведения искусства, научные открытия, политические движения и юридические законы должны содействовать развитию и утверждению Жизни как высшей ценности бытия. Но если они противостоят этой ценности, то должны уйти со сцены, ибо не соответствуют гуманистическим идеалам времени. В преодолении этого противоречия и состоит динамика культурного развития.

Культура возникает как искусственное творение человека и до определенного времени ее формы тесно связаны с его желаниями и ценностями. Но парадокс культуры, удивительно точно подмеченный Г. Зиммелем, заключается в том, что они способны «отрываться» от жизненного содержания, превращаться в пустую форму, лишенную смысла. Отдаляясь от реальной жизни, такие формы культуры становятся чуждыми и даже враждебными. Социальные роли, столь уважаемые в прошлом, становятся безжизненными масками; политическая борьба принимает форму театрального зрелища; любовь, лишенная искренности, приобретает формальный характер.

Трагедия культуры и состоит в постоянном возникновении культурных форм, порождаемых человеком, и столь же последовательном отчуждении от этих форм, стремлении их преодолеть, «скинуть», опровергнуть, чтобы они не мешали созданию нового. Жизнь как бы обречена вечно воплощаться в формах культуры, но эти же формы, «застывая», создают препятствия на пути общего движения. В преодолении этого противоречия заключен внутренний импульс развития культуры.

Другим важным аспектом в философии культуры Г.Зиммеля является соотношение понятий «культуры» и «культурности». Оба термина имеют принципиальное значение в его философии культуры.

Всевозможные нормы и манеры поведения, этикет и утонченность вкуса и многое другое составляют лишь внешний и не самый важный признак культуры. По своей форме, они могут быть далекими от внутренних помыслов личности и выражать лишь степень необходимой учтивости, подражая общепринятым нормам и отношениям.

Внешний «рисунок» поведения может служить самым коварным целям и замыслам. Поэтому «культурность» необходимо сопоставлять и оценивать в зависимости от того, насколько внешние формы поведения соответствуют душевному состоянию человека, его мотивам и целям.

Они могут отлично служить частным целям или иметь косвенное значение для человека.

Главное назначение культуры и всех ее форм состоит в совершенствовании личности. Это, по словам Г.Зиммеля, «путь души к себе самой»¹⁵. Все жизненные силы должны содействовать гармонии человека, когда уравниваются в едином целом элементы культуры. Культура по своему жизненному содержанию есть «затянутый узел», в котором «взаимно переплетены субъект и объект»¹⁶.

Объективной культурой Г.Зиммель называет тот предметный мир, который окружает человека как созданная им среда обитания, результат его творческих усилий, реализации духа, способностей, дарований и таланта. Но есть и другая сторона, которую Г.Зиммель называет субъективной культурой. Она включает в себя меру развития личности, реальное соучастие душевных процессов человека в освоении объективных ценностей мира. Довольно часто можно встретить в жизни такие факты, когда богатая, насыщенная духовными ценностями среда вовсе не находит какого-либо отклика в душевном мире человека. Он не только не затронут ею, но и обнаруживает полное равнодушие или невежество. Кроме того, сама объективная культура может обрести смысл в себе самой, быть самодостаточной и не востребованной обществом или группой людей. Мир предметов постоянно увеличивается, приобретает самостоятельное значение, но духовный мир человека становится более примитивным, ограничиваясь лишь самым поверхностным приобщением к культуре. В этом также состоит трагедия современной культуры.

---

¹⁵ Там же. — С. 481.

¹⁶ Там же. — С. 446.

12.3. МОДА КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ

Интересные мысли высказывает Г.Зиммель о соотношении в культуре творчества и подражания, традиций и новаторства. Каждая форма культуры обнаруживает, по крайней мере, две взаимодействующие тенденции: стремление к единству, равенству и потребность в изменении, создании особенных и неповторимых черт в предметах культуры и личном облике. Каждая из этих тенденций проявляется в истории культуры.

Подражание поддерживает устойчивость культуры, оно дает уверенность в том, что человек в своих действиях не одинок, опирается на проверенные жизнью традиции. В повседневном поведении подражание освобождает от необходимости делать выбор, определяет границы общности. В любой человеческой индивидуальности всегда можно обнаружить взаимосвязь общего, особенного и единичного.

Исследуя механизм взаимосвязи творчества и подражания, уникальности и одинаковости в культуре, Г.Зиммель обращается к феномену моды

Известно, что мода возникла в достаточно отдаленные периоды истории культуры и существовала в различных сферах социальной жизни. Не только оформление внешнего облика человека: одежда, грим, прически, украшения подвержены модным влияниям. Но мода оказывает воздействие на стиль архитектуры, интерьеры жилых и общественных зданий, марки автомобилей, посуду и ткани, мебель и планировку городских магистралей, полиграфическое и художественное оформление книг и журналов, образ жизни и манеры поведения.

В духовной жизни во все времена можно обнаружить модных писателей, поэтов, художников, актеров, режиссеров, музыкантов. Нет необходимости продолжать эти перечисления. Это каждому известно. Важно обратиться к внутренней динамике моды как явления культуры. Конечно, мода противоречива, капризна, трудно предсказуема и почти не поддается рациональным объяснениям. И все-таки у нее есть свои траектории зарождения, кульминации и затухания, которые можно назвать закономерностями развития, основанными на повторяемости и цикличности.

Мода всегда предполагает взаимосвязь новаторства и подражания образцу.

Мода удовлетворяет потребность человека в обновлении и в социальной опоре, потому что она создает особый механизм, помогающий идентифицировать себя с той группой, принадлежность к которой воспринимается как особая ценность. Именно данному образцу человек оказывает предпочтение, ибо считает его для себя значимым.

Наряду с подражанием, мода удовлетворяет потребность в различии, выделении из общей массы, а мода высшего сословия всегда отличается от моды других слоев. Благодаря достаточно динамичной смене образцов, мода вчерашнего дня всегда иная, нежели современная, хотя в повседневной жизни они могут сосуществовать и даже не противоречить

друг другу. Но каждая будет выражать свой «знак времени». Поэтому так заметны «ошибки», просчеты в оформлении исторических фильмов, спектаклей, в картинах художников, когда они пренебрегают деталями моды. Точность воспроизведения моды тех лет становится дополнительным источником информации о культуре разных эпох.

Мода не что иное, «как одна из многих форм жизни, посредством которых тенденция к социальному выравниванию соединяется с тенденцией к индивидуальному различию и изменению в единой деятельности»¹⁷, отмечает Г.Зиммель. Историю моды он называет историей попыток «умиротворить» эти две противоположные тенденции в индивидуальной и общественной культуре.

Поскольку мода в истории общества отражает социальное разделение, то она выполняет двойную функцию: объединение определенной социальной общности и отделение ее от других. Поэтому мода означает, с одной стороны, присоединение к равным по положению и, с другой стороны, отличие от тех, кто к этому слою, группе не принадлежит. Знаковая маркировка моды подчеркивает этот механизм единства и дифференциации. «Связывать и разъединять – таковы две основные функции, которые здесь неразрывно соединяются»¹⁸. В этом смысле мода лишает формы культуры той целесообразности, благодаря которым они первоначально возникали. Следует ли носить широкие или узкие юбки, взбитые или гладкие прически, пестрые или черные галстуки – в этом господствует только мода. Она может стать выразителем уродливого и отвратительного, бессмысленного и несуразного именно потому, что у нее иные функции и цели в культуре. Новая мода не просто отвечает изменившимся потребностям, но создается по заказу и тем самым становится частью общественной структуры, а деятельность в области моды приобретает престиж высокооплачиваемой профессии.

Весь стиль жизни человека постоянно находится под воздействием моды. Дифференциация общества поддерживается модой, ибо она самая удобная форма установления внешних различий. Ее не надо долго осваивать, как науку, религию, искусство, образование. Моду можно легко «купить» за деньги и присоединиться к кругу избранных. Однако мода не столь демократична, как кажется на первый взгляд. Как только мода становится общедоступной, проникает в низшие слои, то высшее сословие или элита тут же от нее отказываются и создают новые образцы для подражания и идентификации. Чем ближе различные слои друг к другу, тем стремительнее происходит подражание. Но этот же процесс вызывает ускорение смены моды. В моде очень ценятся экзот-

---

¹⁷ Зиммель Г. Избранное. В 2 т. Т. 2 / Зиммель Г. – М., 1996. – С. 268.

¹⁸ Там же. – С. 269.

тические предметы, имеющие высокую цену, сразу создающие барьер недоступности для всех.

В тех обществах, в которых дифференциация ослаблена, где господствует тенденция к выравниванию и одинаковости, там мода, хотя и существует, но цикл ее движения гораздо более длителен, модные образцы держатся гораздо дольше. Такое общество не поддерживает быстрой смены моды, выдвигает санкционированные государственными учреждениями образцы, осуждает увлечение «чуждой» модой, переносит оценку внешнего облика на внутреннее содержание личности, а в высших слоях поддерживает стремление «быть как все».

В моде как явлении культуры есть еще один немаловажный аспект. Он связан с обновлением. Новая одежда не только изменяет внешний облик, но оказывает влияние на манеру поведения, требует новых впечатлений, делает человека более открытым к новшествам.

Несмотря на то, что мода как социальное явление имеет групповой характер, она не тождественна всей группе. Моду всегда принимает только ее часть, но как только она признается полностью всей группой, назначение ее образцов меняется, и она утрачивает свои символические черты и свойства.

Моде присуще стремление к экспансии, к движению вширь, захвату все новых и новых слоев, групп и территорий. Но в процессе этого движения она постепенно угасает. Чем большее число людей ее принимает, тем скорее начинается ее смена. Этот симптом хорошо известен законодателям моды, владельцам модных салонов, торговцам. В моде удивительным образом сплетены воедино противоречивые черты: новизна и жажда успеха, привлекательность обновления и стремление к стабильности. Но новизна преходяща, а постоянство иллюзорно. Расчет на длительность моды и произведенные затраты на приобретение товаров мало обоснован, ибо то, что было модным, вскоре «выходит из моды», стареет морально, не дожидаясь физического износа. Мода ориентирует людей на кратковременность своего цикла и учит «культуре выбрасывания».

Господство моды в современной жизни расширяет арену ее действия, вовлекая в этот круговорот огромное число товаров и услуг. Мода создает условия и возможности для выделения индивидуальности. Мода создает особую привлекательность для тех, кто желает быть замеченным, любит выделиться из толпы. Но «моднику» противостоит принципиальный противник моды, находящийся к ней в оппозиции. Уже одно отрицание моды также создает эффект индивидуализации. «Немодность» своеобразный знак внутреннего протеста, в основе которого лежит стремление иметь особые отличия. Принципиальная «немодность» тоже может стать модным отличием, демонстрируя отрицание общепринятой

моды. Но в том и другом случае мода действует также насильственно, вызывая желание не смешиваться с толпой и массой.

Таким образом, мода, с одной стороны, область всеобщего подражания, освобождение индивида от ответственности за его вкус и предпочтения, с другой стороны, отличие, подчеркивание своей причастности к определенной группе, знаковой принадлежности к эталонам современности. мода нередко восполняет социальную незначительность личности, ее заурядность и незаметность, неспособность своими достоинствами подчеркнуть индивидуальность. мода становится заменой и защитным экраном, и ею пользуются как маской. мода разрешает то, что человек никогда не стал бы делать в одиночку. Она освобождает от чувства стыда, требуя беспрекословного подчинения, даже если ее требования абсурдны.

Подводя итог рассуждениям о социальной роли моды в истории культуры, Г.Зиммель отмечает, что мода является сложным образованием, в котором своеобразно соединяются различные измерения жизни. Общий ритм жизни индивидов и групп определяет их отношение к моде. Массы низших слоев труднее приходят в движение, мода их затрагивает, но поскольку их материальные возможности весьма ограничены, то темп перемен замедлен. Высшие слои по-своему консервативны, они настороженно относятся к переменам в моде, которые кажутся подозрительными и опасными покушениями на власть. Они бережно охраняют моду своей группы как символ верности ее ценностям. Поэтому пока в истории общества социальная дифференциация довольно четко делила верхние и нижние слои, смена циклов моды была весьма длительной.

Совсем иная картина сложилась тогда, когда в истории появился средний класс, который по своему положению отличается ускоренной вертикальной мобильностью. Именно средний класс нашел в моде подтверждение собственных душевных интересов и устремлений. Большие города, где сосредоточен средний класс, становятся питательной почвой для распространения моды. Быстрому изменению темпа и ритма моды содействовал и экономический подъем в городах, стремление к подражанию и внешней символике своей группы. Но эта динамичность развития моды вносит существенные изменения в определение финансовых затрат на создание новых образцов. Если прежде дороговизна модных предметов восполнялась длительностью их использования, ввиду большой временной протяженности модного цикла, то теперь мода ориентируется на более дешевые материалы и образцы, которые могут найти спрос у потребителя среднего класса. Массовое производство модных товаров и быстрая смена моды становится типичной ситуацией XX века.

Г.Зиммель отмечает существование закономерности в развитии моды: чем быстрее меняется мода, тем дешевле должны становиться вещи.

принуждая потребителей к их использованию. Но психологически каждая новая мода воспринимается так, будто она будет существовать вечно. Поэтому ее новые образцы кажутся особенно привлекательными, хотя, приобретая их, человек должен понимать, что очень скоро они устареют и потребуют замены.

В этом водовороте модных перемен относительную устойчивость сохраняет классика. Она представляет собой относительно стабильную концентрацию модных элементов, «вокруг покоящегося центра». Классика гармонична и устойчива, не допускает крайних вариаций и нарушения баланса. Классика тоже является модой, но при этом сохраняет свою целостность, не подчиняясь сиюминутному импульсу.

Мода как социальное явление не только закономерна в жизни, но и вполне естественна, ибо соответствует стремлениям человека к обновлению и обособлению, использованию оригинальности для подчеркивания индивидуальности и принадлежности к определенной группе. Мода оказывает широкое воздействие на культуру, вовлекая в круг перемен различные слои, становясь символом новизны в изменяющемся мире.

12.4. О МУЖСКОЙ И ЖЕНСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Третий сюжет философии культуры Г.Зиммеля связан с размышлениями о мужском и женском началах, которые он излагает в статье «Женская культура». Эта проблема имеет несомненный интерес для культурологии, где личность рассматривается в широком диапазоне антропологических, социальных и культурных различий. Г.Зиммель отмечает, что «культура человечества не является чем-то как бы бесполом и отнюдь не находится по ту сторону различия между мужчиной и женщиной»¹⁹.

Несомненно, обращение к этой теме связано с распространением феминистского движения в Европе XIX – XX веков, и Г.Зиммель включается в дискуссию, но при этом находит для размышления о судьбе женской культуры свой философский ракурс. До сих пор не утихают споры о правомерности терминов «мужской» и «женской» культуры, об их исторической взаимосвязи или первенстве, о социальном назначении и творческих возможностях мужчин и женщин, о слиянии мужской и женской культуры в единое целое, о разделении культур по гендерному принципу и обретением каждой из них самостоятельного статуса, о степени культурно-психологического воздействия мужчин и женщин на облик поколения. Перечисление дискуссионных проблем можно продолжить. Возможно, некоторые из них привлекут внимание исследователей, а это будет содействовать решению многих социальных и культурных проблем.

---

¹⁹ Там же. – С. 235.

В культуре общества Г.Зиммель выделяет два взаимосвязанных процесса: создание и освоение ценностей. Все реально действующие нравы, знания, искусство, религия и другие формы «объективной культуры» являются результатом творческих усилий только мужчин. Они «создали искусство и промышленность, науку и торговлю, государство и религию»²⁰, — пишет Г.Зиммель. Происходит отождествление понятий «человек» и «мужчина», что во многих языках и выражается одним словом. Таким образом, созидательно-творческая деятельность в культуре принадлежит мужчине и поэтому человеческая культура по преимуществу «мужская», хотя некоторый творческий вклад вносят и женщины. Однако их творческие достижения достаточно редки.

Но параллельно с созданием ценностей идет не менее значимый процесс их освоения и распространения. Этот процесс составляет сущность «субъективной культуры». Синтез той и другой сторон культуры необходим для того, чтобы человек стал «культурированным», отмечает Г.Зиммель. В этом органичном соединении объективного (мужского) и субъективного (женского) начала заключается смысл культурного развития и совершенствования индивида. Казалось бы, проблема исчерпана. Мужчины создают культуру, женщины содействуют ее сохранению и передаче новым поколениям.

Однако лидеры и идеологи женского движения усмотрели в такой постановке вопроса явное нарушение принципов равноправия. В первый период возникновения женского движения главные усилия направлялись на завоевание равноправия в получении образования, при приеме на работу, при получении наследства и других социальных проблемах. Женщины стремились перенять формы жизни, присущие мужчинам и, тем самым, принять равное участие в тех сферах жизни, которые прежде для них были закрыты.

Однако главный вопрос, как утверждает Г.Зиммель, заключается в ином. Необходимо ответить на вопрос об особом вкладе женщин в создание новых культурных ценностей, соответствующих женской природе и женской сущности. Это означало бы, что существует в человеческом роде «две жизненные тотальности», отличающиеся друг от друга и реализующие себя в культуре не по единой, а каждая по своей «автономной формуле». Включение женщин в созидательную деятельность приводит ли к принципиально новому или же просто содействует количественному увеличению занятых в тех сферах, в которых обычно господствовали мужчины?

Г.Зиммель считает, что «объективное содержание нашей культуры носит вместо кажущегося нейтрального в действительности мужской

---

²⁰ Там же. — С. 236.

характер»²¹. В своих высших достижениях культура создается мужским интеллектом, мужской энергией, мужскими чувствами. Даже деяния «вторичной оригинальности» в различных областях техники и торговли, науки и военного дела, литературы и искусства содержат инициативу, творческую силу и своеобразие, которые исходят от мужского духа.

Когда же великие свершения выпадают на долю женщин, то они объявляются «достойными мужчин» и получают похвалу и высокую оценку как свидетельства «мужского ума». Когда деятельность женщин в различных сферах культуры не дотягивает до высокой планки, то тогда такие результаты снисходительно называют «чисто женским рукоделием». Такие оценки можно встретить и в наше время, когда говорят о достоинствах женской литературы, женского руководства, женского бизнеса.

Автономная формула двух культур – мужской и женской – либо должна быть отвергнута, ибо сущность у человека одна, либо требовать более обстоятельной аргументации. Разделение труда по профессиональному признаку соответствует способностям мужчин, их намерениям и мотивам деятельности, требуют особых навыков, силы, умений и ритма. Женщинам тоже доступны большинство этих профессий, но при этом они лишь повторяют действия мужчин, не внося в эти сферы и виды деятельности ничего «особо женского». Осуществляя эту работу, женщина сохраняет лишь внешний облик, да и то во многих случаях стремится подражать мужчинам.

В некоторых видах деятельности, женщины все-таки проявляют некоторые свойства, отличающие их от мужчин. Г.Зиммель отмечает успехи и особенности женщин в актерском мастерстве, способность к передаче знаний в обучении, склонность к собиранию и классификации материала в науке, наблюдательность и интуицию в медицине. Но вся эта деятельность совершается в пределах «мужской культуры», изменяя ее качество, но не внося ничего существенно нового.

Вопрос же заключается в том, чтобы распознать в реальной культуре то, чего принципиально не могут создать мужчины. В этом суть вопроса об особой роли женщин в культуре. Могут ли женщины, вследствие особенностей своего пола, достигнуть того, что недоступно мужчинам.

Наиболее вероятно проявление женской сущности в области искусства, считает Г.Зиммель. В литературе можно обнаружить женщин, которые не скрывают свое имя, принимая мужской псевдоним, и не стремятся писать «как мужчины». В женской лирике стремление раскрыть свои чувства, дать простор фантазии представлено иначе, чем в мужской.

Внутренняя жизнь женщин особым образом отражается во внешних проявлениях – жестах, мимике, манере двигаться, освоении пространства

---

²¹ Там же. – С. 237.

вокруг себя. Психотехника подтверждает, «что отношение женщины к пространству иное, нежели у мужчин. Она иначе воспринимает его и движется в нем, без той стремительности и завершенности, которые свойственны мужчинам. Эту особенность можно сравнить с ощущением пространства у жителей Востока или у греков, в период Средневековья или Возрождения, которое отразилось в стилях изобразительного искусства и скульптуры.

Искусство танца давно отмечало индивидуальную особенность женской пластики, импульсивность и обаяние, женственность и очарование движений тела. Это происходит в силу ряда обстоятельств. У женщин внутренний мир и его воплощение в поступках тесно объединены. Женщина более непосредственно переводит душевные переживания и психологические состояния на язык жестов, интонаций, мимики, словесных действий и поступков – отмечает Г.Зиммель. Иногда многими эта особенность женской природы считается как недостаток, проявление эмоциональной избыточности и несдержанности женщин. Но для актерского искусства подобные черты выражают способность к перевоплощению, столь важную для понимания и воплощения роли в драме, трагедии или комедии.

Женская психика обнаруживает особые способности в проникновении в ткань исторического прошлого, в понимании картины жизни ушедших поколений, их душевные переживания.

Наконец, следует отметить еще одну особенность женской природы. Культурное значение женщины тесно связано с понятием красоты. Г.Зиммель пишет, что хотя это звучит достаточно банально, но женщины, действительно, «прекрасный пол» и в этом нет никаких сомнений. Понятие «Красоты» приложимо именно к женщине, а для мужчины более точным будет термин «Значительность, Мужественность».

Женщина должна быть прекрасной и это не сводится лишь к внешности. Красота – это единство внутреннего и внешнего, гармония частей в их целостности, завершенность создания человека, самодостаточность в себе самой. Красота более свойственна женскому облику, нежели мужскому. Женское тело гораздо ближе к идеалу красоты, нежели мужское. Мужчина обладатель не столь красоты, сколько значительности, которую он проявляет в жизни, становясь защитником или знатоком своего дела. Он обретает свою значимость в вещи или идее, в историческом мире или в сфере познания. Конечно, его тело должно выражать силу, иметь развитые мускулы, и в этом заключается внешняя красота мужчины.

Таким образом, женщина способна вносить в мир культуры такие черты, которые содействуют гармонии и совершенствованию человечества. Мужчина выполняет функцию жизненной опоры и обеспечивает благополучие человеческого рода. Женщина и мужчина взаимно допол-

няют друг друга. Но есть еще две сферы, отмечает Г.Зиммель, в которых наиболее полно проявляются возможности женщины: это 1) обустройство жизненного пространства Дома и 2) влияние женщин на мужчин.

Жизнь вообще построена по принципу взаимосвязанных миров. Эти миры многочисленны, каждый из них обладает особым содержанием. Они могут быть изолированы или находиться на пересечении, отличаться друг от друга или быть похожими. В своей совокупности они образуют картины жизни человека. Но в этом множестве «Дом» занимает центральное положение. Он присущ всем без исключения. Он может быть богатым или бедным, теплым или холодным, скупым или щедрым, но он есть у каждого. Дом – особый вид формирования содержания жизни, в нем переплетаются личные, духовные, деловые, религиозные, хозяйственные, бытовые, художественные отношения.

Нет ни одной области жизни, которая бы теми или иными сторонами не создавала бы облик дома. «Дом – это часть жизни и вместе с тем особый способ соединять, отражать, формировать всю жизнь. Свершение этого является великим культурным деянием женщины»²², – отмечает Г.Зиммель. Именно в этом он видит главное предназначение женщины, ее весомый вклад в развитие объективной и реальной культуры. Усилиями женщин создается Дом как защита и поддержка, как среда обитания и духовного развития новых поколений, как основа интимных и близких отношений любви, дружбы, гостеприимства, домашнего очага и отдыха, развлечения и досуга. Здесь наконец-то полностью реализуется женская сущность, создавая по собственному проекту то, что выражает представления о комфорте, уюте, благоустройстве и порядке.

Дом – произведение культуры, в котором запечатлены способности, интересы, чувства и интеллект женщины. Для мужчин Дом означает лишь часть жизни, для женщины особо сформированную целостность. Смысл Дома не исчерпывается для женщины отдельными задачами, будь то воспитание детей или быт. Он представляет для женщины самодовлеющую и самостоятельную целостность и ценность, хотя важным камертоном оценки служит признание и успех, похвала и атмосфера радостной поддержки близких.

Дом – жизненный синтез всех влияний, он суммирует все формы жизни, ценности и воспоминания, которые создаются в повседневности. Дом стал великим культурным деянием женщины потому, что он соединил все линии культурного космоса. Но есть еще один аспект, который, по мнению Г.Зиммеля, заслуживает названия «культурного подвига» женщины. Он заключается в том, что женщины в значительной степени формируют мужскую душу. Эти преобразования столь значительны, что

---

²² Там же. – С. 257.

Г.Зиммель сравнивает их с обработкой материала художником и относит результат деятельности к «объективной культуре».

Именно благодаря женщинам душа мужчины стала такой, какая она есть. В этой культурной деятельности женщины выражают самое себя, создавая тип мужчины в соответствии со своими возможностями и идеалами. Если бы такого воздействия не было бы, мужчины были бы совсем иными. Какими сказать трудно, но другими. Контакт и общение мужчины с женщиной делают его более гармоничным, изменяют взгляд на мир и самого себя, влияют на поведение и поступки. Это позволяет Г.Зиммелю сделать вывод, что вся мужская культура в значительной степени основана на влиянии или на «стимулировании женщинами».

Но несмотря на такое мощное влияние, культура все-таки по преимуществу остается мужской, не приобретая черт женской. Влияние имеет значение лишь косвенного фактора. Эта подчиненная роль женского влияния остается потому, что глубокие исторические перемены и важные события осуществлялись независимо от женщин. Они не имели прямого отношения ни к отмене рабства, ни к отмене пыток и других подобных акций. Даже «смягчение нравов»²³, о котором часто пишут сторонники женского движения, было результатом объективного развития духа. Очевидно, степень женского влияния не безгранична, более того, она имеет иную направленность. Духовность мужчин была бы более бедной и ограниченной, если бы не влияние женщин, которые способны предупредить импульсивность, бессмысленную жестокость, невоздержанность, агрессивность мужчин. Импульсы, исходящие от женщины, способны изменить духовный облик мужчины. Нельзя примитивно понимать влияние и считать, что Дульсинея Табосская «стимулировала» деяния Дон Кихота. Эти отношения гораздо тоньше и сложнее.

Главной обителью и опорой жизнедеятельности для женщин является Дом, и она в нем хозяйка. Пренебрежение к этой роли, которое сложилось в умах женщин, является не только несправедливым и опасным, но противоречит женской сущности. Неверно было бы ограничивать Дом узкими рамками только семейных отношений, хотя они занимают важное место в жизни.

Женщина способна привносить в свою деятельность вне семьи атмосферу «домашности», теплоты, участия, близости, заботы и это ее главное назначение. Не соревнование и конкуренция, но сотворчество вносит гармонию в отношения между людьми. Социальный ранг домашней хозяйки относится к профессиям «вторичной оригинальности», которых большинство. Ими заняты как женщины, так и мужчины. Они выражают

---

²³ Там же. – С. 260.

глубокую жизненную потребность, от них зависит общее состояние культуры.

Однако такой гимн «Дому» и домашней хозяйке не означает, что это единственное или главное предназначение женщин. Но он образует ту неповторимую грань в ее жизни, без которой развитие культуры принимает односторонний характер. Не подражание мужскому началу, а выявление собственной одаренности и ее реализация может быть основой для поиска.

Женщины могут создавать великие творения культуры, быть «не хуже» мужчин. Движение женщин за права в воспитании, владении, образовании, политической, профессиональной деятельности будет способствовать более глубокому выявлению многих качеств и тем самым обогатит человечество. Однако с уверенностью ответить на вопрос приобрела ли женская сущность в какой-либо области культуры, кроме дома, свои собственные черты, сказать трудно. Следовательно, либо изначально вопрос о мужской и женской культуре не соответствует действительности, либо нужны новые аргументы. Если бы такая культура была, то смысл женского движения был бы направлен не на достижение равенства внутри общей культуры, а на развитие собственной автономной женской культуры.

ГЛАВА 13. А.ШВЕЙЦЕР: ГУМАННОСТЬ КАК ОСНОВА КУЛЬТУРЫ

Удивительный человек Альберт Швейцер (1875 – 1965). Всемирно известный мыслитель, философ, гуманист, музыковед, теолог, органист, врач, общественный деятель, Лауреат Нобелевской премии мира. Он один из немногих практически соединил свое философское учение о милосердии и ценности жизни с организацией больницы в Экваториальной Африке и работал там много лет. А.Швейцер – автор 5-томного собрания сочинений, отличался необычайным трудолюбием, глубиной и многосторонностью познания. Специалист по философии и религии, исследователь творчества И.Баха, музыкант, объехавший с органными концертами многие страны, прекрасный лектор, известный в университетах Европы и США.

А.Швейцер – гений и пророк, предвидевший опасность экологического кризиса, требовавший запрещения атомного оружия. Он обосновал универсальный гуманистический принцип благоговения перед жизнью, сострадания и сочувствия, милосердия и любви. Вначале его призывы звучали как чудачества, но со временем они стали основой организации общественных движений в защиту детей, инвалидов, стариков, женщин; образовались общества покровительства животным; возникла «Красная книга» исчезающих растений.

В автобиографических заметках он писал: «Мне даровано счастье служить милосердию, видеть плоды своего труда, ощущать любовь и доброту людей, иметь рядом верных помощников, признавших мое дело своим, обладать здоровьем, позволяющим справляться с напряженным трудом, сохранять неизменным внутреннее равновесие и спокойствие и не утратить энергию духа»²⁴.

В судьбе А.Швейцера тесно переплелись успех и благополучие, крутые переломы, освоение неизвестного, риск и непредсказуемость решений, благородство и сострадание, оптимизм и пессимизм, надежда и страх, рационализм и религиозность, горечь утрат и радость признания. В нашей стране его труды переводились давно, хотя полного издания сочинений нет до сих пор. Монография «И.С.Бах» издавалась неоднократно. В 60 – 70-е годы интерес к А.Швейцеру значительно возрос. Его письма, статьи, рассказы публикуются в различных журналах и сборниках. В 1973 г. вышла его книга «Культура и этика».

---

²⁴ Швейцер А. Благоговение перед жизнью / Швейцер А. – М., 1992. – С. 34.

Популяризации его идей, благотворительной деятельности способствовали культуролог В.А.Петрицкий, который был с ним в переписке, философ А.А.Гусейнов, социолог Ю.А.Левада, польский этик И.Лазарь-Павловска, немецкий исследователь Г.Геттинг. О жизни и деятельности А.Швейцера писали ученые А.Эйнштейн и А.Д.Сахаров, писатели Р.Роллан, М.Шагинян, С.Цвейг, поэт Б.Пастернак, музыкант Г.Нейгауз.

В 1992 г. вышел сборник его трудов, в который были включены и ранее не переводившиеся: «Упадок и возрождение культуры. Философия культуры. Часть первая», «Мистика апостола Павла», Нобелевская речь, статьи разных лет, автобиографические заметки. В сборнике также представлены библиография трудов А.Швейцера, работы о нем, даты жизни и деятельности. Это дает возможность наиболее обстоятельно познакомиться с его культурным наследием, проникнуть в особенности его литературного стиля, понять эмоциональную страстность взглядов и позиций.

На одной из фотографий, помещенных в книге, можно увидеть А.Швейцера в его кабинете в Ламбарене, в Африке. Большой, необыкновенно красивый и добрый человек пристроился со своими рукописями на крохотном пространстве стола, на котором не умещаются не только бумаги, но даже и руки, потому что основную часть под лампой спокойно, привычно и по-хозяйски заняли две кошки, возможно, мать с котенком. Эта фотография многое говорит о Швейцере.

В очерке «Будничный день в Ламбарене» ученый передал обстановку, в которой он писал свои работы. «Строки эти я пишу, сидя за столом в большой приемной, и стараюсь не обращать внимание на царящий здесь шум. Каждую минуту меня отрывают различными вопросами. Приходится то и дело вскакивать с места и давать какие-то указания. Но писать в таких условиях я уже привык. Для меня важно быть в это время в больнице, на своем посту, чтобы видеть и слышать все, что там происходит, и нести ответственность за все»²⁵. Такой напряженный ритм жизни был для него нормой.

13.1. ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

А.Швейцер прожил долгую, интересную жизнь. Он родился 14 января 1875 г. в городке Кайзерсберге, в Верхнем Эльзасе, в семье священника и учителя небольшой евангелической общины. Вскоре после рождения сына семья переехала в Гюнсбах, откуда родом была его мать, дочь пастора, урожденная Шиллингер. Так начинается А.Швейцер свои заметки «Из моего детства и юности». Уже в раннем детстве он посещал храм, слушал орган, проповеди, церковное пение. Впоследствии он назовет это «наглядной теологией».

---

²⁵ Там же. – С. 528.

Он учился в сельской школе и ежедневно проделывал путь в три километра. В детстве он был тихим, робким, замкнутым и мечтательным. Уже в эти годы он усвоил заповедь, запрещающую убивать и мучить живые существа. Он с состраданием относился к хромоту коню, собаке, рыбам, попавшим на крючок, не боясь упреков в сентиментальности.

В гимназии он особенно пристрастился к чтению, был способен читать ночи напролет. Другим увлечением был велосипед, в те годы это была новинка. Он довольно рано обучился игре на клавесине и органе, испытывая истинное наслаждение от музыки.

В 1893 г. А.Швейцер поступил на теологический факультет и философский факультет Страсбургского университета. Затем он продолжил изучение философии в Сорбонне в Париже, защитил докторскую диссертацию «Философия религии И.Канта», диссертацию по теологии. В эти годы были изданы работы «Тайны мессианизма и страдания. Очерк жизни Иисуса» и «Проблема Тайной Вечери на основании научных исследований XIX столетия и исторических обобщений». В это время А.Швейцеру исполнилось 28 лет, и впереди была длинная и напряженная жизнь.

Еще в 21 год, как он пишет в автобиографии, он наметил такую программу – до тридцати лет считать себя вправе заниматься теологией и музыкой, но после этого рубежа посвятить себя непосредственно служению людям. Такой план жизни настолько необычен, что вызывает восхищение. Но главная особенность нравственного облика А.Швейцера состоит в том, что этот замысел был реализован. Он мечтал о глубоко индивидуальной и независимой деятельности, которой можно посвятить себя, оставаясь свободным. В эти годы он преподает в Страсбургском университете, читает проповеди в церкви, увлекается игрой на органе. Будучи директором семинарии св.Фомы в Страсбурге, он написал книгу «И.С.Бах, музыкант и поэт», труды по органному искусству.

Однако приближалось важное событие в жизни, которое изменило ее плавное течение. А.Швейцер всегда вспоминал об одном, казалось бы случайном, факте. Осенью 1904 г., разбирая свежую почту, он увидел брошюру парижского Миссионерского общества с призывом оказать помощь людям в Габоне, северной провинции Конго в Африке. Для работы требовался врач. «Закончив чтение, – вспоминает Швейцер, – я спокойно принялся за работу. Поиски завершились»²⁶. Решение было принято и началась его последовательная реализация, но ехать в Африку он должен был не миссионером-проповедником, а врачом. Он снимает с себя обязанности по руководству семинарией и становится студентом медицинского факультета Страсбургского университета. Не трудно себе представить, как было встречено такое решение ближайшим окружением

---

²⁶ Там же. – С. 524.

А.Швейцера. Да и впоследствии неоднократно возникали версии причин побудительных мотивов такого поворота судьбы в его жизни. Обывательское сознание предполагало поиск приключений; желание обрести славу и известность, уйти от несправедливых притеснений, заработать деньги – и другие, столь же далекие от истины мотивы. Намерение бросить вполне устроенную жизнь в Европе и устремиться в неизведанную Африку, чтобы лечить больных проказой, – с этим мало кто мог примириться. А если еще учесть, что А.Швейцер решил строить госпиталь на деньги, заработанные собственным трудом от выступлений на органичных концертах, то его поведение мало укладывалось в привычные представления. Но таков был характер А.Швейцера. И в этом величие его духа.

«Он следовал влечению собственной природы, чрезвычайно независимой природы разносторонне одаренного человека»²⁷, – пишет его биограф, немецкий исследователь П.Г.Фрайер. Изучение медицины длилось до 1911 г., когда были сданы последние экзамены, пройдена практика в клиниках, специально изучен курс тропической медицины. И при этой огромной занятости, он не бросал своих исследований по философии, теологии, продолжал давать концерты. Уже тогда всех удивляла его необыкновенная работоспособность и трудолюбие. В 1913 г. он представил диссертацию «Психиатрическая оценка личности Иисуса», и ко всем его титулам добавилась еще степень доктора медицины.

В 1912 г. произошло еще одно важное событие: состоялось бракосочетание А.Швейцера и Елены Бреслау, его давней знакомой, с которой он был связан общими интересами в благотворительной и музыкальной деятельности. Эта очаровательная женщина стала его верной помощницей в Африке, прошла курс тропической медицины и сопровождала его во всех делах. Она умерла в 1957 году.

После недолгих сборов, в том числе необходимого медицинского оборудования и денег, взятых в кредит у друзей и знакомых, супруги Швейцер на пароходе «Европа» 14 апреля 1913 г. отбыли в Габон. Эта поездка описана А.Швейцером в книге «Между водой и девственным лесом» (1921). Всего было совершено 14 поездок, а пребывание в Африке было всегда достаточно длительным: 1913 – 1917, 1924 – 1925, 1929 – 1932, 1933 – 1934, 1937 – 1939, 1939 – 1948, 1949 – 1952, 1954 – 1955, 1955 – 1957, 1957 – 1959 годы. В 1959 г. состоялась последняя, четырнадцатая поездка в Африку. Я специально привела эти даты, ибо они убедительно говорят о продолжительности пребывания А.Швейцера в Габоне.

В Ламбарене он оказался единственным врачом в радиусе 300 километров, без необходимых больницы и жилья. Он начинал с нуля.

---

²⁷ Фрайер П.Г. Альберт Швейцер. Картина жизни / Фрайер П.Г. – М., 1982. – С. 54.

А.Швейцер был прорабом на стройке госпиталя, принимал больных, занимался об их питании, распоряжался финансами, писал десятки писем ежедневно, поддерживая отношения с друзьями и коллегами. «Он заменял собой целое учреждение, а самое главное, он был живым нервом всей жизни в больничном городке и постоянно, каждую минуту, находился на посту»²⁸, – пишет исследователь его жизни и творчества А.А.Гусейнов.

А.Швейцер был безотказен, ему приходилось лечить больных малярией, проказой, сонной болезнью, дизентерией, пневмонией, раковыми опухолями, грыжей, слоновой болезнью, быть хирургом, терапевтом и педиатром. И во всем его неутомимой помощницей была Елена Швейцер. Ко всем трудностям надо добавить сезоны дождей, языковое общение, привычки и религиозные суеверия, столь распространенные среди местных жителей. Обо всех сложностях судьбы А.Швейцера очень интересно написали В.Петрицкий в книге «Свет в джунглях» (Л., 1972) и П.Фрайер – «Альберт Швейцер. Картина жизни» (М., 1982).

Первая мировая война 1914 года принесла немало тревог семье. Как германские подданные, они были интернированы, вывезены из Африки, помещены в пересыльные казармы, а затем в лагерь для пленных. А.Швейцер беспокоился за судьбу рукописи «Культура и этика», которую он оставил в Африке из опасения, что ее могут отобрать при досмотрах на границе.

Последующие годы он проводит в Европе, читает лекции в университетах Англии, Швеции, Швейцарии, Дании, выступает с концертами, готовит к изданию свой труд «Культура и этика», расплачивается с долгами, по-прежнему думает о возвращении в Африку, и в 1924 г. он осуществляет свое намерение. На этот раз он уезжает один, оставив жену и дочь в Европе. Больница и дом в Ламбарене оказались почти разрушенными, и пришлось все начинать сначала. Необходимо отметить, что строительство новой больницы велось на собственные деньги и различные пожертвования друзей. Он платил колониальным властям огромные налоги. Недаром его прозвали «авантюристом милосердия», «тринадцатым апостолом Христа».

Почти 12 лет он провел в Ламбарене, и это были страшные годы фашизма, разгула ненависти второй мировой войны, жертв Хиросимы и Нагасаки. А.Швейцер включается во Всемирное движение сторонников мира, его авторитет оказывает значительное влияние на международные отношения. Ему присуждают Нобелевскую премию мира за 1952 год, и почти всю премию в размере 220 тысяч марок он тратит на строительство домов для прокаженных в Африке. К этому времени в Ламбарене возник

---

²⁸ Гусейнов А.А. Благоговение перед жизнью: Евангелие от Швейцера / Гусейнов А.А. // Швейцер А. Благоговение перед жизнью. – М., 1992. – С. 528.

цельный больничный городок, одновременно вмещавший около 600 больных, а в различных строениях размещалось до двух тысяч человек. А.Швейцер считал неправильным лишать больного контактов с родственниками, поэтому в больницу приезжали целыми семьями, прихватив с собой кастрюли, собак, домашних животных. Можно представить себе картину повседневной жизни в Ламбарене.

Несмотря на свой возраст, а ему уже исполнилось 85 лет, он продолжал прием больных, руководил строительством, писал статьи, принимал журналистов, его рабочий день длился не менее 12 часов. Но 21 августа 1965 г. А.Швейцер внезапно почувствовал слабость и 4 сентября в возрасте 90 лет умер. Он похоронен в Ламбарене, рядом с урной, в которой покоится прах Елены Швейцер, в тени финиковой пальмы, недалеко от своего дома.

Такова была жизнь этого необыкновенного человека. Его отличали высокая нравственность и действенный гуманизм, трудолюбие и работоспособность, справедливость и религиозность, чувство личной ответственности за мир и согласие, любовь к людям и благоговение перед жизнью.

Высокий авторитет и общественное признание А.Швейцер получил при жизни. Но было бы неверным представить ее «безоблачной», лишенной трудностей. Их было немало за время долгого жизненного пути. Были обвинения в абстрактном гуманизме, его называли отшельником, «вздорным стариком». Но все эти недостойные вымыслы жизнь опровергала, и для современников и потомков А.Швейцер всегда будет нравственным примером, Совестью Земли.

13.2. ИЛЛЮЗИИ И ДРАМЫ НОВОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Теперь настало время проанализировать основные положения гуманистической концепции культурологии А.Швейцера.

Вначале обратимся к работе «Упадок и возрождение культуры. Философия культуры. Часть первая». Первоначальные наброски этой книги относятся еще к 1900 году. Но написана она в 1914 – 1917 годах во время пребывания в Африке, а издана в Европе в 1923 г. Она состоит из 5 глав: 1) Вина философии в закате культуры. 2) Враждебные культуре обстоятельства в нашей экономической и духовной жизни. 3) Основной этический характер культуры. 4) Путь к возрождению культуры. 5) Культура и мировоззрение.

Главный вопрос, который давно волнует человечество, заключается в том, чтобы определить: что такое культура? Казалось бы, он должен быть решен, но обстоятельства свидетельствуют о том, что мы живем в условиях опасного смещения элементов культуры и бескультурья.

Целью культуры является создание максимально благоприятных условий жизни в интересах духовного и нравственного совершенствования

индивида. Человеку приходится утверждать себя в природе перед ее стихийными силами, и в обществе – перед себе подобными. Следовательно, и сущность культуры двойка: она складывается из господства разума над силами природы и над человеческими убеждениями и помыслами. На первый взгляд, эти утверждения вполне очевидны. Но уже следующий вопрос – что нужно признать важнейшим, опровергает обыденное мнение. Самым существенным в культуре является господство разума над образом мыслей человека. Люди живут в плену иллюзий, будто новые научные открытия или изобретения, новые экономические отношения или социальные институты будут совершенствовать культуру. На самом деле, наряду с достоинствами они содержат и недостатки, способные стимулировать бескультурье. «Взаимодействие между материальным и духовным приняло роковой характер. Мы сошли со столбовой дороги развития культуры, так как нам не свойственно задумываться над судьбами того, что мы называем культурой»²⁹, – пишет А.Швейцер.

Только ценой невероятного напряжения можно продвигаться вперед в потоке, бурлящем зловещими водоворотами. Важно установить компоненты духовной жизни, проверить благородство идей, на которые опирается культура. В XX в. происходит постоянно набирающий силу процесс самоуничтожения культуры, исчезают источники культуротворящей энергии, творческий дух покидает философию, а этические идеалы и ценности обнаруживают бессилие и непопулярность. «Несвободный, разобщенный, ограниченный современный человек одновременно находится под угрозой стать негуманным»³⁰.

Постоянная спешка, интенсификация общения и труда, ограниченность профессиональной специализации, односторонность деятельности приводят к деградации человеческих отношений и взаимному отчуждению, безразличию к жизни и страданиям другого человека. На смену участию и сочувствию приходят пренебрежение к человеческому достоинству и ценности каждой личности. Поглощение современного человека обществом также отрицательно воздействует на культуру. Вся духовная жизнь протекает в рамках различных организаций и социальных институтов. Личность попадает под их власть и утрачивает индивидуальность и самостоятельность. Политические, религиозные, экономические объединения стремятся к внутренней сплоченности, доводя техническую оснащенность своей деятельности до совершенства. И это вначале воспринимается как благо, но достаточно быстро обнаруживается их «машинный» характер. Люди теряют чувство личной ответственности, авторства в своих поступках, они подчиняются инструкции, общим правилам, тре-

---

²⁹ Там же. – С. 44.

³⁰ Там же. – С. 53.

бованиям, мнениям. Убеждения в готовом виде усваиваются сознанием, а идеи коллективизма, конформизма приобретают такой авторитет, что представляют опасность для культуры. А.Швейцер называет такое состояние «новым средневековьем», когда свобода мышления изъята из употребления, и человек руководствуется только интересами своей корпорации.

Для того чтобы возродить культуру, необходимо сбросить собственноручно надетое ярмо духовной несамостоятельности. Духовная нищета обнаруживается в отречении от собственного мнения, в подавлении сомнений, в подчинении своих убеждений массовым интересам. Так возникают современные «бескультурные государства», где господствует унифицированное коллективное мнение, где никто не поднимет голоса против бессмысленных, жестоких и несправедливых действий, где все руководствуется лишь масштабом выгоды или удобства. Но в результате становятся ущербными души людей, деморализация индивида обществом идет полным ходом. «Несвободный, обреченный на разобщенность, ограниченный, блуждая в дебрях бесчеловечности, уступая свое право на духовную самостоятельность и нравственное суждение организованному обществу, сталкиваясь на каждом шагу с препятствиями на пути внедрения истинных представлений о культуре, — бредет современный человек унылой дорогой в унылое время»³¹, — такое заключение делает А.Швейцер.

Страшная правда, которую предстоит осознать, состоит в том, что по мере исторического развития общества и прогресса экономической жизни возможности процветания культуры не расширяются, а сужаются. Это происходит в силу ряда причин. Одной из них является иллюзия, будто научно-технический прогресс — главный критерий совершенствования культуры. Эта упрощенная концепция культуры завоевала авторитет среди ученых и в общественном мнении. Этому служат попытки провести различие между культурой и цивилизацией, считая ее освобожденной от нравственных идей, идеалов и принципов. На самом деле они объединены общим смыслом, обозначая эволюцию людей к более высокой организации и более высокой нравственности. Пренебрежение культурой наносит обществу и личности нравственный ущерб. Необходимо осознать, что «этический прогресс — это нечто существенное и несомненное, а материальный — менее существенное и менее несомненное в развитии культуры»³². Каковы бы ни были достижения техники, но если они не сопровождаются неуклонным нарастанием нравственных отношений, они приводят культуру к обреченности и гибели.

---

³¹ Там же. — С. 55.

³² Там же. — С. 56.

Другие возлагают надежды на преобразование институтов государственной и общественной жизни, считая, что демократические реформы спасут от состояния бескультурья, и ждут расцвета культуры по мере демократической реорганизации общества. Но и эти надежды напрасны. Третьи ищут дух обновления в войнах, считая их фактором объединения нации. Но эта бесчеловечная идея порочна и безнравственна.

Какой же выход из тупика бескультурья может быть найден? А.Швейцер видит путь к возрождению культуры в утверждении нравственности. «Если этическое является конституирующим элементом культуры, то закат превратится в восход, как только вновь пробудится этическая энергия в нашем образе мыслей и в идеях, с помощью которых мы пытаемся воздействовать на действительность»³³.

Однако этот призыв к возрождению наталкивается на стену непонимания и скептического отношения. Нравственность кажется слишком бессильной, чтобы противостоять злу и агрессии. Многие утверждают, что этические принципы исторически «износились», превратились в «ходячие фразы», утратили силу своего воздействия на людей. Все эти обстоятельства, несомненно, затрудняют обновление культуры. Но тем не менее только этическое движение может вывести нас из состояния бескультурья – утверждает А.Швейцер. Сложность этого процесса заключается в том, что «этическое начало способно зародиться лишь в индивидууме»³⁴. Когда общество воздействует на индивида сильнее, чем личность на общество, когда умаляются духовные и нравственные задатки человека, начинается деградация культуры. Происходит деморализация общества, и оно становится неспособным понимать и решать возникающие перед ним проблемы. В итоге рано или поздно наступает катастрофа. Таков неизбежный итог пренебрежения к личности и ее нравственным позициям.

Нет смысла возлагать надежды на массовые переживания, массовые состояния сознания. Они возникают лишь как реакции на изменения в системе взглядов отдельного человека, когда его индивидуальная решимость постепенно завоевывает авторитет.

Мыслящий индивидуальный дух должен выступить против господствующего духа времени, воплощенного в модной индустрии общественного мнения, в бездумье народных страстей и современных организаций. Человеку предстоит в рамках современного общества, которое множеством способов подчиняет его своей власти, обрести свободу, стать независимой личностью, способной отстаивать и претворять в жизнь нравственные идеалы. Выполнить это предназначение чрезвычайно

---

³³ Там же. – С. 66.

³⁴ Там же. – С. 69.

трудно, ибо общество всеми силами стремится подавить индивидуальность, удержать человека в выгодном для него состоянии безликости, конформизма, духовного порабощения. «Оно боится человеческой личности, ибо в ней обретают голос дух и правда, которым оно предпочло бы никогда не давать слова. Но его власть так же велика, как и его страх»³⁵, – пишет А.Швейцер.

13.3. НРАВСТВЕННЫЙ ПРИНЦИП БЛАГОГОВЕНИЯ ПЕРЕД ЖИЗНЬЮ

Задача возрождения духа культуры кажется утопией, далекой от возможностей реализации. Искушающие голоса призывают отречься от высоких идеалов, не думать ни о чем, кроме собственного благополучия, не идти против течения, никому не возражать, в разочаровании искать покой. Но согласиться с этим – значит, отказаться от культуры, содействовать ее упадку. Какой же выход предлагает А.Швейцер?

Расцвет культуры зависит от силы «культуротворческого» мировоззрения личности. Что означает общество, в котором мы живем? Что мы хотим видеть в нем? Чего ждем от него? Таковы коренные вопросы бытия, которые позволяют судить о духе эпохи. Без нравственного мировоззрения все усилия практиков окажутся напрасными, ибо они «спрядут гнилую пряжу». Внутренний и внешний крах культуры предопределен состоянием мировоззрения. Когда ускользают идеи и убеждения, то неизбежно возникают конфликты, противоречия. Вместо цельного мировоззрения людьми овладевают случайные идеи, подсказанные чувством реальности, а это легко приводит к авантюризму. «Для общества, как и для индивида, жизнь без мировоззрения представляет собой патологическое нарушение высшего чувства ориентирования», – приходит к заключению А.Швейцер. Каким же требованиям должно отвечать «культуротворческое» мировоззрение?

Первое и наиболее общее условие состоит в том, что оно должно быть мыслящим. Это означает веру в духовную силу мышления. В нем наше познание, наша воля ведут между собой таинственный диалог о смысле нашего существования, о ценностях бытия. Потребность в размышлении о себе, о своем окружении присуща каждому человеку, она оказывает сильное воздействие на жизнь, определяет поступки. Человек испытывает на себе различные влияния, но мировоззрение оберегает его от бездумного подражания, сохраняя стремление к самостоятельности, свободе и ответственности.

---

³⁵ Там же. – С. 70.

Второе условие состоит в оптимизме. Мировоззрение утверждает мир и жизнь как ценное само по себе, требуя относиться к бытию с максимальной бережностью, на которую мы способны. Оптимизм стимулирует деятельность, направленную на улучшение условий жизни индивида, общества, народов и человечества, содействуя духовно-нравственному совершенствованию. Жизнеутверждающий оптимизм – необходимое условие созидательной силы духа.

Третьим требованием является этическое обоснование мировоззрения. Выдвижение главных ценностных ориентиров, которые способны одухотворить жизнь, когда человек, став внутренне свободным, способен действовать и по отношению к самому себе, и к окружающим на основе этических идеалов. Такой всеобщий этический императив А.Швейцер сформулирует в работе «Культура и этика» и назовет этот принцип «благоговением перед жизнью». Но об этом несколько позднее, ибо пока он дан в общей форме.

Четвертым условием «культуротворческого» мировоззрения выступает его действенность. Воля к действию не может опираться на импульсивность и авантюризм. Такой подход порождает суетность и опасную непредсказуемость. Не меньшее беспокойство вызывает и бездействие, покорность злу, стремление уйти от действительности, отрешенность от земных дел. Даже горькое разочарование означает очищение, оно имеет более благостное воздействие, чем летаргия бездумья.

При закате культуры люди теряют жизненные ориентиры, не знают смысла своей деятельности, впадают в состояние пессимизма и безнравственности. Жизнь бросает их в водоворот деятельности, вынуждая служить то одним, то другим целям, то возвышенному, то низкому. Люди уподобляются безродным и никогда не трезвеющим наемникам, бредущим без мировоззрения во все более сгущающемся мраке жизни. «Здание оседает или вообще рушится, так как оптимистический или этический фундамент его становится непрочным»³⁶, – пишет А.Швейцер.

Выход из духовного кризиса может быть найден в осознании всеми людьми пагубности безнравственного состояния. «Все мы должны задуматься над смыслом жизни. Сообща бороться за создание миро- и жизнеутверждающего мировоззрения, в котором наша жажда деятельности, столь необходимая и ценная для нас, получит свое оправдание и объяснение, свои ориентиры и закалку, будет углублена и облагорожена и в конце концов обретет способность выдвинуть и осуществить внушенные духом подлинной гуманности окончательные идеалы культуры»³⁷.

---

³⁶ Там же. – С. 69.

³⁷ Там же. – С. 79.

Вполне правомерно возникает вопрос о тех источниках, которые способны дать мировоззрение. А.Швейцер опровергает надежды на философию, которой якобы удастся заглянуть за «кулисы» сущности явлений и выступить в роли «дарителя» мировоззрения. Это мнение он объявляет роковым заблуждением, и было бы трагичным вновь его гальванизировать.

В истории культуры неоднократно предпринимались многочисленные попытки поиска смысла человеческого существования. А.Швейцер исследует историю философии и этических учений от античности до Нового времени. Не отвергая этих усилий, он показывает тщетность попыток разгадать тайну предназначения человека. В мировом процессе не обнаруживается той целесообразности, которая могла бы подчинить себе деятельность человека и человечества. Действительно, продолжает А.Швейцер, на одной из маленьких планет одного из миллионов созвездий на протяжении короткого отрезка времени живут человеческие существа. Сколько еще они будут жить? Может случиться, что и сама Земля, подобно целым космическим мирам, погибнет в результате какой-либо катастрофы во Вселенной. Мы не знаем, что человек означает для Земли. Поэтому напрасно искать смысл в объяснении его существования.

Наше отношение к миру определяется самой главной и всеобщей ценностью, признаваемой всеми людьми: благоговение и почитание жизни. В этой истине заключен принцип нравственного сознания и поведения человека. «Моя жизнь в самой себе носит свой смысл, который состоит в том, что я живу высшей идеей, проявляющейся в моей воле к жизни, – идеей благоговения перед жизнью. Благодаря ей я придаю значимость своей жизни и всем окружающим меня проявлениям воли к жизни. Побуждаю себя к деятельности и создаю ценности»³⁸.

Так А.Швейцер приходит к формуле культуротворческого мировоззрения, которая навсегда окажется связанной с его именем. Об этом он пишет в предисловии к книге «Культура и этика» в 1923 г. Вначале этот этический постулат, нравственный императив воспринимался скептически и не сразу нашел своих сторонников. А.Швейцер упорно доказывал жизненность этого мировоззрения всей своей подвижнической, благотворительной и милосердной деятельностью, заставляя поверить в действенность гуманизма. В наши дни принцип благоговения перед жизнью стал символом экологического движения, охраны природы от разрушения, утверждения ценности жизни.

Главная идея всей гуманистической концепции культуры состоит в утверждении жизни как высшей ценности. Это обязывает человека во всех своих помыслах и действиях исходить из этого положения. Но действительность не представляет собой идиллической картины. Она напо-

---

³⁸ Там же. – С. 87 – 89.

минает жестокую драму, полную конфликтов и трагедий, когда одна жизнь утверждает себя за счет другой, беспричинно разрушая и убивая все вокруг. Созидающая сила проявляется и как разрушающая.

Как же должен действовать человек в этих сложных ситуациях? Ведь его жизнь неоднократно вступает в конфликт с другими: когда он идет по тропе, его ноги уничтожают крохотные живые существа; чтобы сохранить свою жизнь, человеку приходится убивать насекомых, обитающих в доме, уничтожать бактерии, подвергающие жизнь опасности, добывать пищу за счет растений и животных. Даже счастье человека нередко строится на вреде другим людям. Как же оправдать эту жестокую необходимость?

Принцип благоговения перед жизнью не отбрасывает конфликты, но вынуждает каждый раз самому решать, в какой степени он должен подчиниться необходимости, или же он может содействовать сохранению жизни. «Я не должен делать ничего, кроме неизбежного, – даже самого незначительного. Крестьянин, скосивший на лугу тысячу цветков для корма своей корове, не должен ради забавы сминать цветок, растущий на обочине дороги, так как в этом случае он совершит преступление против жизни, не оправданное никакой необходимостью»³⁹, – утверждает А.Швейцер.

Проводя эксперименты над животными ради совершенствования методов лечения человека, мы не должны успокаивать себя тем, что жестокие действия преследуют благородные цели. Мы должны быть обеспокоены тем, чтобы уменьшить страдания этих животных, ослабить их боль, не подвергать их напрасным ужасным мукам. Как часто люди не думают об этом, избавляя себя от лишних хлопот. «Если животные испытывают страдания от безжалостных людей или от жестоких игр детей, – то во всем этом наша вина», – с болью заключает А.Швейцер.

Надо в самом себе создавать такое умонастроение, которое делает добро по отношению ко всему живому. Никто не должен сам себе облегчать ответственность, успокаивая свою совесть, проходя мимо страданий как якобы неизбежных, молчаливо соглашаясь с творимым злом. Отношение к животным и растениям, проникнутое принципом благоговения перед жизнью, может служить показателем нравственности и культуры.

Но особенно высокую ответственность за ценность жизни должен проявлять человек по отношению к другим людям и к самому себе. Здесь нет готовых рецептов, каждый должен решать сам, чем он может пожертвовать от собственной жизни, от своей собственности, своего права, своего счастья, своего времени, своего покоя, и что должен оставить себе. В этом проявляется свободное решение индивида.

---

³⁹ Там же. – С. 223.

«Этика благоговения перед жизнью – неумолимый кредитор, отбирающий у человека его время и его досуг», – пишет А.Швейцер. Она шепчет человеку тревожные мысли: все, что тебе дано больше чем другим, – здоровье, способности, талант, успех, чудесное детство, тихий домашний уют, – все это нельзя считать само собой разумеющимся. Ты обязан отплатить за это, отдать силы своей жизни ради другой жизни. Человек не должен следовать лишь эгоистическим устремлениям. «Открой глаза и поищи, где человек или группа людей нуждается немного в твоём участии, в твоём времени, в твоём дружеском расположении, в твоём обществе, в твоём труде. Может быть, ты окажешь добрую услугу человеку, чувствующему себя одиноко, или озлобленному, или больному, или неудачнику. Может быть, это будет старик или ребенок. Или доброе дело сделают добровольцы, которые пожертвуют своим свободным вечером или сходят по какому-либо делу для других. Кто в силах перечислить все возможности использования этого «ценного капитала», называемого человеком»⁴⁰.

В этом участии нуждаются во всех уголках мира. Надо не отвергать этой возможности, не бояться разочарования, не ждать наград. Такова судьба и предназначение человека. Этика благоговения перед жизнью не позволяет ученому жить только наукой, художнику – только искусством, занятому человеку – только работой. Она требует от всех, чтобы частичку своей жизни отдавали другим людям. В какой форме и в какой степени – решает каждый сам, соответственно своим возможностям и обстоятельствам. Один делает это незаметно, не нарушая нормального течения своей жизни; другой склонен к ярким, эффектным поступкам. Никто не должен судить другого; важно, чтобы каждый совершал добро, проявлял терпение, добросердечность к людям. В этом заключается гуманность жизни и поведения человека. Обновление культуры возможно только на этом основании. В этом деле не могут помочь ни принципы целесообразности, ни вульгарная мораль благоприятных обстоятельств, ни бессмысленные идеалы власти, нации, ни политические программы, предлагаемые лидерами и пропагандой. Все возникающие в обществе проекты, программы, принципы надо тщательно поверять этикой благоговения перед жизнью. Одобрять можно только то, что согласуется с гуманностью. «Мы прежде всего обязаны свято защищать интересы жизни и счастья человека. Мы должны вновь поднять на щит священные права человека. Мы требуем вновь восстановить справедливость. Фундаментом права является гуманность»⁴¹. В этом А.Швейцер видит гражданский и нравственный долг человека.

---

⁴⁰ Там же. – С. 225.

⁴¹ Там же. – С. 229.

Сущность культуры заключается в том, что она всемерно содействует проникновению принципа благоговения перед жизнью в сознание отдельных людей и всего человечества.

Четыре идеала образуют культуру: идеал человека; идеал социального и политического единения; идеал религиозно-духовного единения; идеал человечества. Пренебрежение к идеалам как неосуществимым в жизни достаточно прочно укоренилось в сознании людей. Считается, что человек должен все помыслы направить лишь на улучшение собственного бытия под давлением жизненных условий. На самом деле, лишаясь идеалов духовности, он превращается в человека-вещь. Людям недостает духовности, которая придает им жизненные силы для взаимного понимания и доверия. Но это возможно при соблюдении принципа благоговения перед жизнью как главного условия гуманности. В этом и состоит идеал человечества. Гуманность побуждает прислушиваться к голосу не только разума, но и сердца. Доброта должна стать действенной силой истории, положить начало веку гуманности. В этом заключается исторический смысл гуманистического мировоззрения.

Завершая изложение взглядов А.Швейцера на культуру, необходимо сделать еще один штрих к его портрету как мыслителя и общественного деятеля: это отношение к России. Вполне очевидно, что духовная связь с русской культурой способствовала укреплению его веры в силу и действенность провозглашенных нравственных принципов. Эти связи выявлены философом В.А.Петрицким, исследователем жизни и творчества А.Швейцера. Он обращает внимание на близость нравственных позиций А.Швейцера и Л.Н.Толстого в обосновании этики ненасилия. В Нобелевской речи в 1954 г. А.Швейцер отмечает вклад Л.Н.Толстого в утверждение идей мира.

А.Швейцер неоднократно обращался к творчеству Ф.М.Достоевского, внимательно читал романы «Идиот», «Братья Карамазовы», о чем свидетельствуют его пометки. А.Швейцер был знаком с работами узника Шлиссельбургской крепости Н.А.Морозова, с его исследованием личности Иисуса Христа.

Увлечение А.Швейцера музыкой не оставило его равнодушным к русской музыкальной культуре. В его библиотеке было сочинение Н.А.Римского-Корсакова «Рукописи моей музыкальной жизни». Он испытывал симпатии к творчеству М.П.Мусоргского и А.Н.Скрябина. В библиотеке и архиве А.Швейцера были обнаружены книги Н.Бердяева, Л.Шестова, П.Успенского, Н.Лосского – видных мыслителей России «серебряного века». Многие их идеи разделялись А.Швейцером. Определенное сходство умонастроений при рассмотрении роли человека во Вселенной, его взаимодействии с Космосом можно увидеть при изучении взглядов Н.К.Рериха. Оба философа выступают за безграничные возможности

нравственного совершенствования человека. А.Швейцер неоднократно высказывал желание приехать в Россию, но не было возможности для осуществления его планов.

Идеи А.Швейцера постепенно завоевали всемирное признание. Его книги переведены на многие языки, в европейских, азиатских, африканских странах созданы общественные объединения, посвященные претворению в реальность его идей. Этика благоговения перед жизнью стала основой экологического движения, вошла в программы средних школ в Швеции, Норвегии. Успешно действует Всемирная ассоциация друзей Альберта Швейцера. Международных Швейцеровских премий удостоены многие деятели культуры. Культурологические идеи А.Швейцера стали неотъемлемой частью духовной жизни XX века.

ГЛАВА 14. М.МИД ОБ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАХ КУЛЬТУРОЛОГИИ

14.1. ЖЕНСКИЙ ПУТЬ В НАУКУ

Женское имя довольно трудно встретить среди всемирно известных культурологов. В силу разных причин занятие «большой» наукой остается уделом мужчин. Среди женщин немало ученых, исследователей, педагогов, но их достижения и открытия редко приобретают всеобщее признание. Возможно, это связано с многими повседневными заботами, эмоциональным отношением к жизни, неуверенностью в собственных интеллектуальных возможностях. Почему так происходит – предмет особого изучения. Тем интереснее судьба тех женщин, которые добились признания и славы в своей профессиональной деятельности.

Среди них Маргарет Мид (1901 – 1978) – выдающийся культуролог XX века. Наука, которой она посвятила свою жизнь – это этнология, культурная антропология, как ее называют в США. Круг изучаемых ею проблем был достаточно широким, а материалы длительных экспедиций по изучению культур малочисленных народов внесли значительный вклад в развитие этнографии, антропологии, культурологии.

Особенный интерес в ее работах представляют такие проблемы как анализ семантики детства в разных культурах, семиотики детского сознания и поведения. Это направление научных исследований дало основание для разработки культурологии детства как специальной отрасли научного знания. М.Мид привлекали также проблемы исторической изменчивости образов детства в разных культурах, описание культурных ролей материнства и отцовства, значение пола и темперамента в сексуальных отношениях мужчин и женщин. Взаимодействие поколений составляет основу трансляции культурного наследия. М.Мид исследует процессы взросления в разных обществах, влияние сверстников и взрослых на молодежь.

В науке сформировалось направление этнографии детства и этнопедagogики⁴². Оно посвящено этническим особенностям традиционных форм воспитания детей и подростков. Культурология детства изучает субкультуру детства в ее исторических и современных формах. Это по-

---

⁴² Этнография детства. – М., 1983; Этнография детства. Вып. 2. – М., 1988.

звонит выяснит специфику детства в разных культурах, изменение процессов социализации и воспитания, стратификацию детских возрастных групп. Несомненный интерес представляет анализ ценностей детства, отношений родства и процесс взаимодействия поколений, социальных институтов детства, форм детского творчества, игр и развлечений, правовых норм и запретов, поощрений и наказаний, обучения и образования.

Очевидно, еще предстоит детальная разработка культурологии детства, которая основывается на исследованиях в области возрастной психологии, социальной психологии, этнологии и этнопедагогики, но имеет самостоятельную сферу и научную ценность. Именно поэтому столь интересны труды Маргарет Мид. Ее избранные произведения вошли в книгу «Культура и мир детства», опубликованную на русском языке в 1988 году. Послесловие написал известный ученый, профессор И.С.Кон.

Наряду с теоретическими работами в книге есть фотографии, позволяющие воспроизвести облик этой удивительной и талантливой женщины. Внимательные и добрые глаза, внутреннее спокойствие, интеллектуальная напряженность и наблюдательность, нарядное платье, прическа, колечко, доброжелательная улыбка в окружении детей, словно к магниту тянущихся к ее обаянию, – таковы лишь немногие, но очень нужные для понимания ее жизни черты.

Не менее интересны автобиографические заметки о ее становлении как культурантрополога, участника многих экспедиций. Они названы поэтично и загадочно: «Иней на цветущей ежевике». В них сразу ощущается «женское присутствие». Глубоко символично само название автобиографической книги: оно обозначает холодную пору поздней весны, когда цветет ежевика. Но мороз только усиливает жизнестойкость, без инея не завяжутся ягоды, поэтому он предвестник обильного урожая.

Маргарет Мид родилась в Филадельфии 19 декабря 1901 г. Она училась в женском Барнард-колледже, а затем в Колумбийском университете, на антропологическом факультете. Ее учителями были крупнейшие американские этнографы: профессор Франц Боас, основатель и декан этого факультета, специалист по языкам и культурам американских индейцев, Рут Бенедикт – этнопсихолог, известная работами о культуре и религии, участник ряда экспедиций. М.Мид была знакома с А.Кребером, директором Музея антропологии Калифорнийского университета, автором ряда монографий о культуре, многими другими учеными.

Будучи самой юной участницей конгресса в Торонто в 1924 г., где она слушала других, говоривших о «своем народе», у нее возникла твердая решимость исследовать жизнь девушек-подростков на Самоа. С этого и начинается ее творческая биография как ученого-исследователя. М.Мид вспоминает, что полученное образование привило чувство ува-

жения к изучаемым народам: она никогда не отзывалась о них пренебрежительно и высокомерно.

Важным условием экспедиционной работы она считала усвоение местного языка, знание нравов, обычаев и привычек жителей. Ежедневно М.Мид брала уроки языка, семь часов тратила на заучивание словаря, а затем испытывала свой самоанский язык в общении с детьми. Она научилась есть местную пищу, исполнять сложные формулы вежливости, распознавать растения для плетения циновок. Результатом этой почти годовой экспедиции стала книга «Взросление на Самоа».

После нескольких путешествий по Европе, М.Мид получает работу помощника хранителя в Американском музее естественной истории в Нью-Йорке. К этому времени М.Мид уже была замужем и мечтала иметь много детей. «Я всегда хотела, – пишет она, – приспособить мою профессиональную жизнь к обязанностям жены и матери»⁴³. Но судьба распорядилась иначе, и она в эти годы не могла испытать счастья материнства. Она расстается с мужем и через некоторое время вступает в брак с новозеландским антропологом, участником совместных экспедиций в Австралии. Но и этот союз не был прочным. Вскоре она увлекается своим английским коллегой, уезжает с ним в Индонезию на остров Бали, где ведет совместную исследовательскую работу, публикует книгу «Балийский характер». В 1939 г. у нее родилась дочь Мэри.

М.Мид была увлекающейся, страстной, деятельной натурой; для нее работа, наука, экспедиции, теоретические дискуссии составляли главное содержание жизни. В личных отношениях она особенно ценила интеллектуальное и эмоциональное партнерство, отсутствие напряжений и конфликтов, возможность заниматься любимым делом, свободу в реализации планов.

Экспедиционная работа М.Мид требовала огромных жизненных сил и энергии. Бытовые трудности, отсутствие привычного комфорта, москиты, затяжные дожди или жара, приступы малярии, сложность взаимоотношений с местными жителями, ограниченность круга общения – все это создавало фон реальной жизни, без которого трудно понять ее переживания и трудности.

Ее книги содержат поистине гигантский эмпирический материал: 25 тысяч фотографий, 35 тысяч детских рисунков, 7 тысяч метров киноплёнки, масса дневниковых записей. Все это требовало организованности, внутренней дисциплины, четкости. Она настолько хорошо владела собранным материалом, что по одной детали на снимке могла воспроизвести всю картину.

---

⁴³ Мид М. Культура и мир детства / Мид М. – М., 1988. – С. 27.

М.Мид была необычайно талантливым, трудолюбивым ученым. Ею опубликовано свыше 25 книг, сотни научных и публицистических статей. Тираж первой книги «Взросление на Самоа» (1928) превысил два миллиона экземпляров, и она переведена на 17 языков мира. Популярность книг М.Мид определяется интересом к другим культурам, возможностью глубже понять иной образ жизни, проникнуть в тайны детства, отцовства и материнства, представить мир эмоциональных переживаний.

М.Мид обладала «легким пером», живостью и образностью языка, избегала внешних признаков научности. Чтение ее книг напоминает путешествие в далекие края и вызывает горячее желание увидеть все своими глазами. В научной биографии ученых редко бывает так, чтобы первая книга принесла успех и признание специалистов. Труд М.Мид называли выдающимся достижением, первоклассным образцом описательной антропологии такие ученые как Б.Рассел, Л.Уайт, Ф.Боас, Р.Бенедикт и другие.

М.Мид гордилась этой книгой, со временем не считала ее устаревшей, не переделывала, лишь писала новые предисловия, ибо невозможно было дать более правдивую картину того, что уже прошло. И еще одна любопытная деталь. В 1956 г., спустя почти 25 лет после выхода книги, в американском журнале была опубликована забавная карикатура со словами: «Молодые люди, вы достигли возраста, когда вам пора узнать обряды и ритуалы, обычаи и табу нашего острова. Но вместо того, чтобы подробно рассказывать о них, я хочу просто каждому из вас подарить по экземпляру прекрасной книги Маргарет Мид».

В 1930 г. выходит новая книга «Как растут на Новой Гвинее», с подзаголовком «Сравнительное исследование примитивного воспитания», где рассматриваются мир ребенка, особенности воспитания в раннем детстве, ритуалы и обычаи семейной жизни. Особую роль в развитии воображения у детей играют взрослые, рассказывающие сказки, дающие навыки рисования, пения, танца.

В 1935 г. была опубликована книга «Пол и темперамент в трех примитивных обществах» по материалам изучения папуасских племен. Об этой книге было немало споров, и сама М.Мид назвала ее «самой непонятной». Ее интересовали не биологические различия между мужчиной и женщиной, а те культурные стереотипы маскулинности (мужественности) и феминности (женственности), которые возникают под влиянием социальных условий, особенно в раннем детстве. Различия между полами порождены культурой и передаются через поколения. В отношениях к семье и детям эти стереотипы обнаруживаются особенно четко: в одних культурах и мужчины, и женщины действуют мягко, отзывчиво; в других – оба пола ведут себя «по-мужски», – агрессивно, напористо, инициативно; в третьих – мужчины коварны, кокетливы, завивают волосы и ходят за покупками, а женщины энергичны и не заботятся об украшениях. Не-

которые выводы оказались дискуссионными. Но заслуга М.Мид, заключалась как в постановке научной проблемы, так и в проведении исследования.

В 1937 г. под ее редакцией опубликован труд «Кооперация и конкуренция среди примитивных народов», где сравниваются различные формы хозяйственной деятельности и социального поведения, а также способы приучения детей к труду у малочисленных народов. В 1949 г. выходит книга «Мужчина и женщина: изучение полов в изменяющемся мире». М.Мид вновь обращается к проблеме культурных различий между полами, социальной роли отцовства и материнства, запрета на инцест. Она исследует ситуации соперничества, системы табу, способы защиты достоинства, стереотипы поведения мужчин и женщин в разных культурах. Эту тему она продолжает в статье, опубликованной в 1961 г. – «Культурные детерминанты сексуального поведения».

В 1955 г. она совместно с М.Вольфенстайн становится составителем сборника «Детство в современных культурах», который представляет собой фундаментальный труд по культурологии детства. В это же время публикуется серия ее статей о национальном характере, этнической психологии.

Особое внимание она уделяет проблеме трансляции культур, процессу взаимоотношения поколений на разных исторических этапах. Этому посвящена ее теоретическая книга «Преемственность в эволюции культуры» (1964 г.). М.Мид волнуют проблемы молодежи, особенно обострившиеся в США, Франции, Англии в период 70-х годов. Она издает в 1970 г. книгу «Культура и преемственность. Изучение конфликта поколений», которая быстро стала бестселлером, переводилась на многие языки мира.

М.Мид была известным общественным деятелем, президентом Американской антропологической ассоциации; возглавляла Всемирную федерацию психического здоровья, Общество по исследованию общих систем, Всемирное общество экистики (науки о человеческих поселениях), Американскую ассоциацию содействия прогрессу науки. Она была удостоена множества почетных званий и наград. В 1949 г. американские издатели назвали ее Выдающейся Женщиной Года в области науки, в 1956 г. – Выдающейся Женщиной XX столетия. Ее отличали страстность, энергетизм, трудолюбие, обаяние, привлекательность, широта эрудиции и глубокий профессионализм. «Я ожидаю смерти, но не собираюсь уходить в отставку», – говорила М.Мид.

Она умерла 15 ноября 1978 г. за работой. Такова судьба этой удивительно талантливой женщины.

14.2. МИР ДЕТСТВА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

Но вернемся теперь к судьбе ее идей, очертим контуры ее культурологической концепции. Именно культура является главным фактором в исследовании детства, половых различий, преемственности поколений.

М.Мид внесла **значительный** вклад в развитие культурологии.

Во-первых, она исследовала детство не только как возрастную фазу в развитии личности, но определила его как социокультурный феномен. Она проанализировала этнические особенности отношения к детству у разных народов. Выяснила связи детства с семьей и другими родственниками; ролевые функции материнства и отцовства; значение церемоний, ритуалов, обычаев и обрядов в процессе взросления; нормативный идеал детства в культуре и формы отклонений от него; поощрения и санкции, применяемые к детям в различных культурах; роль совместного труда в воспитании детей; значение искусства в духовном развитии детей.

Во-вторых, она исследовала половую стратификацию, социокультурные роли, стереотипы сознания и поведения мужчин и женщин, образы маскулинности и феминности в различных культурах; связь пола и темперамента; символику и семантику сексуальных отношений; обряды и ритуалы полового взросления; запреты, оценки и предписания в сексуальной культуре разных народов.

В-третьих, она исследовала преемственность поколений как процесс трансляции культурного наследия; раскрыла особенности взаимодействия поколений в разных культурах; описала ситуацию конфликта поколений, влияние предков, родственников и сверстников на поведение молодежи; выявила тенденции в развитии молодежного сознания середины XX века.

В-четвертых, она сосредоточила внимание ученых на изучении вклада отдельной личности в эволюцию культуры, а не только эпох, поколений и отдельных групп. «Мы в состоянии, – писала М.Мид, – понять и вклад человека, такого, как он есть и каким он может стать, в культуру, в которой он должен жить»⁴⁴.

В-пятых, она разработала целую систему методов, позволяющих с достаточной надежностью и достоверностью исследовать формы и виды социокультурной деятельности разных народов. Используя различные методы фиксации наблюдений, обработки полученных материалов, М.Мид подчеркивала значение понимания других культур, сопереживания и сочувствия, столь необходимых для исследователя. Поэтому ее описания всегда ярки, впечатления тонки и читаются с большим интересом.

Она избирает для изучения так называемые «примитивные» народы, но это слово неточно переводится на русский язык. Их культуры вовсе не

---

⁴⁴ Там же. – С. 377.

отличаются простотой, как это принято считать. Более того, мир этих культур достаточно сложен, требует больших усилий в процессе познания. В действительности, их отличает устная традиция в передаче культуры, изоляция от жизни больших цивилизаций, иные формы социальной организации.

М.Мид исследует культуру жителей островов Самоа и Новой Гвинеи, где сохранился традиционный образ жизни народов. «Каждый примитивный народ, – отмечала М.Мид, – избрал для себя одну совокупность человеческих способностей, одну совокупность человеческих ценностей и перекроил их по себе в искусстве, социальной организации, религии. В этом и состоит уникальность его вклада в историю человеческого духа»⁴⁵. Для эмпирических наблюдений такие сообщества интересны тем, что дают возможность выделить наиболее значимые факторы и описать их достаточно полно. Однако полученное знание ценно тем, что позволяет обновить и сделать более живым наше самопознание и нашу самокритику, помогает по-новому оценить и даже перестроить то воспитание, которое мы даем нашим детям, отмечает М.Мид. Многие знания о растениях, навыки плетения корзин, приготовления экзотических местных блюд необходимы для развития прикладного искусства.

Главным стержнем интересов М.Мид было изучение детства в разных культурах как всеобщей стадии развития человека. Детство привлекает внимание психологов и педагогов, социологов и этнологов, писателей и художников. При всем многообразии подходов, детство по-прежнему загадочно, таинственно, непредсказуемо. Можно собрать данные о тысячах детей в собственной культуре, и они могут быть достоверными, но эти же выводы для других культур оказываются несостоятельными, ибо культурная предыстория детства будет иной.

Обычаи и нравы, верования, страхи, неприязнь, восторги, запреты и наказания, поощрения и обязанности, ценности и знания тесно связаны с нормами культуры. «Религиозные представления, сексуальные привычки, методы воспитания дисциплины, общественные цели всех тех, кто составляет семью ребенка, могут быть выведены из анализа самой культуры»⁴⁶, – пишет М.Мид. Социальное и культурное окружение оказывают преимущественное влияние на характер и образы детства. Такой подход является культурологическим.

М.Мид научно обосновывает культурологию детства. Она избегает абстрактных теоретических построений и опирается на эмпирическую базу этнологических исследований в традиционных культурах в работах «Взращение

---

⁴⁵ Там же. – С. 95.

⁴⁶ Там же. – С. 227.

на Самоа», «Как растут на Новой Гвинее», «Горные арапешы» (главы из книги «Пол и темперамент в трех примитивных обществах»).

Традиционные общества, отмечает М.Мид, обладают некоторыми преимуществами.

Во-первых, исследователю они дают возможность выявить контрасты с нашим собственным социальным окружением и подтверждают ту мысль, что поведение не является врожденным, а зависит от культуры.

Во-вторых, они представляют однородную, легко осваиваемую социальную среду, на фоне которой можно изучать развитие личности.

В-третьих, архаические структуры приобщения детей к культуре обладают высокой степенью устойчивости и выживаемости, они проникают в культурные пласты современного общества, по-прежнему действенны в процессах социализации и воспитания новых поколений. Они могут удерживаться в подсознании, влиять на оценку поведения, хотя некоторые из них существуют лишь как реликтовые образования. Проницаемость культуры, ее пористая структура выносит из глубинных слоев на поверхность прошлые нормы отношений, несколько видоизменяя их черты и значения. Вне этих структур многое трудно понять в сознании и поведении современного человека.

В-четвертых, исследования М.Мид представляют интерес для решения актуальных педагогических проблем американского общества XX века, которым она посвящает главу своего труда – «Наши педагогические проблемы в свете самоанских антитез».

В-пятых, быстро идущий процесс социальных контактов, натиск индустриальной цивилизации ведут к почти полному исчезновению сравнительно изолированных обществ. Но сейчас есть еще возможность зафиксировать эти культуры, описать их самобытность. Они могут послужить драгоценным материалом для понимания истории культуры.

В-шестых, исследование традиционных культур дает возможность поставить естественный эксперимент для проверки ряда гипотез. Например, верно ли, что процесс взросления неизбежно сопровождается спазматическим, эмоционально отягченным развитием, пробуждением религиозного чувства, расцветом идеализма, большой жадой самоутверждения перед лицом авторитета? Является ли юность неизбежным периодом умственного и эмоционального дискомфорта? Обязательно ли юность связана с конфликтами и стрессами, сопровождающими перемены в физическом развитии?

Эти и другие проблемы можно было экспериментально проверить при изучении традиционных культур. Почти в течение года М.Мид исследовала эти проблемы, изучая образ жизни и ценности сознания и поведения самоанских девушек. Она пришла к выводу, что сам по себе факт физического взросления не ведет к конфликтам и стрессам. Следователь-

но, источником конфликтных ситуаций может быть только социальная и культурная среда. Желая выяснить эту проблему, М.Мид ставит такой вопрос: что же тогда есть на Самоа, чего нет в Америке, и что есть в Америке, чего нет на Самоа?

Конечно, сам по себе такой вопрос многопланов, и, отвечая на него, можно впасть в многочисленные ошибки. Но если его несколько сузить, то можно высказать ряд положений. В этом и состоит метод сравнительного анализа культур. Проследим за мыслью и аргументами М.Мид. Возможно, что некоторые выводы представляют интерес для стратегии воспитания детей, предотвращения чрезмерных психологических нагрузок.

Итак для традиционных культур характерно следующее:

1) общий стихийный характер жизни, где ни бедность, ни крупные несчастья не угрожают людям, где никто не страдает за свои убеждения и не бьется насмерть во имя целей. В личных отношениях отсутствуют сильные привязанности и переживания. Здесь сдерживают развитие детей, одаренных не по возрасту, чтобы другие могли сравняться с ними. Одна из норм гласит: не привязывайся очень сильно к одному человеку, не связывай очень больших ожиданий ни с одним из родственников. Общество благосклонно к тем, кто хорошо усваивает урок стихийной жизни, и сурово к тем, кто его не усвоил. Такие установки, замечает М.Мид, не очень-то поощряют таланты, но и не стимулируют соперничество. «Вот почему в перечень факторов, объясняющих наши различия, мы должны поставить отсутствие глубоких чувств, которое здесь культивируется как жизненная привычка, до тех пор пока оно не превратится в самую сердцевину всех их жизненных установок»⁴⁷;

2) сокращенная почти до минимума возможность выбора, дозволенного каждому индивидууму. Там одна совокупность богов, один обязательный ритуал, кодекс половых отношений тоже достаточно определен. В решении обычных житейских проблем подростки не испытывают этических затруднений, их поведение согласовано с нормами общины. Американские дети сталкиваются с множеством групп, предлагающих различные и противоречивые стандарты поведения. Они постоянно ставят молодого человека в ситуацию выбора, определения собственных предпочтений и возможных конфликтов с родителями, друзьями, обществом;

3) в традиционном обществе более высокая степень адаптации подростков к жизни, отсутствие неврозов, столь распространенных среди американской молодежи. Это обстоятельство объясняется тем, что в раннем окружении самоанского ребенка имеются факторы, особо благоприятствующие развитию нервной устойчивости. Среди них домашнее вос-

---

⁴⁷ Там же. – С. 150.

питание, мягкое обращение, лучшая подготовка к встрече с предстоящими жизненными трудностями. Это говорит о громадном значении среды, в которой ребенок находится в первые годы своей жизни. Плохой старт, страхи, комплексы, детские психические травмы приводят к серьезным нарушениям и трудностям в последующие годы. Чем острее и мучительнее требования, предъявляемые к личности, тем больше неврозов, – делает вывод М.Мид;

4) различия в ситуации непосредственного семейного окружения, которое самым сильным образом действует на сознание. В доме много детей и с каждым из них обращаются одинаково. Здесь мало детей, подавленных своей ответственностью, командующих другими, подчеркивающих свое превосходство. Нет и изолированных, одиноких, обреченных на общение только со взрослыми, лишенных товарищеских контактов. Никто не балует и не портит ребенка, не подавляет его волю. Кроме детей, в доме пять – шесть взрослых мужчин и женщин, каждый из которых заботится о них и является авторитетом. Образ заботливой и нежной матери или вызывающего восхищение отца, столь важный фактор в эмоциональном развитии человека, составлен из представлений о многочисленной родне, которая проявляет к нему самые добрые отношения, у которой он может получить приют и поддержку. Но при этом существует жесткий запрет на возможность любовных связей между родственниками. Они могут быть друзьями, но никогда – любовниками. «Всякие личные влечения или чувство духовной близости, испытываемое к родственнику противоположного пола, должны быть с презрением отброшены»⁴⁸, – пишет М.Мид.

Самоанская девушка не испытала счастья романтической любви, но и не страдала, как старая дева или как разочарованная жена от брака, который не соответствовал ее запросам. Воспитание основывается на возрастной и половой сегрегации, когда девочки и мальчики существуют раздельно, имеют разный круг обязанностей, обучаются различным навыкам. Их воспитывает не отдельное лицо, а множество родственников в соответствии с общепринятыми стандартами.

Такие отношения уменьшают значимость эмоциональных связей между родителями и детьми, столь привычных в американских семьях, которые приводят к длительной зависимости, инфантильности, препятствуя детям делать самостоятельный выбор жизненного пути. «Мы выработали, – отмечает М.Мид, – форму семейной организации, которая часто калечит нашу эмоциональную жизнь и препятствует развитию очень многих способностей личности, развитию, ищущему собственных пу-

---

⁴⁸ Там же. – С. 157.

тей»⁴⁹. Не принимая полностью многие особенности воспитания на Самоа, следует отметить, что некоторые нормы могли бы уменьшить недостатки воспитания в цивилизованном обществе.

М.Мид обращает внимание на проблемы подготовки детей к сексуальным отношениям, рождению и смерти человека. Эти события воспринимаются как естественная и неизбежная участь каждого и потому лишены трагизма, необычности, болезненной фантазии. Стремление уберечь детей от присутствия при похоронах близких кажется им столь же неестественным, как не позволять им видеть, как другие едят или спят. Обыденность этих событий в жизни людей оберегает ребенка от потрясения, вовлекает в атмосферу общего переживания.

В отношении к детям М.Мид отмечает наличие общей педагогической максимы, которая требует снисходительно относиться к медлительным, неуклюжим и неспособным детям. В самоанской культуре не подхлестывают неспособных, не задают им темпа, заставляющего их капитулировать перед трудностями.

Такая педагогическая установка несомненно затушевывает индивидуальные различия, но при этом сводит к минимуму ревность, соперничество, соревнование, столь распространенные в американском обществе. Такой подход имеет и иные последствия. М.Мид считает, что, чем дольше держат ребенка в подчиненном, несамостоятельном положении, тем меньше у него шансов стать ее мятежным элементом, ибо таким образом создается прочный консервативный костяк данного общества. Но эта же политика приводит к уменьшению роли способных, оригинально мыслящих детей. Это приводит к негативному отношению к новшествам, тормозит развитие культуры.

Обращаясь к педагогической практике США, М.Мид выделяет два типа решения проблем одаренных детей.

Первый – близок к самоанскому, он предполагает достаточно длительное обучение, когда все учащиеся одинаково овладевают знаниями. Такая система преднамеренно сдерживает развитие способных, они страдают над невыносимо скучными задачами до тех пор, пока им не посчастливится найти отдушину для их умственной энергии.

Другой тип оказывает предпочтение экстерну, поощряя «перепрыгивание» ребенка через классы, стимулируя его способности, поддерживая индивидуализированное обучение. Но при этом могут возникать психологические проблемы, связанные с отрывом от группы сверстников.

Особое внимание уделяет М.Мид отношению к труду и играм в жизни детей. Уже с возраста четырех – пяти лет дети имеют семейные обязанности по уходу за младшими, выполняют немало работ, полезных и

---

⁴⁹ Там же. – С. 159.

необходимых для всей семьи. Взрослые дают те поручения, которые требуют внимания и ответственности. В американской семье дети не чувствуют, что их деятельность близка миру взрослых. Их участие в труде осуществляется в игровой форме (игрушечные сервизы, одежда для кукол, автомобили и т.д.), а индивидуальное домашнее хозяйство лишилось многих своих прежних функций. Так появляется набор ложных категорий: работа – для взрослых; игра – для удовольствия детей; а школа – совершенно необъяснимая неприятность, за которую можно получить какие-то компенсации. Отсюда возникновение отрицательных установок: апатия к школе, страх перед работой, отношение к игре как к детскому занятию.

Иное на Самоа. Работа – необходимая обязанность всех членов общины, вплоть до маленьких. Для каждого человека она длится все время, никто от нее не освобожден. Нет различий между работой, которую необходимо делать, но нельзя любить, и игрой, доставляющей только удовольствия. Работа не является лишь делом взрослых, а игра – предназначением для детей.

Завершая сравнительно-историческое описание отношения к детям в двух культурах, М.Мид делает такой вывод: «Безотносительно к тому, одобряем или не одобряем мы способы решения человеческих проблем, предлагаемых другими народами, наше отношение к собственным трудностям должно значительно обогатиться и углубиться сопоставлением их с теми же самыми решениями у других. Наши собственные методы плод долгой и бурной истории. На фоне других цивилизаций они будут выглядеть рельефнее, и, спокойно оценив их, мы не побоимся найти и их недостатки»⁵⁰.

Такой подход значительно сближает исследование разных культур с современностью, лишает прошлое архаичности и позволяет выделять в нем немало разумных, но утраченных знаний.

Эти хрупкие, но весьма устойчивые культуры до сих пор сохранились на островах Тихого океана, в африканских джунглях, азиатских пустынях, сибирской тайге, полярной тундре. Везде живут люди, они трудятся, воспитывают детей, и даже когда к ним приходят новые формы цивилизации, то семейные отношения во многом остаются традиционными. Суровая дисциплина в соединении с постоянной заботой о детях лежит в основе воспитания. И это равным образом противоречит как теории, согласно которой ребенка надо защищать от жизни и укрывать, так и иной концепции, предлагающей бросить его на произвол, предоставив ему «выплыть или утонуть».

---

⁵⁰ Там же. – С. 171.

Воспитание в традиционном обществе показывает огромные возможности выживания и адаптации детей, развития человеческой выносливости, координации движений, смекалки, трудовых навыков, бережливого отношения к вещам, уважения к старшим. Приобретение всех форм культурного поведения стоило немалых усилий в истории народов, в них заключен богатый и многократно отобранный поколениями опыт жизни, поэтому так важно его бережное сохранение и так бесценна утрата. «Только вместе люди могут быть людьми, их человечность зависит не от индивидуального инстинкта, а от традиционной мудрости их общества»⁵¹, – пишет М.Мид.

14.3. КУЛЬТУРНЫЕ РОЛИ МАТЕРИНСТВА И ОТЦОВСТВА

Придавая большое значение семейному воспитанию детей, М.Мид анализирует культурные роли материнства и отцовства. Материнская забота и привязанность к ребенку глубоко заложены в биологической природе женщин, хотя социальные установки могут искажать материнские чувства, приводить к различным нарушениям в сознании и поведении.

Отцовство у человека – социальное изобретение. «Мужчинам нужно прививать желание обеспечивать других, и это поведение, будучи результатом научения, а не врожденным, остается весьма хрупким и может довольно легко исчезнуть при социальных условиях, которые не способствуют его сохранению»⁵², – отмечает М.Мид. На биологическую принадлежность к мужскому полу накладывается «наученная родительская роль». Периоды социальных потрясений – войны, революции, голод, эпидемии – нарушают семейную традицию, мужчины теряют ясность ориентации, обнаруживают недостаток отцовской ответственности. Такой же вред наносили семье различные социальные эксперименты, когда заботы о детях полностью принимало на себя государство. Это приводило к ослаблению семейных связей, искажению воспитания.

В современном обществе воспитание детей «в угрожающих размерах» стало женским делом. Это нарушает необходимую связь в отношениях детей и родителей. Особенно если речь идет о воспитании мальчиков. Как бы ни была близка мать, она не является моделью мужского поведения и образа жизни. Более того, слишком сильная привязанность к матери может затормозить эмоциональное развитие юноши, а если он отождествит себя с нею, то может оказаться сексуально извращенным.

Дети, воспитанные в антагонизме к отцу и в зависимости от матери, в будущем становятся плохо приспособленными к семейной жизни, мало

---

⁵¹ Там же. – С. 310.

⁵² Там же. – С. 315.

заботятся о собственных детях. Живое ощущение отцовской личности, разделение с отцом семейных обязанностей, тревог, радостей – лучший способ воспитания в мальчиках мужских качеств.

14.4. МОДЕЛИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ КУЛЬТУР

Исследование культуры в традиционных обществах позволило М.Мид внести свой вклад в изучение процесса исторической преемственности. В 1964 г. выходит ее книга «Преемственность в эволюции культуры», где она предлагает типологию культур в зависимости от характера взаимодействия поколений и отношения к нововведениям. В русском переводе эти идеи содержатся в главе «Культура и преемственность. Исследование конфликта поколений»⁵³.

М.Мид считает, что в истории складывались три типа культур:

- 1) постфигуративная, когда дети учатся у предков;
- 2) кофигуративная, когда и дети, и взрослые учатся у сверстников;
- 3) префигуративная, когда взрослые учатся у своих детей.

Первый тип присущ традиционным обществам и достаточно изолированным религиозным или идеологическим общностям, чья власть основана на прошлом опыте старшего поколения.

Второй тип получил распространение в цивилизациях, разработавших процедуры внедрения новшеств.

Третий тип характерен для современного этапа истории.

Как и всякая типология, такое деление достаточно условно, в одно и то же время все три типа культур могут сосуществовать друг с другом. Но предложенный М.Мид подход дает возможность представить процесс взаимодействия поколений более обстоятельно, увидеть точки конфликтов, найти пути для их разрешения. Проследим за теми характерными признаками, которыми М.Мид наделяет эти культуры.

Постфигуративная культура отличается медленными и незаметными изменениями, прошлое взрослых становится будущим для каждого нового поколения. Детям предстоят те же события и испытания, которые выпали на долю их предков. Прошлое – это схема будущего. Только воздействие природной катастрофы или внезапного иноземного вторжения может изменить эту схему.

Преемственность в культуре зависит от одновременного проживания, по крайней мере, трех поколений. Старшие владеют необходимыми навыками и знаниями, которые дети беспрекословно воспроизводят без гени сомнения в их важности и полезности. Для сохранения культуры

---

⁵³ Там же. – С. 322 – 361.

старики были источником мудрости, они служили как бы законченным образцом жизни, как она есть, воплощая в себе культуру народа.

Для постфигуративной культуры характерна зависимость от старших поколений. Подлинность культуры опирается на авторитет генеалогии, прослеживающей ее идентичность вплоть до эпохи мифологических предков. Так сохранялось чувство самобытности народа, своеобразие его культуры. Даже в условиях контактов, миграции, народы длительное время сохраняют традиционную культуру в языке, способах воспитания детей, поощрениях и наказаниях, мимике и жестах, кулинарных рецептах и ритуалах.

При перемещении в иные страны создается система «параллельных значений», когда говорят на новом языке, пользуясь синтаксисом старого, или обживают новое жилище, но обставляют и украшают его как прежде. Это весьма распространенный тип адаптации иммигрантов, попавших в чужое общество. Целостность их внутреннего мира не меняется, ибо отличается особой прочностью. На этом механизме основана культурная устойчивость любой диаспоры.

Со временем связи между поколениями могут слабеть, и прежняя культура выпесняется новыми привычками и ценностями. Последствия контактов разных культур называют аккультурацией. Ядро культуры, образующее ее самобытность, передается последующим поколениям, сохраняется в национальном характере. Его роль усиливается, когда народ испытывает угрозу изгнания, страдает от угнетения, завоевания, притеснения. «Устойчивое, не допускающее сомнения чувство своей особенности, сознание правильности любого аспекта жизни, характерное для постфигуративных культур, может проявиться и может быть восстановлено на любом уровне культуры любой сложности»⁵⁴, – делает вывод М.Мид.

Эмигранты, переселившиеся в другую страну, сохраняя старый образ жизни, навыки, искусство, язык, предписания и нормы общения, продолжают жить в своей культуре. Это касается также чувства собственной индивидуальности, которое остается неизменным в ситуации длительных, хотя и поверхностных контактов. Иное положение возникает тогда, когда все три поколения перемещаются в иную среду, где все не так, как было прежде. Тогда в памяти сохраняются воспоминания о былой жизни, они могут быть как восторженными, так и негативными. Если воспоминания старших «слишком восторженны», то они вызывают раздражение у внуков. «Прошлое величие – плохая компенсация за пустую кастрюлю, и оно никак не мешает разгуливать современным сквознякам»⁵⁵, – отмечает М.Мид. Дети тоже осваивают представления о жизни «здесь» и

---

⁵⁴ Там же. – С. 377.

⁵⁵ Там же. – С. 338.

«там», иногда прошлое им кажется заманчивым, но чаще всего эта связь времен постепенно утрачивается. Они отвыкают от жизненных привычек прошлого, забывают язык, позволяют «умереть» голосам прежней духовности, осваивают новые стандарты жизни.

Угасание старой культуры происходит повсюду в мире. Осколки навыков и умений, реликты родственных кланов, сказки и легенды, мифы и танцы, рукоделие и кулинария – все это, как правило, лишь фрагменты некогда цельной культуры предков.

Постфигуративная культура остается в виде бессознательных реакций и проявляется в предпочтениях, оказываемых некоторым людям и животным, в тонкости отношений между мужчиной и женщиной, в привычке ложиться спать и вставать, в способах сберегать и тратить деньги, в переживании удовольствий или страданий.

Все это составляет разветвленную структуру поведения, унаследованную человеком той или иной культуры. Ребенок, вырастая, перенимает их без тени сомнения. Все эти и многие другие стандарты поведения обладают внутренней согласованностью, универсальны и действуют почти бессознательно. Безусловное подчинение традициям предков и отсутствие сомнений в их правильности определяют устойчивость архаичных культур. Они не поддаются атакам аналитического мышления, научного обоснования и рационализации и потому довольно быстро восстанавливаются в культурах.

Задача понимания другой культуры во всей ее целостности, самых глубинных механизмов эмоций, тонких отличий в значении поз и жестов должна стать предметом культурологического анализа. Постфигуративный тип культуры, хотя и возник исторически в далеком прошлом, продолжает существовать в сознании и поведении современников. Это обстоятельство подтверждает гипотезу о «пористой» структуре культуры, когда не существует жестких границ между отдельными слоями или культурными пластами, а все они находятся во взаимодействии. Диффузия культуры определяет их движение: они то поднимаются и начинают оказывать сильное воздействие на новую ситуацию; то вытесняются в глубины подсознания, определяя лишь общие контуры поведения. Во всяком случае, отношение к постфигуративной культуре как «слишком старой», архаичной, реликтовой было бы неправомерным и несправедливым.

В культурах народов, существующих в изоляции от других, этот тип проявляется наиболее рельефно. Но и в сложном мире современной цивилизации он обнаруживается в неистребимых штампах определенных культурных форм, в самобытности культур и устойчивости этнических диаспор.

Динамизм социальной жизни, быстрота перемен в материально-вещественной среде, ценностных ориентирах, формах общественной и

индивидуальной жизни оказывают воздействие на процесс передачи культуры. Если прежде молодое поколение внимательно всматривалось в «зеркало предков», проходило их жизненный путь, то в новой ситуации эта модель перестает быть единственной или главной.

Жизнь нового поколения проходит в изменившихся условиях, она больше не напоминает старым людям то, как они жили в молодости. Такие глубокие перемены могут наступить в силу разных обстоятельств:

1) как следствие катастрофы, уничтожающей почти все население, но в особенности старших, играющих самую существенную роль в руководстве данным обществом;

2) в результате развития новых форм техники, неизвестных старшим, но осваиваемых молодыми;

3) вслед за переселением в новую страну, где старшие всегда будут считаться иммигрантами и чужаками;

4) в итоге завоевания, когда покоренное население вынуждено усваивать язык и нравы завоевателей;

5) в результате принятия новой веры, когда новообращенные взрослые воспитывают детей в духе новых идеалов, не известных их предкам.

б) в итоге мер, сознательно осуществленных революцией, утверждающей себя введением новых ценностей и стилей жизни для молодежи.

Так возникает кофигуративная культура, в которой основной моделью преемственности и передачи знаний и навыков становятся современники, а не предшествующие поколения. Этот тип культуры может стать преобладающим, вытесняя прежние модели и ценности как устаревшие, не соответствующие новым условиям. Молодежь выражает новую модель культуры, и общество стремится к усилению ее влияния. Молодые люди избираются в органы власти, замещая старшее поколение; они осваивают новые профессии, отличаются формами досуга, отношениями в семье.

Но от этих изменений общество не становится одновозрастным, в нем продолжают жить старики, хотя их опыт и мудрость уже не имеют столь существенного значения. Такое положение усложняет процесс взаимодействия поколений, может порождать различные конфликты. Неодобрение нового образа жизни, ностальгия по-старому, когда «все было лучше», негативное отношение к увлечениям, вкусам, интересам, ценностям молодых становится психологической основой разногласий.

Поэтому новая ситуация требует от каждого поколения особенной терпимости к различиям, умения сохранять связь времен, не отторгая прошлого как слишком старого и не пренебрегая новым как недостойным. Иначе разрыв между поколениями становится неизбежным, общество резко дифференцируется по возрастным группам, восстание против авторитета старших на определенной стадии становится неизбежным.

Это состояние мятежности неоднократно возникало в истории культуры, когда младшее поколение, лишенное возможности использовать опыт старших, искало поддержки и руководства друг у друга, а сверстники становились лучшими наставниками. Но жизнь не стоит на месте, «молодость переходит в зрелость и старость», поэтому конфигурация как стиль культуры достаточно кратковременна. Это связано также с тем, что меняется ориентир на взрослых, более адаптированных к новым условиям и прошедшим иную школу жизни.

Два стиля культуры и обе модели преемственности могут сосуществовать друг с другом в течение длительного времени на одной и той же исторической стадии. Стабилизация культуры ведет к переоценке роли прошлого, оно вновь приобретает значение в трансляции культурного наследия.

Конфликты между поколениями, отмечает М.Мид, прежде всего присущи обществам с высокой вертикальной мобильностью. Тогда происходит неизбежный разрыв с теми моделями образа жизни, которые оказывали влияние на человека в детстве. Каналами вертикальной мобильности являются система образования, получение более высокой профессии; быстрое перемещение в руководящие органы власти; деятельность администраторов, менеджеров; приобретение частной собственности, организация фирм, предприятий.

Новая ситуация непохожа на ту, которая была в родительской семье, а опыт предков становится ненадежным советчиком. Еще совсем недавно старшие могли говорить: «Послушай, я был молодым, а ты никогда не был старым». Но сегодня молодые могут им ответить: «Ты никогда не был молодым в мире, где молод я, и никогда им не будешь»⁵⁶.

Другой тип кофигуративной культуры возникает в условиях миграции. Выезд на длительное время или навсегда в другие места, города и страны неизбежно прерывает нить преемственности в традициях, заставляет приобретать новые знания и навыки, усваивать иные формы, правила и ценности. Это происходит с теми, кто переезжает из села в город для получения работы или образования, беженцами из мест межнациональных конфликтов, эмигрантами, в силу разных причин, покидающих свою страну. Особенно рельефно новый образ жизни проявляется в тех семьях, где отсутствует третье поколение. Безотносительно к тому, была ли эмиграция добровольной или вынужденной, отвернулось ли старшее поколение от нищеты и бесправия своего прошлого или же тосковало по прежней жизни, поколение дедов представляет собой прошлое, «оставшееся где-то там...»

---

⁵⁶ Там же. – С. 345.

Дети видят в них людей, по чьим стопам они никогда не последуют. Опыт молодых радикально отличается от опыта их родителей. «Будут ли эти молодые первым поколением, родившимся в эмиграции, первыми представителями нового религиозного культа или же первым поколением, воспитанным группой победивших революционеров, их родители не могут служить им живым примером поведения, подобающего возрасту. Молодежь сама должна вырабатывать у себя новые стили поведения и служить образцом для своих сверстников»⁵⁷.

Сознавая непригодность своего опыта, родители поощряют освоение нового языка, обычаев, правил поведения, ценностей и сами учатся обретению новых стандартов. Молодые взрослые, мигрирующие по городам и странам, оставляют своих родителей на прежнем месте, на своей родине. Это явление свойственно и индустриальным обществам, создающим особые дома, где старики живут своим замкнутым миром. Изоляция старшего поколения приводит к уменьшению их влияния на младших, ослаблению связей внутри всего родственного клана. «Большая семья», столь характерная для традиционной постфигуративной культуры, уходит в прошлое.

Этот же процесс взаимодействия двух поколений становится типичным для организационных структур, социальных институтов. Необходимость быстрой адаптации к переменам требует от них большей гибкости. Устранение старших чиновников, престарелого персонала, всех тех, кто своей личностью, памятью, неменяющимся стилем отношения к молодежи укрепляет и поддерживает устаревшее, аналогично по своему характеру устранению дедов из семейного круга, — отмечает М.Мид. Когда старшее поколение теряет реальную власть, с ним вместе уходят прежние эталоны культуры, стили общения, представления о долге, свободе, нравах и ценностях.

Но кофигуративная культура при всех своих достоинствах и быстроте реагирования на происходящие в обществе перемены, освоения нововведений, обладает и рядом недостатков. Она по своим связям синхронна, горизонтальна, и этот параметр лишает ее внутренней глубины и устойчивости. В ней все меняется в течение не только столетий, но и десятилетий, и даже нескольких лет. Все наполнено новизной, непохожестью, и это усиливает личную установку на временность, нестабильность жизни, бессмысленность прогнозирования, составления планов. «Жизнь здесь и сейчас» — таков лозунг новой культуры. Попытки возрождения культурного наследия сметаются ветром перемен.

Но общество сильно своими корнями, и оно ищет способы стабилизации культуры в новых условиях. Каждый такой сдвиг в культуре, отра-

---

⁵⁷ Там же. — С. 347.

жающий ее адаптацию к новой жизни, неизбежно производит изменения в сознании и поведении людей. «Чем сильнее ощущается разница между поколениями в семье, чем сильнее социальные перемены, являющиеся следствием вовлечения человека в новые группы, тем более хрупкой становится социальная система, тем менее уверенно будет себя чувствовать индивидуум», – заключает М.Мид. Неустойчивость характерна для жизни человека в изменяющемся мире. Эти обстоятельства вызывают стремление восстановить прошлое. Такие попытки достаточно распространены в разных обществах.

«Последователи «революционных» или утопических культов пытаются создать закрытые общества, видя в них способ увековечить желательный образ жизни»⁵⁸, – отмечает М.Мид. Кофигуративная культура не захватывает глубинных слоев культуры, она поверхностна и динамична. Но при этом ядро культуры не исчезает, не гибнет, оно сохраняется до того времени, когда в нем возникает социальная потребность. Кофигуративная культура ориентирована на новые моральные, религиозные ценности, а технологические изменения вносят перемены в мир, который понятен и прежним поколениям.

Однако будущее приведет к возникновению новой культурной модели, которую М.Мид называет префигуративной культурой. Она создаст принципиально новые, не известные в прошлом, механизмы изменения и передачи культуры, заявит о новых возможностях человека. Будущую ситуацию можно сравнить с жизнью в неизвестной стране. Представление о миграции в пространстве предстоит заменить на миграцию во времени.

Предстоящее будущее приобретает все большую непредсказуемость и неизвестность, и это вызывает необходимость укрепления в человеке жизненных и духовных сил, обращения к скрытым ресурсам жизненной энергии, расширяющим его творческие возможности.

---

⁵⁸ Там же. – С. 358.

ГЛАВА 15. Й.ХЕЙЗИНГА ОБ ИГРЕ В КУЛЬТУРЕ

Труды голландского ученого, всемирно известного историка Й.Хейзинги (1872 – 1945) пришли в Россию с большим опозданием, но сразу получили признание среди специалистов разных отраслей знания. В 1988 г. было издано в русском переводе фундаментальное исследование «Осень Средневековья», а в 1992 г. «Ното Ludens» («Человек Играющий») и «В тени завтрашнего дня». Это только часть теоретического наследия, опубликованного в Европе в 9 томах. Популярность Й.Хейзинги, интерес к его творчеству были подготовлены уже в 60-е годы, когда к анализу его научных трудов обратились отечественные исследователи С.С.Аверинцев, Т.А.Кривко-Апинян, Л.С.Баткин, А.В.Михайлов, Н.А.Колодий, И.И.Розовская, Г.М.Тавризян. В их статьях и книгах очень бережно и доброжелательно представлена оригинальная концепция истории мировой культуры Й.Хейзинги.

В культурологии Й.Хейзинги можно выделить три аспекта.

Во-первых, историографический анализ эпохи позднего Средневековья в Нидерландах, европейской культуры XV века.

Во-вторых, роль Игры в возникновении и развитии культуры всех времен и народов.

В-третьих, анализ духовного кризиса западной культуры, духовной трагедии человечества, связанной с фашизмом и тоталитаризмом.

Его гуманистические идеи разделяли известные философы-культурологи, писатели, такие как Г.Гессе, Х.Ортега-и-Гассет, Т.Манн, работавшие в «черные годы Европы» наступления фашистских режимов.

Жизненный путь и судьба теоретического наследия Й.Хейзинги были полны драматическими событиями. Обратимся к некоторым фактам его биографии.

15.1. ДРАМА ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА

Йохан Хейзинга родился 7 декабря 1872 г. в Голландии, в городе Гронингене, в семье, ведущей свою родословную с XVI века. В семье строго соблюдались религиозные традиции меннонитов, проповедовавших нравственную жизнь, пацифизм и этику ненасилия, воздержание от светских удовольствий, браки внутри общины. Его отец вначале продолжил семейную традицию, поступив в духовную семинарию, но затем увлекся естествознанием и математикой, оставив духовное поприще.

В гимназии Й.Хейзинга проявил способности в изучении языков, что послужило началом для овладения в будущем восемью иностранными

языками, в том числе: санскрит, греческий, арабский, славянский. Он увлекался геральдикой и нумизматикой, и это, очевидно, пробудило его интерес к истории.

После окончания гимназии он поступил в Гронингенский университет, специализировался в голландской филологии, а спустя несколько лет защитил диссертацию «О видушаке (пуге) в индийской драме», прочитав на санскрите ряд классических индийских драм.

Затем Й.Хейзинга становится учителем истории в школе. Он избирает своеобразный метод обучения истории по картинкам. Уже в эти годы он предпочитает «связный образ истории», который впоследствии широко использует в своих исторических трудах. В 1950 г. сборник этих рассказов «Окно в мир» был издан в Голландии.

В 1903 г. Й.Хейзинга становится приват-доцентом истории древнеиндийской литературы в университете в Амстердаме, но читая курс «Ведийско-брахманской религии», чувствует перемену в своих научных интересах. Его увлекает позднее средневековье западной культуры. Он переходит на кафедру истории Гронингенского университета и работает профессором с 1904 по 1915 г. Уже в эти годы возникает замысел книги «Осень Средневековья», которая издается в Голландии в 1919 г. и приносит ему всемирную славу и известность. Она переводится в различных странах, а в 1988 г. впервые публикуется на русском языке.

В 1915 г. Й.Хейзинга переходит в Лейденский университет, возглавляет кафедру истории, а затем становится ректором. В Лейдене он проработал вплоть до 1942 г., когда во время фашистской оккупации университет был закрыт.

Несмотря на то, что в своих трудах по истории мировой культуры он погружен в отдаленные эпохи, в них постоянно ощущается пульс современных проблем. Размышления о судьбах культуры, взаимоотношениях культуры и власти, кризисе духовности в формах повседневной жизни, об умонастроениях и ценностях обращены к новой реальности середины XX века. Такова его работа «В тени завтра. Диагноз культурного недуга нашего времени», опубликованная в 1935 г., переведенная на многие европейские языки, но запрещенная в годы фашизма, а также книга «Истерзанный мир», изданная в 1945 г., после окончания II мировой войны.

Й.Хейзинга становится видным общественным деятелем, он избирается президентом Академии наук в Амстердаме, а с 1938 г. председателем Международного комитета по культурному сотрудничеству Лиги Наций.

Гуманистические идеи были изложены в книгах «Эразмус» (1942), посвященной биографии Эразма Роттердамского, а также в работе «Голландская культура XVII века» (1933). Необычайную популярность приобрела работа «Ното Ludens» (1938), отличающаяся новым подходом в освещении сущности, происхождения и эволюции культуры, энциклопе-

дической эрудицией автора, блеском литературного стиля. В ней изложена культурологическая концепция Й.Хейзинги. В предисловии он писал, что человеческая культура возникает и развертывается в игре. Это убеждение зародилось у него еще в 1903 г., а в 1933 он посвятил этой проблеме вступительную речь при избрании ректором Лейденского университета, назвав ее «О границах игры и серьезного в культуре». Затем эти идеи излагал в Цюрихе, Вене, Лондоне в докладах «Игровой элемент культуры». В этой работе наиболее полно воплотился гуманистический, жизнелюбивый, нравственно светлый, творческий мир Й.Хейзинги.

Он прожил удивительно интересную, насыщенную событиями жизнь, полную драматических переживаний, в которой были взлеты популярности и авторитета, преследования, аресты, заключение в концлагерь. Благодаря усилиям международного сообщества ученых 70-летний Й.Хейзинга был освобожден и выслан в деревушку Де Стег близ города Арнем в Голландии. Но и там он продолжал свою деятельность, не имея книг, используя многие источники по памяти. Умер Й.Хейзинга от истощения в феврале 1945 г., не дожив до окончательной победы над фашизмом.

15.2. ОСЕНЬ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ: ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Воссоздание истории мировой культуры – одна из дискуссионных проблем науки. Существует немало противоречивых точек зрения на исторический процесс развития культуры. Одни считают неправомерным вообще отделять историю культуры от гражданской истории, считая, что все культурные явления органично вплетены в события эпохи, зависят от них и потому нераздельны. Никакой истории культуры нет, есть одна история – таков вывод. Это приводит к фактографии, сопутствующей изложению истории различных эпох.

Но такой подход постепенно изживает себя как устаревший и не соответствующий научному познанию сложных процессов культурного развития.

Другие отождествляют историю культуры с историей создания произведений и распространением стилей в искусстве, историей науки и техники, историей философии различных периодов.

Й.Хейзинга предлагает свое видение истории культуры. Для него важно понять, как жили люди в те отдаленные времена, о чем думали, к чему стремились, что считали ценным. Он хочет представить «живое прошлое», по крупицам восстановить «Дом истории». Задача весьма заманчивая, но необычайно трудная. Ведь нередко бывало так, что прошлое изображалось как «плохо развитое настоящее», полное невежества и суеверий. Тогда история заслуживала лишь снисхождения. Й.Хейзинга

принципиально придерживается иной точки зрения. Для него важен диалог с прошлым, понимание умонастроений, потому в подзаголовке его труда «Осень Средневековья» следуют очень важные уточнения – «исследования форм жизненного уклада и форм мышления в XIV и XV веках во Франции и Нидерландах».

Й.Хейзинга ставит в исследовании мировой культуры задачу особой сложности: увидеть средневековую культуру на последней жизненной фазе и представить новые побегы, постепенно набирающие силу. «Закат и Восход» – вот общий контур этой концепции истории культуры. Это две картины мира, существующие в целостной системе культуры. Они вступают в диалог между собой. Обращаясь ко времени, которое на пять веков моложе нашего, «нам хочется знать, – пишет Й.Хейзинга, – как зародились и расцвели те новые идеи и формы жизненного уклада, сияние которых впоследствии достигло своего полного блеска»⁵⁹. Изучение прошлого вселяет в нас надежду рассмотреть в нем «скрытое обещание» того, что исполнится в будущем.

Для него интересна «драматургия форм человеческого существования»: страдание и радость, злосчастье и удача, церковные таинства и блестящие мистерии; церемонии и ритуалы, сопровождавшие рождение, брак, смерть; деловое и дружеское общение; перезвон колоколов, возвещавших о пожарах и казнях, нашествиях и праздниках. В повседневной жизни различия в мехах и цвете одежды, в фасоне шляп, чепцов, колпаков выявляли строгий распорядок сословий и титулов, передавали состояние радости и горя, подчеркивали нежные чувства между друзьями и влюбленными.

Обращение к исследованию повседневной жизни делает книгу Й.Хейзинги особенно интересной и увлекательной. Все стороны жизни в период Средневековья выставлялись напоказ кичливо и грубо. Картина средневековых городов возникает как на экране. Повседневная жизнь возбуждала и разжигала страсти, проявлявшиеся то в неожиданных взрывах грубой необузданности и зверской жестокости, то в порывах душевной отзывчивости, в переменчивой атмосфере которых протекала жизнь средневекового города.

Непроглядная темень, одинокий огонек, далекий крик, неприступные крепостные стены, грозные башни дополняли эту картину. Знатность и богатство противостояли вопиющей нищете и отверженности, болезнь и здоровье отличались особенно резко. Свершение правосудия, появление купцов с товаром, свадьбы и похороны возвещались громогласно. Жестокое возбуждение, вызываемое зрелищем эшафота, нарядом палача и страданиями жертвы, было частью духовной пищи народа. Все события

---

⁵⁹ Хейзинга Й. Осень Средневековья / Хейзинга Й. – М., 1988. – С. 5.

обставлялись живописной символикой, музыкой, плясками, церемониями. Это относилось и к народным праздникам, и религиозным мистериям, и великолепию королевских процессий. «Необходимо вдуматься, – отмечает Й.Хейзинга, – в эту душевную восприимчивость, в эту впечатлительность и изменчивость, в эту вспыльчивость и внутреннюю готовность к слезам – свидетельству душевного перелома, чтобы понять, какими красками и какой остротой отличалась жизнь этого времени»⁶⁰.

Так начинает Й.Хейзинга в книге главу «Яркость и острота жизни».

Повседневность как предмет исторического исследования будет привлекать впоследствии французского ученого Ф.Броделя, основателей школы «Анналов» М.Блока, Ж.Ле Гоффа, Л.Февра. В отечественной науке такой подход характерен для творчества М.М.Бахтина, А.Я.Гуревича, А.М.Панченко. Но в те годы, когда писал Й.Хейзинга, изображение повседневности считалось «беллетризацией» истории.

Однако трудно было представить, как можно иначе передать психологическую атмосферу эпохи, создать образ века рыцарской любви и роскоши, великих доблестей и мерзких пороков, надежд и утопий, благочестия и жестокости. Жизнь была столь неистова и контрастна, отмечает Й.Хейзинга, что она распространяла смешанный запах «крови и роз». Люди этой эпохи – гиганты с головами детей, мечутся между страхом и наивными радостями, между жестокостью и нежностью. Таковы черты состояния духа и мироощущения времени.

«Осень Средневековья» насыщена историческими фактами, событиями, именами, географическими названиями, делающими повествование обоснованным и реальным. И есть еще одна особенность – это книга о родной культуре Й.Хейзинги: Бургундии XV века, Фландрии, Нидерландских графств. Это своеобразная культурная археология, извлекающая из-под древних пластов и наслоений «обломки» прежней жизни, чтобы сделать ее понятной для современников, когда далекое становится близким, чужое – своим, безразличное – дорогим, объединяясь в единый ствол культуры.

Средневековое общество и все его церемониалы отражали строгую иерархию сословий, которая по смыслу и значению воспринималась как «богоустановленная действительность». Социальная структура общества была стабильна, закреплена профессиональными занятиями, положением в системе господства и подчинения, наследовалась от поколения к поколению, имела четкие нормы и предписания в одежде и поведении.

Духовенство, аристократия и третье сословие, составляли незыблемую основу общества. Кроме того, существовало еще, по крайней мере, двенадцать категорий, состоящих в браке; четыре придворные группы –

---

⁶⁰ Там же. – С. 8.

хлебодар, кравчий, стольник, кухмейстер; служители церкви – священник, диакон, служки, монашеские и рыцарские ордена.

Аристократии надлежало осуществлять высшие задачи управления, заботу о благе; духовенству – вершить дело веры; бюргерам – возделывать землю, заниматься ремеслом и торговлей. Но третье сословие еще только набирало силу, поэтому ему не отводится значительного места в культуре.

Общественным мнением Средневековья владеет «рыцарская идея». С ней связывают предназначение аристократии, добродетели и героические подвиги, романтическую любовь к Прекрасной Даме, далекие походы и турниры, доспехи и воинские доблести, риск для жизни, верность и самоотверженность.

Конечно, в рыцарском идеале было немало далекого от реальности, изобилующей примерами жестокости, высокомерия, вероломства, корыстолюбия. Но это был эстетический идеал, сотканный из возвышенных чувств и пестрых фантазий, освобожденный от своих греховных истоков. Именно рыцарскому идеалу средневековое мышление отводит почетное место, он запечатлен в хрониках, романах, поэзии и житиях. Рыцарский идеал соединялся с ценностями религиозного сознания – состраданием и милосердием, справедливостью и верностью долгу, защитой веры и аскетизмом. Странствующий рыцарь свободен, беден, не располагает ничем, кроме собственной жизни.

Есть и еще одна черта, необычайно важная для понимания рыцарства как стиля жизни. Это – романтическая Любовь. Рыцарь и его дама сердца, благородные подвиги во имя любви, преодоление страданий и препятствий, демонстрация силы и преданности, способность переносить боль в состязании и поединке, когда наградой был платок возлюбленной, – все эти сюжеты отмечены в литературе того времени. «Эротический характер турнира требовал кровавой неистовости»⁶¹, – писал Й.Хейзинга. Это был апофеоз мужской силы и мужественности, женской слабости и гордости, и таким он прошел через века. Изысканная вежливость, преклонение перед женщиной, не претендующее на плотские наслаждения, делает мужчину чистым и добродетельным. Возникает эротическая форма мышления с избыточным этическим содержанием, отмечает Й.Хейзинга. «Любовь стала полем, на котором можно возвращать всевозможные эстетические и нравственные совершенства»⁶², – пишет он в главе «Стилизация любви». Благородная, возвышенная любовь получила название «куртуазной», в ней сочетались все христианские добродетели.

---

⁶¹ Там же. – С. 89.

⁶² Там же. – С. 112.

Но облагороженная эротика не была единственной формой любви. Наряду с ней в жизни и литературе существовал и иной стиль, который Й.Хейзинга называет «эпигаламическим». Он обладал более древними корнями и не меньшей жизненной силой. Для него были характерны страстная безудержность на грани бесстыдства, двусмысленность и непристойность, фаллическая символика и насмешки над любовными отношениями, скабрёзные аллегории, доходящие до грубости. Этот эротический натурализм отразился в комическом жанре повествований, песенок, фарса, баллад и сказаний. Искусство любви, соединявшее чувственность и символику, определялось целой системой установленных норм, ритуалов и церемоний.

Особое значение придавалось символике костюма, оттенкам цветов и украшений. Это был язык любви, который лишь комментировался различными высказываниями. Все эти формы любовных отношений сохраняют свою жизненную и культурную ценность еще долгое время за пределами Средневековья, отмечает Й.Хейзинга.

В противовес Любви, воплощающей жизненную силу, в средневековой культуре возникает образ Смерти. Ни одна эпоха, — пишет Й.Хейзинга, — не навязывает человеку мысль о смерти с такой настойчивостью, как XV столетие. Три темы объединяются в острое переживание страха смерти: во-первых, вопрос о том, где все те, кто ранее наполнял мир великолепием; во-вторых, картины тления того, что было некогда человеческой красотой; в-третьих, мотив Пляски Смерти, вовлекающей в свой хоровод людей всех возрастов и занятий. Возникает представление о Зеркале Смерти в религиозных трактатах, поэмах, скульптуре и живописи. На надгробиях появляются изображения тел в смертных муках; иссохших, с зияющим ртом и разверстыми внутренностями. Смерть внушает страх и отвращение, мысли о бренности всего земного, когда от красоты остаются лишь воспоминания. Смерть как персонаж была запечатлена в пластических искусствах и литературе «в виде апокалипсического всадника, пронесившегося над грудой разбросанных по земле тел; в виде низвергающейся с высот эринии с крылами летучей мыши; в виде скелета с косою или луком и стрелами; пешего, восседающего на запряженных волами дрогах или передвигающегося верхом на быке или на корове»⁶³.

Возникает и персонифицированный образ Пляски Смерти с идеей всеобщего равенства. Смерть изображается в виде обезьяны, передвигающейся неверными шажками и увлекающей за собой папу, императора, рыцаря, поденщика, монаха, малое дитя, шута, а за ними все прочие сословия. Человеку надлежало помнить о смертном часе и избегать иску-

---

⁶³ Там же. — С. 156.

шений дьявола. Среди смертных грехов значились нетвердость и сомнение в вере; уныние из-за гнетущих душу грехов; приверженность к земным благам; отчаяние вследствие испытываемых страданий; гордыня по причине собственных добродетелей.

Смерть как неизбежный конец всего живого воспринимается с той же неумолимостью, как свет обращается во тьму. Средневековая культура насыщена религиозными представлениями, а христианская вера почитается как главная духовная ценность. «Нет ни одной вещи, ни одного суждения, которые не приводились бы постоянно в связь с Христом, с христианской верой»⁶⁴, — пишет Й.Хейзинга. Атмосфера религиозного напряжения проявляется как невиданный расцвет искренней веры. Возникают монашеские и рыцарские духовные ордена, которые впоследствии вырастут в громадные политические и экономические комплексы и финансовые державы. В них создается свой уклад жизни, принимаются обеты послушания, устанавливаются ритуалы и церемонии посвящения.

Й.Хейзинга сравнивает деятельность этих сообществ с мужскими союзами, существовавшими в более древние времена, в эпоху родового строя. Эти союзы имели военные и военно-магические задачи, их деятельность тщательно скрывалась от женщин, они имели свои места собраний, обряды и традиции. Религиозные ордена имели строгую иерархию чинов и званий, предусматривали торжественные обеты, обязательное посещение богослужений и праздничных ритуалов. «Жизнь была проникнута религией до такой степени, что возникала постоянная угроза исчезновения расстояния между земным и духовным»⁶⁵, — отмечает Й.Хейзинга. В праздничной символике был обязательным религиозный элемент, светские мелодии часто использовались для церковных песнопений. Происходило постоянное смешение церковной и светской терминологии для обозначения предметов и явлений, для выражения почтения к государственной власти. Сюжеты на библейские темы заполнили искусство и литературу, возведение храмов было главным событием в градостроительстве, богословские трактаты и споры заполняли духовную жизнь.

Вместе с тем религиозная избыточность неизбежно растворялась в повседневности, сочетаясь с богохульством, профанацией веры. Церковные праздники проходили в атмосфере необузданного веселья, сочетались с игрой в карты, бранью и сквернословием. Участники религиозных процессий болтали, смеялись, горланили песни, приплясывали. Посещение церкви было предлогом для показа нарядов, назначения свиданий.

---

⁶⁴ Там же. — С. 165.

⁶⁵ Там же. — С. 170.

Ироничное отношение к духовенству – весьма распространенный мотив в средневековой литературе. Такова была оборотная сторона благочестия.

Для постижения духа Средневековья большое значение имеют основные формы проявления житейской мудрости в обычной повседневной деятельности. Среди них Й.Хейзинга рассматривает обычай давать имена событиям и неодушевленным предметам. Войны, коронации, а также военные доспехи, драгоценности, темницы, дома и обязательно колокола получают свои имена и названия. Были распространены сентенции, изречения, девизы, пословицы и поговорки. В них кристаллизовалась мудрость, отлитая в нравственный образец. В повседневном обиходе их сотни, все они точны и содержательны, ироничны и добродушны. Их используют как наставления и способ разрешения споров. Пословицы сразу же разрубают узлы: стоит припомнить подходящую пословицу – и дело сделано, пишет Й.Хейзинга.

Эмблемы, гербы, пристрастие к генеалогии можно сопоставить со значением тотема. Львы, лилии, розы, кресты становятся охранительными символами, запечатлевая фамильную гордость и личные надежды.

Средневековое сознание охотно обобщало отдельные эпизоды жизни, придавая им прочность и повторяемость. Особые опасения вызывала у обывателя мрачная сфера жизни, связанная с нечистой силой, нарушающей установленный жизненный порядок. Демономания, ведовство, чародейство, заговоры, колдовство охватывают Средневековье как эпидемии. Несмотря на преследования и казни, они сохранялись длительное время. Черная магия, дьявольские наваждения, суеверия, предзнаменования, амулеты и заклинания широко представлены в средневековом фольклоре и литературе.

Франко-бургундская культура позднего Средневековья отразилась в различных видах и жанрах искусства. Больше всего она известна последующим поколениям по изобразительному искусству. Однако Й.Хейзинга считает, что живопись и скульптура дают несколько иллюзорную и потому одностороннюю картину, ибо из них улетучиваются горечь и боль эпохи.

Наиболее полно все беспокойства и страдания, радости и надежды запечатлены в словесном, литературном творчестве. Но письменные свидетельства не исчерпываются литературой. К ним добавляются хроники, официальные документы, фольклор, проповеди. Особую художественную ценность имеют алтари в храмах, церковная утварь и облачения, вымпелы и корабельные украшения, воинские доспехи, костюмы придворной знати, ремесленников и крестьян. Вышивка, инкрустация, кожаные изделия, посуда, гобелены и ковроткачество, карнавальные маски, гербы и знаки, амулеты и портретная миниатюра – все это отличалось высоким художественным мастерством. Музыка приобретала особое зна-

чение, ибо включалась в богослужения, побуждала к созерцательности и набожности. Звучание органа усиливало молитвенное состояние человека, вызывало эстетическое наслаждение.

Таковы некоторые черты эпохи Осени Средневековья. Но важно помнить, что Й.Хейзинга написал книгу об Осени Средневековья, о завершении одного исторического периода и начале новой эпохи. «Зарастание живого ядра мысли рассудочными и одеревенелыми формами, высыхание и отверждение богатой культуры – вот чему посвящены эти страницы»⁶⁶.

Интересно исследовать смену культур, приход новых форм. Этому автор посвящает последнюю главу. Старым жизненным взглядам и отношениям начинают сопутствовать новые формы классицизма. Они пробиваются среди «густых зарослей старых посадок» далеко не сразу и приходят как некая внешняя форма. Новые идеи и первые гуманисты, каким бы духом обновления ни веяло от их деятельности, были погружены в гущу культуры своего времени. Новые тенденции проявлялись в непринужденности, простоте духа и формы, обращении к античности, признании языческой веры и мифологических образов.

Идеи грядущего времени до поры до времени еще облачены в средневековое платье, новый дух и новые формы не совпадают друг с другом. «Литературный классицизм, – подчеркивает Й.Хейзинга, – это младенец, родившийся уже состарившимся»⁶⁷.

Иначе обстояло дело с изобразительным искусством и научной мыслью. Здесь античная чистота изображения и выражения, античная разносторонность интересов, античное умение выбрать направление своей жизни, античная точка зрения на человека означали нечто большее, нежели «трость, на которую можно было всегда опереться». Преодоление чрезмерности, преувеличений, искажений, гримас и вычурности стиля «пламенеющей готики», стало именно заслугой античности. Ренессанс придет лишь тогда, когда изменится «тон жизни», когда прилив губительного отрицания жизни утратит всю свою силу и начнется движение вспять; когда повеет освежающий ветер; когда созреет осознание того, что все великолепие античного мира, в который так долго вглядывались, как в Зеркало, может быть полностью отвоено.

Этими надеждами Й.Хейзинга заканчивает свою книгу. «Осень Средневековья» принесла автору европейскую известность, но и вызвала неоднозначные оценки среди коллег-историков. Достаточно вспомнить критику книги О.Шпенглера «Закат Европы», чтобы сопоставить умона-

---

⁶⁶ Там же. – С. 5.

⁶⁷ Там же. – С. 367.

строения, распространенные в исторической науке. А ведь обе эти работы были изданы почти в одно и то же время.

Й.Хейзинга прежде всего «историк рассказывающий», а не теоретизирующий, он сторонник живого видения истории. Такой подход многих не удовлетворял, его упрекали в недостатке методологии, в отсутствии серьезных обобщений. Некоторых не устраивало стремление Й.Хейзинги представить историю в фактах повседневной жизни, описать эмоциональные переживания, свойственные людям Средневековья. Он включался в полемику с историками, отстаивал свой подход, продолжал его и в последующих сочинениях.

Можно с уверенностью утверждать, что Й.Хейзинга как историк определил время, ибо его идеи были восприняты и поддержаны в научных исследованиях Школы «Анналов». Несомненной заслугой Й.Хейзинги является изучение кризисных, переходных эпох, в которых одновременно сосуществуют прежние и новые тенденции. Их трагическое сцепление беспокоит и наших современников. Драматические сценарии, «богатый театр лиц и событий», исследованный в Средневековье, дает нам ключ к пониманию последующих исторических эпох.

Й.Хейзинга расширил диапазон исторической науки, включив в описание анализ форм мышления и уклад жизни, произведения искусства, костюм, этикет, идеалы и ценности. Это и дало ему возможность представить наиболее выразительные черты эпохи, воспроизвести жизнь общества в ее повседневном бытии. Религиозные доктрины, философские учения, быт различных сословий, ритуалы и церемонии, любовь и смерть, символика цветов и звуков, утопии как «гиперболические идеи жизни» дали ориентир в исследовании истории мировой культуры.

15.3. КУЛЬТУРА КАК ИГРА

Оригинальная концепция культуры как Игры развернута в труде Й.Хейзинги «*Homo Ludens*» (1938), что в переводе означает «Человек играющий». Родовая, или всеобщая, характеристика человека выражена в таких суждениях: *Homo sapiens* – человек-разумный; *Homo faber* – человек-создающий. Такие определения распространены в науке.

Й.Хейзинга, не отвергая их, избирает иной аспект, считая, что «человеческая культура возникает, развертывается в игре и как игра»⁶⁸. Книга имеет подзаголовок «Опыт определения игрового элемента культуры». Здесь важно каждое слово. Опыт – предполагает обращение к огромному историческому материалу, а игра как явление культуры анализируется «средствами культурологического мышления»⁶⁹. Необходимо упомянуть,

---

⁶⁸ Хейзинга Й. *Homo Ludens* / Хейзинга Й. – М., 1992. – С. 7.

⁶⁹ Там же. – С. 8.

что специфика культурологического метода исследования – одна из дискуссионных тем современной науки, и Й.Хейзинга дает возможность определить отличие его от других подходов.

Книга состоит из 12 глав, каждая из которых заслуживает самостоятельного анализа. В них раскрываются такие проблемы:

- 1) природа и значение игры как явления культуры;
- 2) концепция и выражение понятия игры в языке;
- 3) игра и состязание как функция формирования культуры. В этих главах определяется теоретическая концепция игры, исследуются ее генезис, основные признаки и культурная ценность игры в жизни народов различных исторических эпох.

Затем Й.Хейзинга переходит к анализу игры в различных сферах культуры:

- 4) игра и правосудие, игра и война, игра и мудрость, игра и поэзия, игровые формы философии, игровые формы искусства;

- 5) заканчивается этот раздел рассмотрением игровых элементов в стилях различных культурных эпох – в Римской империи и Средневековье, Ренессансе, барокко и рококо, романтизме и сентиментализме;

- 6) в заключительной XII главе «Игровой элемент современной культуры» автор обращается к западной культуре XX в., исследуя спортивные игры и коммерцию, игровое содержание искусства и науки, игровые обычаи парламента, политических партий, международной политики. В современной культуре он обнаруживает приметы угрожающего разложения и утраты игровых форм, распространение фальши и обмана, нарушения этических правил. Но к этому мы еще вернемся.

Необходимо вначале определить основные контуры культурологической концепции Игры. Исходный тезис заключается в том, что «Игра старше культуры», ибо животные вовсе не «ждали» человека, чтобы он научил их играть – утверждает Й.Хейзинга. Все основные черты игры можно наблюдать у животных. Всякая игра имеет определенные правила, выполняет определенные функции, приносит удовольствие и радость.

Человеческий мир значительно увеличивает функции Игры, расширяет диапазон проявлений. Игра как разрядка жизненной энергии, как вид отдыха, как тренировка перед серьезным делом, как упражнение в принятии решений, как реализация стремлений к состязанию и соперничеству и поддержания инициативы – таковы лишь некоторые аспекты объяснения необходимости Игры в жизнедеятельности человека.

Однако эти подходы еще не дают ответа на вопросы: Как Игра становится элементом культуры? Как она закрепляется культурой? Какие виды и формы Игры характерны для культуры?

Для ответа на эти вопросы Й.Хейзинга анализирует главные признаки Игры.

1. Всякая Игра есть прежде всего свободная деятельность. Игра по принуждению, по приказу становится навязанной, лишается главного смысла и назначения. Для игры необходимо свободное время, она не диктуется обязанностью, а определяется желанием, личным настроением. Можно вступить в игру, но можно и не делать этого, отложить ее на неопределенный срок. В повседневной жизни игра возникает как временный перерыв. Она вклинивается в жизнь как занятие для отдыха, создавая настроение радости.

2. Ее цели прямо не связаны с пользой, выгодой, материальным интересом. Она обретает смысл и значение, благодаря собственной ценности. Человек дорожит этим состоянием, вспоминая наслаждение, которое он пережил во время игры, желает вновь испытать те же чувства.

3. Игра обособляется от обыденной жизни местом действия и продолжительностью. Она разыгрывается в определенном пространстве.

4. Игра не может длиться бесконечно, у нее есть свои рамки начала и конца. Она имеет замкнутый цикл, внутри которого происходит подъем и спад, завязка и финиш. Поэтому в игру вступают, но ее и заканчивают.

5. Устойчивость и повторяемость игровых форм определяют их место в культуре. «Будучи однажды сыгранной, она остается в памяти как некое духовное творение или ценность, передается далее как традиция и может быть повторена в любое время»⁷⁰, – пишет Й.Хейзинга.

6. Любая игра протекает внутри определенного пространства, которое должно быть обозначено. Арена цирка, игровой стол, волшебный круг, храм, сцена, экран, судное место – все это особые территории, «отчужденные» земли, предназначенные для совершения игрового действия. Внутри игрового пространства царит собственный, безусловный порядок. Это очень важный признак игры. Он имеет непреложный характер, запрещающий нарушать правила игры.

7. Всякое отклонение от установленного порядка в игре воспринимается игроками как вероломство, обман. Правила игры обязательны для всех без исключения, они не подлежат сомнению, пересмотру или оценке. Если их нарушают, игра становится невозможной. Нарушители правил изгоняются из игры с позором и наказанием. Игра – это святое и играть надо «честно и порядочно» – таковы ее внутренние законы.

8. Игра всегда требует сообщества, партнерства. Группировки, корпорации, ассоциации обладают способностью к самосохранению и консервации, обособляясь от прочего мира, используя игровые формы для укрепления своей сплоченности. «Клуб идет игре, как голове шляпа»⁷¹, – отмечает Й.Хейзинга.

---

⁷⁰ Там же. – С. 20.

⁷¹ Там же. – С. 23.

9. Для того чтобы усилить принадлежность к игре, используются ритуалы и церемонии, тайные знаки, маскировка, эстетическое оформление в виде особого костюма, символики. Участие в игре имеет свой сценарий, драматическое действие; оно разыгрывается как спектакль с завязкой, кульминацией и развязкой. Как писал В.Шекспир, – «весь мир театр, и люди в нем актерь».

Категория игры может рассматриваться как одна из фундаментальных в исследовании духовной жизни. Для науки о культуре, – пишет Й.Хейзинга, – важно понять, что именно означают образные символы в играх различных народов. Проникнуть в тайные и явные смыслы игры – задача культуролога.

Хейзинга предлагает следующее определение игры как феномена культуры: «Игра есть добровольное действие либо занятие, совершаемое внутри установленных границ места и времени по добровольно принятым, но абсолютно обязательным правилам, сопровождаемое чувством напряжения и радости; а также сознанием „иного бытия“, нежели „обыденная жизнь“»⁷².

В этом определении объединены все основные признаки игры. Культура возникает в форме игры, первоначально она разыгрывается и тем самым закрепляется в жизни общества, передается от поколения к поколению. Так было во всех архаических, традиционных обществах. Но по мере развития культуры, игровой элемент может вытесняться на задний план, растворяться в сакральной сфере, кристаллизоваться в науке, поэзии, праве, политике. Возможно и изменение места игры в культуре: она может вновь проявиться в полную силу, вовлекая в свой круг и опьяняющий вихрь огромные массы. «Священный ритуал и праздничное состязание – вот две постоянно и повсюду возобновляющиеся формы, внутри которых культура вырастает как игра и в игре»⁷³.

10. Игра всегда ориентирована на удачу, выигрыш, победу, радость и восхищение. В этом проявляется ее состязательный характер. В игре наслаждаются одержанным превосходством, торжеством, триумфом. Результатом выигрыша может быть приз, почет, престиж. Ставкой в игре становится золотой кубок, драгоценность, а также Прекрасная Дама, королевская дочь, пост президента. Люди соперничают в Игре, состязаясь в ловкости, искусности, но при этом соблюдая определенные правила.

Й.Хейзинга описывает судебный процесс как состязание, словесный поединок, азартную игру, спор о вине и невиновности, оканчивающийся чаще победой суда, нежели поражением. Правосудие всегда совершается в особо отведенном месте; оно отгорожено от повседневной жизни, как

---

⁷² Там же. – С. 41.

⁷³ Там же. – С. 63.

бы выключено из нее. «Это настоящий магический круг, игровое пространство, в котором временно упраздняется привычное социальное подразделение людей»⁷⁴. Судьи на время становятся выше критики, они неприкосновенны, облачены в мантии, надевают парик. Тем самым подчеркивается их причастность к особой функции правосудия. Судебный процесс опирается на жесткие правила, нормы кодекса, согласно которым отмеряется наказание. Богиня правосудия всегда изображалась с весами, на которых взвешивалась вина подсудимого. В архаических обществах суд совершался по жребию, как проявление божественного решения.

Состязание может принимать форму пари, обета, загадки. Но во всех вариантах оно остается игрой, в основе которой лежит уговор действовать согласно установленным правилам. Поскольку игра обнаруживается во всех культурах, всех времен и народов, это позволяет Й.Хейзинге сделать вывод, что «игровая деятельность коренится в глубинных основах душевной жизни человека и жизни человеческого общества»⁷⁵. Религиозный культ всегда сопровождался священной игрой ритуалов, обрядов, церемоний, символов. Поэзия возникла в игре как словесное состязание. Музыка и танец изначально были игровым действием. Философия, наука также имели игровые формы. Военные действия разворачиваются по сценарию, содержат игровые элементы.

Й.Хейзинга делает вывод: «Культура в ее древнейших фазах «играется». Она не происходит из игры, как живой плод, который отделяется от материнского тела; она развивается в игре и как игра»⁷⁶. Но может быть это утверждение справедливо для древних эпох, а характерно ли оно для более позднего исторического периода?

Он отмечает тенденцию постепенного, но неуклонного уменьшения игрового элемента в культуре последующих столетий. Колизей, амфитеатры, ипподромы в Римской империи, турниры и церемониальные шествия в Средневековье, праздничные карнавалы и маскарады Ренессанса, стиль барокко и рококо в Европе, парады модного костюма и париков – вот те немногие новые формы, которые вошли в европейскую культуру в минувшие века.

В XX в. на первое место в игре выдвинулся спорт. Состязания в силе, ловкости, выносливости, искусности становятся массовыми, сопровождаются театрализованными зрелищами. Но в спорт все больше проникает коммерция, он приобретает черты профессионализма, когда дух игры исчезает. Всюду процветает стремление к рекордам. Конкуренция, соперничество охватывают экономическую жизнь, проникают в сферу ис-

---

⁷⁴ Там же. – С. 94.

⁷⁵ Там же. – С. 125.

⁷⁶ Там же. – С. 125.

кусства, научную полемику. Массовые развлечения, сенсации, скандалы тоже имеют игровые формы. Массовые зрелища, сопровождаемые салютами, приветствиями, лозунгами, внешней символикой, маршами получили широкое распространение в культуре XX века. Й.Хейзинга объясняет это вступлением полутрамотной массы в духовное общение, девальвацией моральных ценностей и слишком большой скоростью их распространения, благодаря технике и организации. В массовом сознании преобладают злые страсти, которые подогреваются социальной и политической борьбой, вносят фальшь в любое состязание. «Во всех этих явлениях духа, добровольно жертвующего своей зрелостью, – заключает Й.Хейзинга, – мы в состоянии видеть только приметы угрожающего разложения. Для того чтобы вернуть себе достоинство и стиль, культура должна идти другими путями»⁷⁷.

Фундамент культуры закладывается в благородной игре, она не должна терять свое игровое содержание. Подлинная культура требует честной игры, порядочности, следования правилам. «Для того чтобы игровое содержание культуры могло быть созидающим или развивающим культуру, оно должно быть чистым. Оно не должно состоять в ослеплении или отступничестве от норм, предписанных разумом, человечностью или верой»⁷⁸. Оно не должно быть ложным сиянием, историческим взвинчиванием сознания масс с помощью пропаганды и специально «вращенных» игровых форм. Нравственная совесть определяет ценность человеческого поведения во всех видах жизнедеятельности, в том числе и в Игре.

Следует подчеркнуть, что книга «Homo Ludens» была написана в годы наступления в Европе фашизма. «Тоталитаристским неоварварством»⁷⁹ назвал это время известный ученый С.С.Аверинцев. Исследуя культурологическую концепцию игры Й.Хейзинги, он сравнивает ее с романом немецкого писателя Германа Гессе «Игра в бисер». Оба принадлежали к одному поколению, были близки по либерально-гуманистическим взглядам на культуру. Й.Хейзингу и Г.Гессе роднит общее восприятие действительности того периода, когда в Европе возник культ пропагандистской лжи, насилия, человеконенавистнической травли. Они отказывают этим явлениям в праве называться культурой.

Фашистский режим очень широко использовал игровые формы – факельные шествия и многотысячные митинги, награды и знаки отличия, парады и марши, спортивные состязания и юношеские сообщества. На все это тоталитарные государства не жалели денег и времени.

---

⁷⁷ Там же. – С. 233.

⁷⁸ Там же. – С. 238.

⁷⁹ Аверинцев С.С. Культурология Й.Хейзинги / Аверинцев С.С. // Вопросы философии. – 1969. – № 3. – С. 171.

Й.Хейзинга публикует свою книгу «как протест против лживой игры, против использования игровых форм в антигуманных целях, в защиту «настоящей» игры. Противопоставить игру кризису, игрой спасти культуру – вот цель этого произведения»⁸⁰, – справедливо отмечает исследователь его творчества Т.А.Кривко-Апинян.

Книга Й.Хейзинги вышла более чем 60 лет назад, но она не утратила своей актуальности, Прошлое «осыпается» позади нас, чем дальше от него мы уходим, но оно кристаллизует вечные проблемы и вечные ценности, предостерегая от повторения трагических ошибок.

15.4. ДИАГНОЗ КРИЗИСА КУЛЬТУРЫ

Трактат Й.Хейзинги «В тени завтрашнего дня», имеющий подзаголовок «Диагноз духовного недуга нашей эпохи», был опубликован в 1935 г. и переведен на многие языки мира, многократно переиздавался. В России он был издан впервые только в 1992 г.

Эпиграфом этой книги стало изречение: «У этого мира есть свои темные ночи, и их много» – в этом скрыт символический и пророческий смысл книги. В ней есть и посвящение: «Моим детям». Оно тоже воспринимается как обращение ученого к будущим поколениям. В основу этой книги был положен доклад, прочитанный в 1935 г. в Брюсселе.

В предисловии Й.Хейзинга пишет, что, невзирая на все признаки упадка и разложения современной культуры, он считает себя оптимистом, ибо верит в возможность исцеления. Для этого нужно хранить мужество, верить и выполнять свой долг. Есть своя символика и в самом названии книги: что означает «тень завтрашнего дня», а не утра, полдня или вечера? Можно предлагать разные толкования.

Но вернемся к трактату. У него тоже есть свои особенности: публицистичность, обращение к широкой аудитории. Это отразилось и в названиях глав: «В ожидании катастрофы», «Страхи прежде и теперь», «Проблематический характер прогресса», «Профанация науки», «Культ жизни», «Упадок моральных норм», «Государство государству волк?», «Виды на будущее». Каждая глава кратка, лаконична, как приговор и диагноз.

Й.Хейзинга начинает свой трактат с тревожного предчувствия: «Ни для кого не было бы неожиданностью, если бы однажды безумие вдруг прорвалось в слепое неистовство, которое оставило бы после себя эту бедную европейскую цивилизацию отупелой и умоисступленной, ибо

---

⁸⁰ Кривко-Апинян Т.А. Мир игры / Кривко-Апинян Т.А. – СПб., 1992. – С.

моторы продолжали бы вращаться, а знамена – реять, но человеческий дух исчез бы навсегда»⁸¹.

Его охватывает страх перед будущим и трагическое ощущение грозящей человеку гибели. Шатается все, что казалось незыблемым и священным, – истина и человечность, право и разум, перестают функционировать государственные институты и производственные системы. Прогрессирующее разложение и упадок культуры стали сигналом тревоги, осознаваемой все более значительным числом людей. Повсюду растут запутанные узлы проблем: судьба национальных меньшинств, новых государственных границ, запрет на воссоединение семей, невыносимые экономические условия жизни.

Любая из этих ситуаций переживается на грани ожесточения, превращая их во множество горячих очагов, готовых воспламениться в любой момент, – отмечает Й.Хейзинга. Доктрина абсолютной власти государства заранее оправдывает любого державного узурпатора, приближая мир к угрозе опустошительной войны.

В прошлые эпохи неоднократно возникали кризисные ситуации: подземные толчки, смещение пластов и приливные волны были не менее разрушительны, чем в наши дни. Однако чувства грозящего краха всей цивилизации не было.

Преодоление кризиса культуры многие видят в возрождении прошлого, возврате к былому совершенству. Й.Хейзинга иронизирует над таким подходом. Старая мудрость, старая добродетель создают лишь иллюзию обновления. Если мы хотим сохранить культуру, считает Хейзинга, то должны продолжить ее созидание. Только непрерывно двигаясь вперед в штормовом море неизвестности, можно найти путь выхода из кризиса. Это не означает забвения прошлого, ибо здоровый дух не боится брать с собой в дорогу весомый груз прежних ценностей.

Для созидательной деятельности важно понимать смысл и назначение культуры. В главе «Основные условия культуры» Хейзинга называет важнейшие черты, которые необходимы для преодоления кризиса и возрождения культуры.

Во-первых, культура требует известного равновесия духовных и материальных ценностей. Это означает, что различные сферы культурной деятельности реализуют каждая в отдельности, но в рамках целого, возможно более эффективную жизненную функцию. Гармония проявляется в порядке, мощном сочленении частей, стиле и ритме жизни данного общества. Каждая оценка культурного состояния народа определяется этическим и духовным мериллом. Культура не может быть высокой, если ей не хватает милосердия.

---

⁸¹ Хейзинга Й. В тени завтрашнего дня / Хейзинга Й. – М., 1992. – С. 245.

Во-вторых, всякая культура содержит некое стремление. Культура есть направленность на идеал общества. Этот идеал может быть различным: духовно-религиозным, прославлением чести, благородства, почета, власти, экономического богатства и благоденствия. восхвалением здоровья. Эти стремления воспринимаются как благо, они ограждаются общественным порядком и закрепляются в культуре общества.

В-третьих, культура означает соединение с природой, использование природных сил для изготовления инструментов, защиты себя и своих ближних. Тем самым она меняет ход природной жизни. Но это еще половина дела. Главное состоит в осознании человеком своей обязанности и долга в отношениях с космосом.

В-четвертых, культура создает систему условностей, правил поведения, табу, культурных представлений, направленных на обуздание негативных сил. Так возникает понятие «служения» и сотрудничества, на котором основаны отношения человека и природы, человека и общества.

В-пятых, культура отличается гармоническим равновесием духовных и материальных ценностей и характеризуется определением идеала, на который ориентированы различные формы деятельности общества.

Духовный кризис нарушает равновесие материальных и духовных ценностей в ориентации общества, приводит к дисгармонии, дезинтеграции, утрате идеалов, возвышает Зло до роли «путеводной нити и сигнального маяка» человечества. Прославление насилия и борьбы любыми средствами, войны и завоеваний как цели государства неизменно вызывает упадок морали и жестокость. Ненависть и нужда – следствия чудовищной войны и ее свиты.

Величайшей опасностью, угрожающей западной цивилизации, Й.Хейзинга считает аморальную автономию государства, которому позволено использовать любые средства для самоутверждения – вражду и ненависть, ложь и вероломство. «Государство Государству волку», – заключает автор. В этом утверждении содержится главное разоблачение политики фашизма и тоталитаризма.

«Диагноз духовного недуга нашей эпохи» – такой подзаголовок имеет эта книга. Каков же этот диагноз?

Хейзинга отмечает, что целый комплекс опасностей угрожает культуре, переживающей период острого духовного кризиса. Культура находится в состоянии ослабленного иммунитета против инфекции и интоксикации, дух расточается впустую. Неудержимо падает значение слова, растет безразличие к истине. «Над всем миром висит облако словесного мусора, как пары асфальта и бензина над нашими городами»⁸². Необы-

---

⁸² Там же. – С. 349.

чайно возросла опасность абсолютно безответственных массовых действий, вдохновляемых лозунгами, митингами и призывами.

Назвав кризисные симптомы духовного недуга, автор делает попытку представить прогноз на будущее. Правда, он оговаривается, что взгляда хватает не более, чем «на три шага». Вся перспектива скрыта туманом. Сегодняшний мир не может вернуться на прежний путь. Кроме того, прогноз затрудняется тем, что некоторые признаки нового могут вовсе не получить развития в будущем. Откуда можно ожидать спасения?

Наука и техника не могут стать фундаментом обновления.

Новое устройство социальной жизни, упорядочивание деятельности государства может упрочить базис культуры, но не излечить от кризиса.

Объединение религий возможно, но не диктатом, а добровольным принятием общей воли.

Но все это внешние факторы. Для выздоровления необходимо обновление духа. «Необходимо внутреннее очищение самого индивидуума. Должен измениться сам духовный habitus (состояние) человека»⁸³.

Основы культуры таковы, что их не могут закладывать или поддерживать коллективные субъекты – будь то народы, государства, церкви, школы, партии, ассоциации – считает Й.Хейзинга. Благо не может заключаться в победе одного государства, одного народа, одной расы, одного класса над другими. Мир зашел слишком далеко в своих противоречиях.

Новую культуру может создать только очистившееся человечество. Очищение или катарсис – состояние, которое наступает в момент созерцания трагедии, вызывая боль и сочувствие, способно избавить душу от грубых инстинктов и вызвать умиротворение, призвать человека к правильному употреблению жизненных сил.

Пока трудно предвидеть, когда начнется духовное очищение, для которого необходимо самопожертвование. Для этого нужна терпеливая работа. Й.Хейзинга возлагает большие надежды на молодое поколение. Несмотря на все тяготы жизни, оно не стало ни слабым, ни апатичным, ни равнодушным. «Молодежь эта выглядит открытой, бодрой, непосредственной, способной и к наслаждениям, и к лишениям, решительной, отважной и благородной. Она легче на подъем, чем прошлые поколения»⁸⁴. Перед ней стоит задача вновь овладеть и управлять этим миром, не дать ему погибнуть в безрассудстве, а пронизать его духовностью.

С этой оптимистической надеждой заканчивает Й.Хейзинга свою книгу о диагнозе духовного недуга нашей эпохи.

---

⁸³ Там же. – С. 362.

⁸⁴ Там же. – С. 363.

ГЛАВА 16. Х.ОРТЕГА-И-ГАССЕТ О НАШЕСТВИИ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ

16.1. ШТРИХИ БИОГРАФИИ

Испанский философ Хосе Ортега-и-Гассет (1883 – 1955) стал всемирно известным уже в начале XX века. Он был политиком и преподавателем университета, издателем и писателем, философом и публицистом. А.Хюбшер – автор книги «Мыслители нашего времени» – написал об Ортеге-и-Гассете: «Блестящий и властный мыслитель и одновременно светский человек»⁸⁵. Он запомнился современникам и своим внешним обликом: коренастый и сильный, с внимательными и немного лукавыми глазами, любезно и критически смотрящими на собеседника, прекрасный оратор.

Ортега-и-Гассет родился в Мадриде 9 мая 1883 года в семье, имеющей большую родословную, представленную в Испанском энциклопедическом словаре. Отец был писателем, публицистом; мать – дочерью владельца газеты, в прошлом дипломата. Сложная фамилия обозначает слияние двух родов по отцовской и материнской линии. Но чаще всего полностью она пишется и произносится в торжественных обстоятельствах, в собрании сочинений. А в обычном обращении и в текстах он именуется просто Ортега. Так поступим мы и в дальнейшем.

Ортега окончил иезуитский коллеж под Малагой, затем поступил в Университет сначала в Бильбао, затем в Мадриде на отделение философии и литературы. В круг его чтения вошли Гете, Гейне, Шопенгауэр, Ницше, французские историки Мишле, Тьерри, Токвиль, Ренан.

В 1904 г. он защитил докторскую диссертацию «Ужасы тысячного года. Критика одной легенды».

Впоследствии он продолжает обучение в Германии, в Университете в Марбурге, где изучает наследие Канта, знакомится с трудами философов Дильтея, Бергсона. Большое влияние на его взгляды оказывают неокантианцы Коген и Наторп. Так формируется его «рациовитализм» как основа философии жизни и культуры.

В 1908 году Ортега преподает философию, а с 1910 года становится заведующим кафедрой метафизики в Мадридском университете. Здесь он читает лекции вплоть до 1936 года. Он сделал необычайно много для развития философии культуры в Испании: выступал с публичными лек-

---

⁸⁵ Хюбшер А. Мыслители нашего времени / Хюбшер А. – М., 1962. – С. 79.

циями и статьями в газетах и журналах, писал предисловия к трудам Фрейда, Риккерта, Хейзинги, переведенных на испанский язык.

Ортега становится известным как яркий публицист, выступая против военной диктатуры и монархии в Испании 30-х годов. В годы фашизма он покидает Испанию, живет в Голландии, Франции, Аргентине, Португалии и лишь в 1945 году после окончания 2-ой Мировой войны возвращается на родину.

В 1948 году он основал Институт Гуманитарных наук, где читал цикл лекций «Человек и люди», привлекал к преподаванию и исследованиям своих учеников. В 1953 году он вышел в отставку с поста мадридского профессора. Умер 19 октября 1955 года в Мадриде.

Об Ортеге написано около 2-х тысяч трудов и статей, он всегда был в центре внимания критики. Это был чрезвычайно отзывчивый человек, его волновали острые проблемы философии жизни, философия культуры, эстетики. Его отличала широкая философская эрудиция, в своих философских позициях он объединял неокантианство и философию культуры.

В культурологии Ортеги можно выделить такие проблемы:

1. Массовые процессы в обществе и культуре.
2. Роль мировоззрения и верований в развитии духовной жизни.
3. Динамика смены поколений в истории культуры.
4. Отношения между человеком и техникой.

Предлагаю последовательно обратиться к этим проблемам.

16.2. ПАРАДОКСЫ МАССОВОГО СОЗНАНИЯ И КУЛЬТУРЫ

Ортега анализирует состояние европейской цивилизации и культуры в период 20-х годов XX века. Наиболее полно его взгляды о массовой культуре, массовом сознании и массовом обществе изложены в труде «Восстание масс», опубликованном в 1929 – 1930 годах в Испании, а впоследствии переведенном на многие языки мира.

В России труды Ортеги чаще всего были представлены в изложении критиков, но с конца 80-х сначала в журналах, а в 90-х годах и в отдельных изданиях, они стали доступны для самостоятельного изучения⁸⁶.

«Восстание масс» не следует понимать как революцию, мятеж, путч и другие значения, которые ассоциируются в русском языке со словом «восстание». И хотя перевод достаточно точный, но смысл иной: восстание это наплыв, нашествие, наваждение, накат, нечто похожее на «цунами», «девятый вал».

Ортега одним из первых зафиксировал явление необычайной, внезапной массовизации общества XX века. Наплыв масс в различные сферы общества привел к сокращению дистанции между элитой и толпой, изме-

---

⁸⁶ Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды / Ортега-и-Гассет Х. – М., 1997.

нил духовные основы социальной жизни, создал ситуацию одномерности, выравнивания, унификации ценностей.

Ортега назвал это «феноменом стадности». Оно означает полный захват массами интеллектуальной, экономической, нравственной, художественной жизни. Это явление бросается в глаза даже без всякого анализа: города переполнены, дома переполнены. Отели, поезда, кафе, больницы, театры, пляжи – везде масса людей. Многочисленность людей стала признаком цивилизации XX века.

Однако «масса» – явление не только количественное, но оно означает изменение качества общественной и культурной жизни. Это не просто демографический взрыв. Люди прежде были рассеяны по миру. Теперь они сосредоточились в городах, заняли все лучшие места. Толпа вышла на авансцену, стала главным персонажем. «Солистов больше нет, есть один хор»⁸⁷, заключает Ортега.

«Человек массы» – это не социальный слой, а состояние сознания, уровень культуры, совпадение образа жизни, ценностей и целей. Он ощущает себя таким же, «как и все», и при этом не удручен, но доволен собственной персоной. Внутри любого класса есть «люди массы», плывущие по течению. Масса, заполняя культурное пространство, стремится упразднить меньшинство или элиту общества. Она навязывает свои эталоны жизни, желания и вкусы. Посредственность, примитивность, заурядность, зрелищность становятся той нормой, которую Ортега называет «гипердемократией и гигантоманией». В современной цивилизации массы достигли жизненного уровня, который прежде был присущ лишь избранным. Приоритет «человека вообще», без особых примет и отличий, превратился в массовое мироощущение.

Наступила эпоха выравнивания, когда культура, образ жизни, слабый и сильный пол имеют больше общего, нежели различного. Обыденная, повседневная жизнь приобрела черты «планетарности» и рядовой человек привычно обживает весь мир. Фантастически раздвинулся горизонт человека, создав ощущение всеобщей близости. В мире всего так много – товаров и услуг, что человек постоянно находится в состоянии выбора и его возможности почти безграничны. Техника, знания, наука, искусство, досуг все изменилось в геометрической прогрессии, стало грандиозным и избыточным. Но это и усложнило жизнь человека, предлагая ему постоянно осуществлять выбор везде и во всем.

В материальной жизни масс многое изменилось к лучшему. Вырос жизненный стандарт, повысился уровень благосостояния и комфорта. Жизнь стабильна, обеспечен общественный порядок. Исчезли социальные болезни и привилегии. Создано новое жизненное пространство для

---

⁸⁷ Там же. – С. 45.

существования человека. Оно внушает человеку мысль, что в будущем жизнь станет еще богаче и совершенней. Все эти обстоятельства наложили отпечаток на психологический облик «массового человека»: беспрепятственный рост жизненных запросов и неблагодарность к тому, что облегчило его жизнь.

Современная масса избалована, ей все дозволено, и она воспринимает это как должное, не задумываясь об истоках собственного благополучия. Если прежде жизнь рядового человека осложнялась лишениями, опасностями, запретами, то сегодня все это отступило, и он живет в мире «распахнутых» возможностей. Это ощущение составляет его внутренний душевный склад, подсказывая формулу жизни: «Жить – это полагаться на себя: все практически дозволено, ничто не грозит расплатой, и вообще никто никому не обязан»⁸⁸.

Эта новая максима жизни изменила облик массового человека. Если прежде ему была свойственна стесненность, зависимость, страх будущего и любое улучшение рассматривалось как подарок судьбы, то теперь состояние изменилось коренным образом. Он себя полагает «хозяином жизни», все блага приобретаются по инерции, раздаются всем поровну и не требуют особых усилий. Поэтому масса искренне убеждена в том, что ее вкусы, желания, пристрастия должны быть приняты всеми. Никто не вынуждает ее взглянуть на себя со стороны, увидеть собственную второсортность и полную неспособность к созиданию и благодарности.

Но реальный средний человек, как бы ни был высок его жизненный уровень, не может управлять ходом цивилизации, ибо не обладает даром предвидения. Для него характерен «герметизм сознания», закупорка души, нечувствительность ко всему, что выходит за пределы его личного благополучия. Это не означает, что человек массы глуп. Напротив, образование его вполне достаточно, но сознание наполнено «словесным мусором», мешаниной прописных истин, которые он всем показывает, утверждая право на пошлость и заурядность.

Тирания интеллектуальной пошлости – одна из примет массовой культуры. Она проникает всюду, заполняя все поры общественной и личной жизни. Масса предпочитает метод «прямого действия». Это означает диктат насилия, презрительное отношение к диалогу, поиску согласия, терпимости, милосердию, великодушию. Все эти грани человеческих отношений оказываются старомодными и постепенно вытесняются. «Масса не желает уживаться ни с кем, кроме себя. Все, что не масса, она ненавидит смертно»⁸⁹.

---

⁸⁸ Там же. – С. 45.

⁸⁹ Там же. – С. 75.

В мире господствует дикарь, внезапно всплывший со дна цивилизации. «Вертикальное вторжение варваров» – так образно называет Ортега сложившуюся ситуацию. Торжествует массовый человек и все то, что пропитано его плоским мышлением. На авансцену истории вышла посредственность и заурядность.

Психологический строй человека массы определяется такими чертами:

– во-первых, врожденным ощущением легкости и обильности жизни, лишённой препятствий и ограничений;

– во-вторых, чувством собственного превосходства, высоким самомнением. Это позволяет ему не подвергать сомнению свои взгляды на жизнь, считая их истинными;

– в-третьих, все это вызывает в «человеке масс» желание господствовать, поучать, бесцеремонно вмешиваться в жизнь, навязывая всем свои безоговорочные суждения. «Этот новоявленный варвар с хамскими повадками, законченный плод нашей цивилизации», – заключает Ортега. Он живет в изобилии благ, среди сказочных машин, чудодейственных лекарств, услужливых правительств, уютных гражданских прав. Но не заботясь о трудностях, он не ощущает и обязанностей.

Ортега называет такой тип человека «самодовольным недорослем». Ему свойственно сознание своей силы и значимости, неумение слушать других, считаться с авторитетами в науке или искусстве. Подобные идеи о наступлении «эры масс» высказывал известный французский психолог, социолог и историк Гюстав Лебон⁹⁰ (1841 – 1931). Еще в 1898 году в книге «Психология толпы» (русский перевод «Психология народов и масс»), он раскрыл особенности массового общества.

Общие симптомы, заметные у всех народов, указывают на быстрый рост могущества масс. Это обстоятельство обязывает знать психологию толпы, особенности ее поведения и умонастроений. Для нее характерен род «коллективной души», заставляющей чувствовать, думать и действовать совершенно иначе, чем отдельный человек. В толпе снижается чувство личной ответственности, человек обретает анонимность и дает волю своим инстинктам. Толпа особенно восприимчива к внушению, проявляя неудержимую стремительность действий. «Становясь частицей организованной толпы, человек опускается на несколько ступеней ниже по лестнице цивилизации»⁹¹, заключает Г. Лебон. У человека в толпе обнаруживается склонность к буйству, свирепости, но также к энтузиазму и героизму. Толпа способна превратить скупого в расточительного, скептика в верующего, честного в преступника, труса в героя. В интеллектуальном

---

⁹⁰ Лебон Г. Психология народов и масс / Лебон Г. – М., 1995. – С. 150.

⁹¹ Там же. – С. 164.

отношении толпа всегда ниже отдельного человека, но ее настроения обладают огромной силой и энергией.

Г. Лебон отмечает также такие свойства толпы как импульсивность, раздражительность, изменчивость настроений, податливость внушениям и легковерие, нетерпимость и консерватизм. Особую магическую силу на толпу приобретают образы. Могущество слов, лозунгов, формул часто не зависит от их реального смысла. Они вызывают в толпе чувство благоговения, надежды, гордости или презрения, гнева. Это особое искусство управления массовым сознанием.

Но вернемся к тем идеям о будущем культуры, которые высказал испанский философ Ортега.

Восстание масс может открыть путь к новой и небывалой организации человечества. Оно сметет, как ураган, мертвые законы, устарелые авторитеты и ценности. И такой путь исторически оправдан. Но при этом нельзя утратить ответственность. Противоречие заключается в том, что цивилизован мир, но не его обитатель. «На древние подмостки цивилизации прокрадся из-за кулис массовый, а в действительности первобытный человек»⁹², – отмечает Ортега.

Однако в обществе не все так безнадежно. Наряду с массовизацией культуры идет и другой процесс. Иногда он вступает в противоречие, иногда происходит параллельно. В некоторые периоды он обнаруживается даже на поверхности культуры, в других случаях идет глубоко внутри, подспудно.

Ортега называет его аристократизмом. Здесь следует сделать оговорку.

Аристократия как сословие давно сошла с исторической сцены, и не об ее возврате скорбит Ортега. Он вкладывает в это понятие нравственный смысл. Аристократ – это человек высокой духовности, требовательный к себе, благородный в отношениях к другим, морально стойкий и ответственный, имеющий внутреннюю потребность в духовном совершенствовании и творчестве.

Ортега излагает свои взгляды об аристократизме в работе «Бесхребетная Испания» или в ином переводе «Испания без позвоночного столба». Это метафорическое название имеет принципиальный смысл. Страна, лишенная аристократии духа, лишается своего вертикального стержня, того культурного образца, который «выпрямляет» жизнь и становится ее духовным ориентиром.

Духовная элита это – «осанка нации», ее гордость. Общество, лишенное аристократии, теряет свой авторитет и достоинство. Аристофобия

---

⁹² Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды / Ортега-и-Гассет Х. – М., 1997. – С. 88.

(боязнь элиты) – опасный синдром, свидетельствующий о душевном недуге общества.

В «Размышлениях о Дон Кихоте» Ортега пишет о том, что герои эпоха хотя и не типичные представители, но существа единственные в своем роде. Их значение настолько велико, что память сохраняет их в культуре в течение многих веков. Они живут словно прекрасные призраки и становятся ферментами для нового времени, усиливая свое благотворное влияние. Как говорит о себе Дон Кихот: «Волшебники могут отнять у меня счастье, но воли и мужества им у меня не отнять»⁹³.

Подвижничество, способность к самоограничению и предвидению, право и обязанность быть справедливым – таковы качества, свойственные духовному лидеру.

16.3. ЦЕННОСТИ КАК ИМПУЛЬС РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ

Ортега в своих трудах большое внимание уделяет истории культуры. Он обнаруживает огромную эрудицию, свободно обращается к истории литературы, искусства, философии, его волнуют сложные проблемы границ исторического познания, роли исторических фактов, механизмов культурной преемственности. Познание не сводится к сумме сырых фактов и голых дат. Они, несомненно, важны и полезны, без них нет исторического процесса, но свод фактов еще ничего не открывает в познании. Факт можно уподобить иероглифическому письму: оно во всем блеске демонстрирует изящество знаков, искусство каллиграфии, но чтобы понять, что скрывается за этой каллиграфической изысканностью, нужно обладать знанием интерпретации, раскрытием истинного, скрытого смысла и значения.

Факты дают лишь поверхностное описание события, вещи, явления, и пока мы в плену их бесчисленных полчищ, в нашем сознании путаница и хаос. Реальность несет в себе загадку, проблему, тайну, и исследование призвано проникнуть в этот мир, освоить и понять его. Наука – это конструирование реальности, а не просто регистрация и описание фактов. Каждое конкретное событие – не просто грубый эмпирический факт, изолированный от других и кажущийся самодостаточным. Он вписан в целую систему целостного контекста, культуры. «Уже на своем привычном, простейшем уровне история есть герменевтика, то есть интерпретация, что означает включение каждого отдельного факта, события в органическую структуру жизни, жизненной системы»⁹⁴, – отмечает Ортега. Предметом истории культуры становится не «все, что было», а понима-

---

⁹³ Там же. – С. 235.

⁹⁴ Там же. – С. 240.

ние внутренних, чаще всего скрытых механизмов и законов поведения людей.

История как наука становится не столько «зеркалом фактов», сколько определенной идейной конструкцией мира. Объясняющая история – главное предназначение науки. Важно иметь в виду, что человек каждой исторической эпохи живет как в системе обстоятельств, так и мире идей, настроений, стереотипов, верований и убеждений – всего того, что называют господствующими идеями времени.

История – это воссоздание структуры и смысла драмы жизни человека, тех проблем, опасностей, возможностей, которые отличают образ жизни и действий людей разных эпох. Жизнь человека всегда опирается на ментальные верования или ценности. Они овладевают сознанием, поддерживают уверенность в правильности поведения. Вера, пишет Ортега, помещает нас в реальность позитивную, либо негативную, но истинно существующую, и поэтому, пребывая в ней, мы чувствуем вокруг себя какую-то устойчивость. Верования воспринимаются как достоверное знание, в котором «пребывает» человек. От этого зависит уклад и распорядок его жизни, мотивы поступков и предпочтения, вкусы и симпатии, отношение к себе и другим. Верования следует отличать от ситуативных идей, которые являются результатом размышлений.

Все верования объединены жизненной связью, опираются друг на друга, имеют определенное строение и иерархию. У человеческой жизни есть базовые, фундаментальные, радикальные верования и вытекающие из них вторичные, производные. Это позволяет увидеть в ценностях скрытый порядок и структуру, понять внутренние импульсы жизни современника и человека других эпох.

Но верования могут быть живыми и мертвыми. Живые убеждения действительно определяют образ мысли и поведения. Но время идет и верования могут утратить свою жизненную силу, перестать быть властителями дум. Живая вера продолжает существовать, еще представляет какую-то часть жизни, но уже «заброшена, как ненужное барахло, на чердак души»⁹⁵. Она не формирует жизненные стимулы и ориентации, постепенно она угасает, люди забывают о ней. Живая вера постепенно истощается, тускнеет, становится беспомощной и недейственной, пока полностью не исчезнет из человеческой души.

Угасание веры сопровождается чувством разочарования, гнетущего беспокойства и кризиса. Так в истории культур сменяли друг друга верования в силу божественного откровения, в могущество науки и рациональности; возлагались надежды на просвещение или новый тип социального устройства. «Верования представляют наиболее глубокий, ба-

---

⁹⁵ Там же. – С. 415.

зисный слой жизненной архитектуры»⁹⁶, – пишет Ортега. Они составляют внутренний каркас или чертеж той конструкции, которая именуется исторической эпохой. Человек осваивает эти идеи времени, и серьезные перемены в его сознании происходят в соответствии с трансформацией ценностей и верований.

16.4. РОЛЬ ПОКОЛЕНИЙ В ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ

Любой отрезок истории, равно как и любой «нынешний день», включают в себя три временных пласта, которые являются главными измерениями жизни. Это одновременное сосуществование и взаимодействие трех возрастных групп: молодости, зрелости и старости. Ритм перемен в ценностях и образе жизни, вкусах и интересах непосредственно связан со сменой поколений. Исходными признаками поколения Ортега считает:

- 1) общность даты рождения;
- 2) жизненного пространства и судьбы, которые образуют единство жизненного стиля сверстников.

«Поколение это целостный жизненный образец, некая мода, налагающая неизгладимый отпечаток на индивидов»⁹⁷, – отмечает Ортега.

Возраст – это исторически определенный образ жизни, который длится несколько лет. В определении поколения важна не одна дата, а «зона дат», совокупность лет, образующих понятие «сверстников». Можно очертить верхнюю и нижнюю границы тех возрастов, которые образуют принадлежность к определенному поколению.

Человек в любой момент жизни находится в определенной возрастной фазе: либо в начале жизненного пути, либо движется к середине, либо подходит к концу. Все эти главные изменения жизни составляют единство трех возрастов в одном историческом Времени.

Современники и сверстники сосуществуют вместе, но имеют разный жизненный опыт. Если бы они полностью совпадали друг с другом, «история бы окаменела, застыла в некой окончательности, лишившись возможности сколько-нибудь серьезного обновления»⁹⁸, – заключает Ортега.

Современники и сверстники живут в одном мире, но участвуют в его формировании по-разному. Отношения, которые складываются между поколениями, образуют динамическую систему, со своими силами притяжения и отталкивания, совпадения и несогласия. На поколение выпадают задачи исторического значения: разрушить изоляцию; преодолеть оторванность своей страны от мирового процесса; включить ее во все-

---

⁹⁶ Там же. – С. 441.

⁹⁷ Там же. – С. 442.

⁹⁸ Там же. – С. 445.

мирный процесс развития цивилизации; решить проблемы национально-го освобождения; реформировать общество.

Ортега предлагает использовать идею поколений как метод исторического исследования, позволяющий реконструировать прошлое, опираясь на изучение образа жизни поколений и тем самым воссоздать картину мира определенной эпохи.

Но особенность предлагаемого метода заключается в том, чтобы рассматривать поколения не как хронологическую последовательность в истории, а как полемику, сотрудничество и взаимное дополнение. «Каждое поколение, – пишет Ортега, представляет собой некий важный, неизменный и необратимый интервал исторического времени жизненного пути человечества»⁹⁹. Каждое поколение вмещает в себя все предыдущие, оно как бы «экскурс» всемирной истории.

Поэтому все современное есть некий «итог» прошлого, которое служит его основой. Ортега приводит в пример пирамиду акробатов, где верхний этаж зависит от устойчивости и силы нижних, способных его удержать. Верхние, в известном смысле, пленники тех, кто стоит внизу. Поколение выражает подлинную историческую связь и преемственность культуры.

Каждый возраст это особый тип жизненного созидания. На первом этапе человек постигает мир, его роль еще достаточно пассивна. Наиболее активным и продуктивным Ортега считает возраст от 30 до 45 лет, когда люди создают обновленный мир в технике, науке, искусстве. В это время человек обретает собственное мировоззрение, борется за гражданские идеалы, за новые законы и социальные институты, утверждает себя в семейной жизни.

Возраст от 45 до 60 – это период господства и правления, ему принадлежит главенствующая роль в обществе.

После 60 лет – это люди преклонного возраста. Они принимают лишь посильное участие в истории, если сохраняют бодрость тела и духа, но их роль становится менее значительной.

Не вдаваясь в подробные характеристики поколений, Ортега приходит к выводу, что жизнь делится на пять возрастов, каждый продолжительностью в 15 лет, причем к подлинной истории относятся лишь два зрелых возраста: вступление в жизнь и господство. «Историческое поколение живет пятнадцать лет становления плюс пятнадцать лет правления»¹⁰⁰, – заключает Ортега. Главное в жизни поколений является не то, что они сменяют друг друга, а их взаимное пересечение, взаимодействие.

---

⁹⁹ Там же. – С. 261.

¹⁰⁰ Там же. – С. 275.

Идея поколения – это своего рода оптическое устройство, позволяющее различить историческую реальность в ее подлинности. Поколения участвуют в развитии материальной и духовной культуры, являются субъектами исторической преемственности.

16.5. ЧЕЛОВЕК И ТЕХНИКА

В «Размышлениях о технике» Ортега исследует особенности развития материальной культуры. Один из важнейших вопросов, что такое техника, он рассматривает в связи с благосостоянием человека. Согласно его взглядам, техника – это не просто ответ на человеческие потребности, как считают многие. Эта связь гораздо глубже. Человеческая жизнь нуждается в удобном и благополучном существовании. Всякое понятие «жить» имеет еще и другой смысл «хорошо жить». Но чтобы достичь этого, человек должен выйти за пределы обычного и произвести дополнительное, избыточное, которое значительно улучшит его жизнь: жилище, питание, одежду.

Напрасны любые усилия изучать технику как нечто самостоятельное. Ее изменения зависят от той идеи жизни, облика благополучия, которые отражались на уровне технических достижений.

Однако при этом технические изобретения и открытия лишь постепенно осваивались человечеством. Обычно люди испытывали перед ними космический ужас, считая, что в них заключена чудовищная угроза.

Технику вызывает к жизни также стремление к экономии сил, ибо она сберегает его энергию, дает возможность ее направить в другие сферы. Человеческое пребывание в мире неизбежно предполагает борьбу с трудностями, неудобствами. Человек, пишет Ортега, это «кентавр, одна половина которого выросла в природу, а другая выходит за ее предель»¹⁰¹.

Природное осуществляется само по себе, но его подлинное бытие заключено в жизненном проекте или программе. Каждая эпоха и каждый народ по-разному сформируют это общечеловеческое стремление. Реализация этой программы и составляет предназначение человека.

Ортега выделяет три стадии в развитии техники:

Первая стадия – это техника случайного решения практической задачи, когда изобретение возникает спонтанно. Техника не выделяется из других занятий, а выполнение действий практически доступно многим. Открытие не есть результат целенаправленного поиска. Все виды первобытной техники окружены чудесным ореолом, наделены волшебными свойствами, а человек не осознает себя творцом изобретений.

Вторая стадия – техника как ремесло. Она характерна для более развитых цивилизаций. Необычайно расширился набор технических изобре-

---

¹⁰¹ Там же. – С. 186.

тений. Это привело к необходимости особого слоя людей, которые осваивали новшества. Это были ремесленники, люди технических навыков и умений. Само слово «технэ» означает «искусство». Возникает гильдия мастеров, сохраняющих и передающих традицию по наследству. Нововведения являются лишь вариациями в рамках одного стиля, школы, цеха, гильдии. Но в ремесле орудие или инструмент еще придаток самого человека. Они как бы остаются продолжением его тела.

Третья стадия: техника «человека-техники». Она наступает с эрой возникновения машин, которые могут действовать сами по себе, а человек становится их придатком. Происходит распад роли ремесленника на две составные части: 1) создание проекта, выбор материала и метода исполнения и 2) реализация данного проекта, радикальное отделение техники от рабочего, передача производственной деятельности машине. Это влечет за собой новое понимание техники как неиссякаемого источника человеческой деятельности. Эта техническая безграничность возможностей человека таит в себе угрозу, порождая чувство господства техники над человеческим существованием.

Если прежде техническое и природное компенсировали друг друга, то ныне техника приобретает самостоятельное значение и без нее люди материально не могут жить. Техника стала своеобразной «сверхприродой», и в нее человек включен как в искусственный пейзаж, заменяющий естественную природу. Но поскольку развитие человека безгранично, то по всей вероятности, наступит новая стадия, символизирующая принципиально новое слово в технике, но возвышающая роль человека.

Завершая краткий обзор взглядов Ортеги по философии культуры, необходимо отметить гуманистическую ориентацию его воззрений. В центре его размышлений по проблемам развития европейской цивилизации всегда находится человек, его драмы и радости, тайны и озарения, воображение и проекты, верования и идеи. Забота о духовном возвышении человека является главным стержнем его творчества.

ГЛАВА 17. Ф.БРОДЕЛЬ ОБ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ И ЦИВИЛИЗАЦИИ

Соединение двух фундаментальных понятий – культуры и цивилизации – в истории культурологии вызывало немало споров, дискуссий, противоположных точек зрения. Стремление включиться во всемирный поток, обрести черты общечеловеческой цивилизации широко обсуждается нашими современниками. Наряду с этим существуют опасения утраты национально-самобытных черт культуры, своей уникальности, которая может раствориться и расплавиться в процессе «технизации» и «вестернизации». Яростные обличения О.Шпенглера, А.Швейцера, Й.Хейзинги «машинной цивилизации», с ее катастрофической урбанизацией, экологическим кризисом, безумной милитаризацией, примитивностью духовных интересов, расточительностью и пренебрежением к личности находят поддержку у многих теоретиков. Возникает стремление вернуться «назад к природе», ограничить потребление и комфорт, жить «простой», незатейливой жизнью.

В общественных науках понятие цивилизации вытеснялось теорией общественно-экономических формаций, определяющих восхождение по пути прогресса, хотя исторический материал «сопротивлялся» схемам и условным конструкциям. Несмотря на экономический детерминизм, столь распространенный в методологии, чрезвычайно бедными и ограниченными оказались знания о развитии материальной жизни общества.

Именно поэтому столь интересен труд Ф.Броделя «Материальная цивилизация. Экономика и капитализм XV – XVIII веков»¹⁰², в котором на обширном историческом материале рассматриваются проблемы взаимоотношения культуры и цивилизации.

В обращении к читателю, в связи с переводом трилогии на русский язык, Ф.Бродель посвящает его отечественным историкам А.А.Губеру, Б.Н.Поршневу, Э.А.Желубовской, М.М.Штранге, А.З.Манфреду, труды которых были ему известны, и отмечает важность исторических исследований культуры и цивилизации. Он настаивает на междисциплинарном взаимодействии ученых разных специальностей, считая, что различные науки о человеке «расшатывают» историю, и она в силу достаточно логичной ответной реакции также их «расшатывает».

---

¹⁰² Бродель Ф. Материальная цивилизация. Экономика и капитализм XV – XVIII веков. В 3 т. / Бродель Ф. – М., 1988 – 1993.

Общественные науки не могут дать плодотворных результатов, если исходят только из настоящего, которого недостаточно для их построения. Это положение звучит особенно важно для исследований в исторической культурологии.

В начале I тома опубликована статья ректора Российского Гуманитарного университета, известного историка, профессора Ю.Н.Афанасьева, в которой анализируется эволюция взглядов Ф.Броделя на историю материальной цивилизации и культуры.

17.1 О БИОГРАФИИ УЧЕНОГО

Обратимся к некоторым основным событиям жизненного пути этого выдающегося историка нашего времени.

Фернан Бродель (1902 – 1985) родился в небольшом местечке в Лотарингии, на востоке Франции. Он вспоминал, что в детские годы он еще застал за работой деревенского кузнеца и тележника, знал как замачивают в луговой низине коноплю, видел бродячих лесорубов. Каменная дорожка, древняя как мир, лежала перед его домом, который был построен заново еще в 1806 г. Эти архаичные для XX века формы повседневной материальной жизни не раз приходили ему на память, когда он изучал историю европейской цивилизации.

Даже в современных экономических системах, писал он впоследствии, присутствуют остаточные формы материальной культуры прошлого. Они исчезают на наших глазах, но медленно, и никогда это не происходит одинаковым образом.

Материальная жизнь общества многослойна, а изменения рисуют картину длительной временной протяженности, пронизывая молчаливую толщу веков. Эти «первичные» элементы цивилизации просматриваются в каждой культуре, составляя основу повседневной жизни народа. Они понемногу эволюционируют, трансформируясь в новые формы, но по-прежнему сопровождают человека, образуя его мощную «корневую» систему, придавая устойчивость бытию.

Именно эти проблемы многочисленных переплетений в экономике станут для Ф.Броделя объектом философско-культурологических размышлений.

Ф.Бродель окончил лицей Вольтера в Париже и продолжил образование в знаменитой Сорбонне. Став профессиональным историком, он почти десять лет (за исключением 1925 – 1926 гг., когда он служил в армии) преподавал в лицеях, работая в Алжире, занимаясь в архивах европейских стран. Уже в те годы к нему пришла удивительная любовь к Средиземноморью, ставшему в будущем темой его диссертации.

В 1937 г. он получил назначение в Практическую школу высших исследований в Париже. В эти годы приобретает известность группа исто-

риков, объединившихся вокруг французского журнала «Анналы: Экономика – Общества – Цивилизации», который основали в 1929 г. Марк Блок (1886 – 1944), Люсьен Февр (1878 – 1956). Их взгляды оказались очень близкими Ф.Броделю, а с Л.Февром его связывали с 1932 г. дружеские отношения.

Школа «Анналов», как впоследствии закрепилось это название, отличалась новой методологией изучения всемирной истории. Возражая против «событийной» истории как единственно возможной, теоретики предлагали восстанавливать весь объем исторической жизни, включая изменения в системе ценностей, различия в ритмах перемен в материальной жизни. В центре внимания оказывалась повседневность, обладающая инертностью, длительностью и устойчивостью. С этих позиций Ф.Бродель приступил к написанию книги о Средиземноморье.

Эти занятия были прерваны 2-й мировой войной. Ф.Бродель оказался на фронте. Во время разгрома французской армии он попал в плен и с 1940 по 1945 г. был в заключении в лагере для военнопленных, сначала в Майнце, а с 1942 г. в лагере особого режима в Любеке. Трудно представить, но именно в эти годы Ф.Бродель написал огромный и оригинальный труд в 1160 страниц – «Средиземное море и мир Средиземноморья в эпоху Филиппа II», практически опираясь только на свою феноменальную память, не имея книг и других исторических материалов.

Школьные тетради, в которых было написано это исследование, он передавал из лагеря своему другу историку Л.Февру, который бережно их сохранил. После окончания 2-й Мировой войны Ф.Бродель смог по этой рукописи защитить диссертацию, а в 1949 г. опубликовать книгу. В этом же году он становится заведующим кафедрой современной цивилизации в Коллеж де Франс, а с 1956 до 1970 возглавляет журнал «Анналь», продолжая линию М.Блока и Л.Февра в исследовании истории культуры.

В 1952 г. он принимает предложение Л.Февра написать книгу для серии «Судьбы мира» об экономической истории доиндустриальной Европы в период между XV и XVIII вв. Это исследование очень увлекло Ф.Броделя, и в результате более чем 30-летней работы были опубликованы три фундаментальных тома «Материальная цивилизация. Экономика и капитализм XV – XVIII вв.», которые стали крупным событием в мировой исторической науке.

В книге изложена оригинальная концепция эволюции материальной культуры общества, проблемы сохранения и трансформации архаичных форм, появления и распространения новообразований, прослежены связи и взаимозависимости материальной и духовной жизни общества.

В книге более 500 первоклассных иллюстраций, карт, графиков, схем, гравюр, фотографий, а библиография включает 5500 наименований. Все это делает научный труд чрезвычайно интересным и увлекательным,

привлекая в том числе репродукциями картин, исполненных известными мастерами с высочайшим вкусом и достоверностью.

Изобилие фактического материала в книгах дало основание многим современникам называть Ф.Броделя «чудом исторической эрудиции». Теоретическая концепция интересна, доступна для понимания, изложена хорошим литературным стилем. Это способствовало тому, что вскоре все три тома приобрели широкую известность, издавались во многих странах, а в 1988 – 1992 гг. были опубликованы в России. Каждый том – это уникальное исследование истории материальной цивилизации Европы: 1 том – «Структуры повседневности: возможное и невозможное»; 2 том – «Игры обмена»; 3 том – «Время мира». Нам еще предстоит вернуться к этой удивительной трилогии.

Хочется обратить внимание на портрет Ф.Броделя: на фотографии запечатлен образ необыкновенно трудолюбивого, увлеченного историка, с пронизательным, доброжелательным взглядом и обликом интеллектуала, новатора и организатора научных исследований.

В 1962 г. он создал Дом наук о человеке в Париже и руководил им вплоть до своей смерти. Он был избран членом Французской академии, почетным доктором университетов Брюсселя, Оксфорда, Мадрида, Женевы, Варшавы, Кембриджа, Лондона, Чикаго, его именем назван научно-исследовательский центр в США.

Умер Ф.Бродель в 1985 году, в возрасте 83 лет, прожив невероятно насыщенную событиями жизнь, получив признание и авторитет в мировой исторической науке.

17.2. СТРУКТУРЫ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Очевидно, нет возможности изложить содержание всей трилогии. Каждый том требует самостоятельного и вдумчивого чтения. Поэтому сосредоточим внимание на основном каркасе исторической концепции и более подробно представим некоторые сюжеты I тома – «Структуры повседневности: возможное и невозможное». В этом названии важно каждое слово, ибо оно наделено глубоким смыслом. Ключевое значение имеет понятие «повседневности». В нем выражена главная методологическая установка школы «Анналов». История происходит не от случая к случаю, не от события к событию, не от одной формы правления к другой, а ежедневно. Жизнь складывается из огромного числа «мимолетностей», которых люди часто не замечают, настолько они привычны и воспринимаются как «само собой происходящее».

Именно это значение вкладывает Ф.Бродель в ту «базовую» деятельность, которая встречается повсеместно и масштабы которой почти фантастичны. «Эту обширную зону на уровне почвы я назвал, за неимением

лучшего обозначения, материальной жизнью, или материальной цивилизацией»¹⁰³.

Материальная жизнь, поясняет Ф.Бродель, – это люди и вещи, вещи и люди. Это пища и напитки, жилище и строительные материалы, мебель и плиты, костюмы и мода, транспорт и источники энергии, предметы роскоши и деньги, орудия и технические изобретения, болезни и способы лечения, планы деревень и городов – все, что служит человеку, что связано с ним в повседневной жизни. Эта «непрозрачная» для взгляда зона не только обширна, но и инертна, изменения в ней происходят крайне медленно.

Над этим нижним «этажом» возвышается более подвижная зона, так называемая рыночная экономика, механизмы производства и обмена, связанные с деятельностью людей в сельском хозяйстве, с мастерскими, лавками, биржей, банками, ярмарками и рынками. Завершает конструкцию третий «этаж», где действуют транснациональные силы, которые способны исказить ход экономики, расшатывать установившийся порядок. Они порождают аномалии и «завихрения» и создают верхний предел «возможного и невозможного».

Таким образом, вырисовывается схема, где все 3 этажа тесно соприкасаются друг с другом, подобно черепице на крыше. Это приводит Ф.Броделя к выводу, что «существует не одна, а несколько экономик». И это характерно не только для далекого исторического прошлого, но и для современного общества.

Все этажи этой постройки имеют свои нижние и верхние пределы, которые образуют границы «возможного и невозможного». Особенно велика нижняя зона, охватывающая значительное число населения. Это продолжение «древней экономики», ибо в ней господствуют прежние навыки, умения и порядки: хлеб сеют так же, как всегда, рисовое поле выравнивают так же, как всегда, – отмечает Ф.Бродель.

И сегодня имеется этот обширный «внерыночный» сектор, действующий на основе натурального обмена. Лишь постепенно отодвигаются его барьеры, и в него проникают рыночные индустриальные отношения.

Каждый этаж живет не только по своим «законам», но и в соответствии со своими ритмами. Бывают приливы и отливы, длительные или кратковременные циклы, волны подъема и спада накатываются друг на друга, создавая неповторимые конфигурации материальной жизни в пространстве и времени. Анализ этих процессов позволяет наблюдать, как в

---

¹⁰³ Бродель Ф. Материальная цивилизация. Экономика и капитализм XV – XVIII веков. В 3 т. Т.1. Структуры повседневности: возможное и невозможное / Бродель Ф. – М., 1988. – С. 7.

истории было достигнуто равновесие, почему оно стало разрушаться и как возникали кризисы.

В повседневной жизни важную роль играет «хлеб насущный». Именно так названа одна из глав I тома. Ф.Бродель приводит известную поговорку: «Скажи мне, что ты ешь, и я скажу тебе, кто ты», ибо пища свидетельствует и о культуре человека, его социальном ранге, материальных возможностях, национальных привычках, уровне цивилизации, возрасте, вкусовых предпочтениях.

В период с XV по XVIII в. в Европе питание состояло в основном из растительных продуктов – пишет Ф.Бродель. Эта истина очевидна для Доколумбовой Америки и Тропической Африки, азиатских цивилизаций. Пшеница, рис, маис, соя, кукуруза были «растениями цивилизации», именно они были признаками оседлой жизни. Нужно было владеть навыками земледелия, знать полезность злаков, способы их употребления в пищу.

Ф.Бродель подробно исследует пути распространения этих злаков, типы «хлебов», распространенных в разных странах, урожайность и цены, приготовление блюд и продукцию булочников, появление мельниц и пекарен, научного земледелия и рациона питания. «История человечества едина в своем обновлении на протяжении тысячелетий и в своих топтаниях на месте, синхрония и диахрония неразрывно связаны друг с другом»¹⁰⁴, – делает вывод Ф.Бродель.

Напомним, что исследование явлений материальной культуры Ф.Бродель ведет в рамках «возможного и невозможного», границ «низа и верха», «бедности и роскоши». Устанавливаемые грани очень подвижны: то, что было роскошью вчера, становится обыденным, массовым сегодня. Ф.Бродель приводит высказывание историка медицины: «Когда какая-либо пища, долго бывшая редкой и возделенной, оказывается наконец доступной массам, следует резкий скачок в ее потреблении, как бы взрыв долго подавлявшегося аппетита. Но, оказавшись «популяризированным», этот вид пищи быстро теряет свою привлекательность, и намечается определенное насыщение».

Богачи осуждены подготавливать жизнь бедняков в будущем – такая тенденция распространения культуры и цивилизации. Трудно раз и навсегда определить роскошь, изменчивую по природе, ускользающую, многоликую и противоречивую, – заключает Ф.Бродель.

Он приводит немало примеров из истории культуры, свидетельствующих о том, как излишний или редкий продукт становится обычным и повседневным. Например, сахар был роскошью до XIV века; вплоть до XVI и XVII вв. очень редко использовалась вилка во время еды; предметом роскоши был носовой платок, мелкие и глубокие тарелки.

---

¹⁰⁴ Там же. – С. 47.

Роскошь есть отражение разницы социальных уровней, но она постоянно существует как внешний предел желаний, тем самым стимулируя производство.

Ф.Бродель приводит огромное число сведений об особенностях кулинарии в Китае и Индии, арабских странах и в Европе, о распространении различных «возбуждающих» напитков – вине и пиве, кофе и чае, обычаях их употребления.

Таким же традиционным постоянством обладает жилище. «Дом» обладает устойчивостью в истории, на протяжении веков почти не меняется и неизменно свидетельствует о медленном темпе развития цивилизаций и культур, упорно стремящихся сохранить, удержать, повторить те приемы, материалы, технологии, которые выдержали испытание временем, – отмечает Ф.Бродель.

Тесаный камень, кирпич, дерево и глина, а также войлок, сукно, тростник или солома – таковы главные строительные материалы. Различались дома бедных и богатых, сельских и городских жителей; жилище кочевников было иным, нежели у оседлого населения; на Севере строили иначе, нежели на Востоке или Юге.

Традиционные цивилизации отличались постоянством интерьера домов. Долгое время люди не знали стульев, их заменяли скамьи, бочки или иные сиденья. В домах почти не было отопления, кухонный очаг, жаровня были единственными источниками тепла. В странах Востока жилище внутри было заполнено многочисленными подушками, тюфяками, коврами, которые расстилали вечером и сворачивали утром.

В Китае дома отличались изысканной мебелью из драгоценных пород дерева; лак, инкрустация дополняли убранство. В Африке строились глиняные хижины, сделанные из жердей и тростника, круглые «как голубятню», изредка обмазанные известью, без мебели, не считая глиняных горшков и корзин, без окон, каждый вечер тщательно окуриваемые дымом от москитов.

Интерьер и убранство европейского дома тоже имеют давнюю историю. Пол на первом этаже был сделан из утрамбованной земли, узорчатые плиты стали употребляться с XVI в., а деревянный паркет стал привычным лишь к XVIII в. и то в богатых домах. Стены покрывали обоями тканями; к концу XVII в. распространились бумажные обои, которые тоже символизировали роскошь. Только в XVI в. появилось прозрачное стекло, а до этого проемы окон закрывались пергаментом, тканью, промасленной бумагой, пластинками гипса. Именно поэтому оконные рамы были с частыми деревянными переплетами.

На протяжении веков плотники сооружали дома и мебель: тяжелые шкафы, огромные столы, скамьи и стулья – все было устойчиво и тяже-

ловесно. В каждом доме был деревянный сундук, скрепленный железными полосами, вместительный и монументальный.

История предметов мебели дает возможность воспроизвести атмосферу жизни, ее уклад, манеру общения обитателей, представить, как ели, спали, играли, трудились в этом отдельном мирке.

Каков же был хозяин этого «Дома», как одевался, следил ли за модой как возможностью обновления? Этим проблемам посвящает Ф.Бродель главу «Костюмы и мода». История костюма рассматривается в широком социальном и культурном контексте: виды тканей, их производство и распространение, социальная иерархия, строго регламентирующая внешний вид сословий, национальные особенности одежды, ее сезонный характер, пышность и демонстративное богатство туалетов, праздничные и повседневные наряды.

Костюм нередко выполнял роль своеобразной социальной маски – священника, ремесленника, придворного, крестьянина. Благодаря этому он становился «узнаваемым» окружающими. Повсюду сохранялся традиционный стиль одежды, праздничный наряд переходил от родителей к детям, извлекался из сундуков в определенное время.

Японское кимоно, индийское сари, испанское пончо почти не претерпели изменений. Игнорировать моду – участь бедноты, где бы она ни жила; – отмечает Ф.Бродель. мода означает не только обилие, чрезмерность, безумство, но и ритм перемен. Вплоть до начала XII в. костюм в Европе почти не менялся: длинные хитоны до пят у женщин, до колен – у мужчин. А в целом – столетия и столетия неподвижности.

Первое появление моды Ф.Бродель датирует XIV в., когда начинает действовать правило перемен в одежде, хотя оно действует весьма неравномерно, не охватывает всех слоев, встречая первоначальное сопротивление. Возникают национальные центры моды, постепенно ее образцы принимаются в других странах.

Так, в XVI в. у высших классов вошел в моду черный суконный костюм, введенный испанцами. Это можно увидеть на многих живописных полотнах. Он пришел на смену пышному костюму итальянского Возрождения. Но в XVII в. восторжествовал французский костюм с яркими шелками и свободным покроем. мода распространялась из Парижа во все концы Европы в виде кукол-манекенов. Непривычность в одежде часто подвергалась осмеянию. Неумеренная высота женских причесок, фижмы, мушки на лице, пестрота мужских костюмов были символами модных веяний. мода означала поиск нового языка, была способом зафиксировать отличия от предыдущих поколений. Секреты производства тканей ревниво оберегались от конкурентов. Шелку понадобились столетия, чтобы он пришел из Китая в Европу; не менее длительными были странствия хлопка, лен и конопли лишь постепенно проникали в другие страны.

Мода царила не только в одежде, она охватывала стиль поведения, манеру писать и говорить, принимать гостей и распорядок дня, уход за телом, лицом, волосами. Внешний вид позволял судить об эпохе, социальном положении, профессиональных занятиях, возрасте и поле, материальном достатке, вкусах и национальной принадлежности.

Таковы реальности материальной жизни. Пища, напитки, жилища, одежда, мода – это та действительность, в которой повседневно пребывает человек. Она составляет тот язык культуры, то соединение «вещей и слов», символов и значений, которыми владеет человек, становясь их «пленником». В рамках отдельных обществ эти вещи и языки составляют целостность. Цивилизации представляют собой странные совокупности материальных ценностей, символов, иллюзий, причуд и интеллектуальных построений. Короче говоря, вплоть до самых глубинных пластов материальной жизни устанавливается нарочито усложненный порядок, в котором участвуют подсознание, склонности, неосознанное давление со стороны экономик, обществ, цивилизаций, – заключает Ф.Бродель.

17.3. ТЕХНИЧЕСКИЕ ИЗОБРЕТЕНИЯ

С этим нижним слоем повседневной жизни тесно взаимодействует не менее обширный слой технических изобретений, источников энергии, средств передвижения, форм денежного обмена. Этому посвящает Ф.Бродель последующие главы. Техника – это как мощное, так и терпеливое и однообразное воздействие человека на внешний мир, – пишет Ф.Бродель.

Механические средства и орудия материальной жизни общества существовали давно. Изобретения появлялись, но очень медленно завоевывали мир и приобретали всеобщее значение. Арабские цифры, порох, компас, бумага, шелк, книгопечатание утверждались отнюдь не «галопом», требовалось значительное время, чтобы они были приняты. Всякое изобретение, постучавшееся в дверь, должно было ждать годы или даже столетия, чтобы войти или быть внедренным в реальную жизнь, – отмечает Ф.Бродель.

Он анализирует исторический процесс движения трех великих новшеств, иногда именуемых техническими революциями. К ним относятся: 1) изобретение пороха; 2) книгопечатание; 3) плавание в открытом океане.

Трудно сопоставить между собой эти технические открытия – первое способствовало совершенствованию артиллерии и было орудием войны; второе привело к распространению просвещения и образования; третье – изменило морские дороги мира, сделало реальными культурные контакты. Остановимся более подробно на значении книгопечатания.

Бумага в Европу пришла из Китая через мусульманские страны Востока. Первые бумажные мельницы заработали в Испании в XII в. Но ев-

ропейское бумажное производство по-настоящему началось в Италии в начале XIV в. В качестве сырья использовалось старое полотняное белье, а профессия тряпичника стала весьма популярной.

Китай знал книгопечатание с IX в., Япония – с XI в. Оно осуществлялось с деревянных досок, каждая из которых соответствовала одной странице. Это было делом чрезвычайно долгим. Затем были изобретены керамические литеры, которые крепились воском к металлической форме. Затем литеры отливались из олова, но они быстро снашивались. В начале XIV в. использовались подвижные деревянные литеры. Лишь с середины XV в. появился типографский набор и подвижный шрифт, изобретенный Гутенбергом, мастером из города Майнца в Германии.

Шрифт этот почти не менялся до XVIII века. Это изобретение быстро распространилось – к 1500 г. 236 городов Европы имели свои печатни. Так возникла «галактика Гутенберга»: в XVI в. издавалось около 140 – 200 тысяч книг, каждая тиражом в тысячу экземпляров.

Старинная рукописная книга постепенно вытеснялась напечатанной в типографии. С распространением книг значительно расширились возможности научных контактов, возрос уровень образования. Так технические изобретения оказывали существенное влияние на духовную жизнь.

Ф.Бродель подробно анализирует технические новшества, обеспечившие дальние плавания и великие географические открытия, успехи судостроения и торговые экспедиции. Однако наземный транспорт, отмечает Ф.Бродель, был как будто «поражен параличом». В нем все оставалось по-прежнему: плохое устройство дорог, постоянство маршрутов, медленные скорости, архаичность транспортных средств. Поэт Поль Вальери говорил, что «Наполеон шел так же медленно, как и Юлий Цезарь».

В Европе кареты появились в конце XVI в., почтовые дилижансы лишь в XVII, на больших дорогах была замощена только узкая полоса и два экипажа с трудом могли разъехаться. Техническое развитие транспорта медленно набирало ускорение. В конечном счете в тот или иной момент все начинает зависеть от ее вмешательства, делающегося необходимым. В этом смысле техника царит: именно она изменяет мир, – заключает Ф.Бродель.

17.4. ДЕНЬГИ И ФИНАНСОВЫЕ РАСЧЕТЫ

В материальную культуру общества Ф.Бродель включает денежную систему, называя ее «древним техническим средством», предметом вожделения и интереса людей. Денежное обращение предстает как инструмент, как структура и глубокая закономерность всякой, слегка продвинувшейся, системы обменов. Деньги наслаиваются на все экономические и социальные отношения. Это «чудесный индикатор», позволяющий судить обо всей деятельности людей, вплоть до самых скромных явлений

их жизни. Звонкая монета тысячами путей внедряется в повседневную жизнь: арендная плата и кредиты, пошлины и налоги, цены на рынках и заработная плата – сети раскидываются повсюду.

Деньги – это «кровь общественного организма», они помогают обращению товаров, накапливают капитал, свидетельствуют о нищете и богатстве. Денежные системы многообразны и кажутся таинственными. Это своеобразные «языки» культуры и цивилизации, призывающие к познанию и диалогу. Деньги являются эталоном в реализации обмена товарами.

Уже в давние времена в разных странах существовали «примитивные» деньги. Это могла быть соль, хлопковая ткань, медные браслеты, бусы, золотой песок на вес, кораллы и драгоценные камни, раковины, животные, птицы, сушеная рыба – всего не перечислить. Подобные архаичные формы обмена долго сохраняются под тонкой «кожицей» развитых денежных систем и при кризисах или перепадах в экономике вновь возрождаются в виде «бартерных сделок» и натурального обмена.

Над этими примитивными формами надстраивались металлические деньги: золото, серебро, медь. Каждые из них имели свою зону действия – для крупных, средних и мелких сделок и расчетов. Монеты ускоряли денежное обращение, накапливались в виде ценностей, текли потоком в разные страны, повышались в цене и падали, меняли своих владельцев.

В XVI в. появляются бумажные деньги – банковские билеты и «бухгалтерские» – платежи через счетные книги, или «книжные деньги». В обмене стали участвовать платежные ордера, обязательства, расписки, кредит. В XVII в. появляются банковские билеты, векселя и широко применяются в коммерции.

Постепенно в течение веков усложнялась денежная система; чем более экономически развитой становилась страна, тем многообразнее становились ее денежные и кредитные инструменты, стимулируя производство и потребление. Деньги не только средство экономического обмена, они имеют социально-культурную ценность, создавая образы скупости и расточительства, богатства и бедности, определяя пределы возможного и невозможного.

17.5. ГОРОД КАК ЦЕНТР ЦИВИЛИЗАЦИИ

В заключительной главе I тома Ф.Бродель рассматривает город как центр и воплощение цивилизации со всеми позитивными и негативными чертами и последствиями. Города – это как бы электрические трансформаторы: они повышают напряжение, ускоряют обмен, они беспрестанно вершат жизнь людей.

Город – судьба мира. Все поворотные моменты роста выразались во взрыве урбанизации, – пишет Ф.Бродель. Он анализирует ряд способов

классификации городов по различным признакам: политический подход выделяет столицы, крепости, административные центры; экономический – порты, центры караванной торговли, торговые города, промышленные города, финансовые центры. Социальный подход представляет перечень городов – рантье, церковных, княжеских резиденций, ремесленных центров. Можно продолжать подобную классификацию по культурным, религиозным, научным и иным признакам.

Существуют города открытые, соединенные с ближайшим сельским окружением, или же замкнутые, закрытые в своих границах. В зависимости от своего положения менялись темпы развития городов, преобладающие виды занятий и даже их судьба.

Открытой системой был античный полис, греческий или римский. Из предместий люди собирались на площади для решения общих дел, в нем укрывались в случае опасности. Средневековый город представлял замкнутую и самодостаточную единицу. Пройти за его крепостные стены – все равно, что пересечь государственную границу. Среди граждан были две категории – «частичные», которым нужно было прожить не менее 15 лет в городе, чтобы стать горожанином. Вторую категорию составляли «полноправные», имеющие, по крайней мере, 25 лет постоянного жительства. Они имели привилегии, были меньшинством, «маленьким городом в самом городе».

В Марселе XVI в., чтобы получить гражданство, нужно было иметь «десять лет постоянного проживания, владеть недвижимым имуществом, жениться на городской девице». В этих городах большую власть имели династии ремесленной и купеческой знати – суконщики, бакалейщики, меховщики, чулочники.

Города, находящиеся под опекой центральной власти, – это королевские резиденции, центры католической церкви. Они владели деньгами, распределением привилегий и почестей.

Столицы – особый тип городов: они быстро росли экономически, становились многонаселенными, создавали мощный национальный рынок, притягивали ремесленников и художников для украшения, славились контрастами богатства и бедности.

Описывая жизнь и быт многих крупных городов мира, Ф.Бродель особый раздел посвящает «Санкт-Петербургу в 1790 г.», приводя различные сведения из путеводителя И.Г.Георги, жившего в эпоху Екатерины II.

Санкт-Петербург был основан Петром I в мае 1703 г. Он был именно тем «окном» в Европу, которое Петр Великий пожелал открыть для неудержимо развивающейся жизни своего народа, – отмечает Ф.Бродель.

Но выбранное место было чрезвычайно сложным и неудобным для застройки. Потребовалась негибкая воля, чтобы возник город на болотистых землях, многочисленных островах. Тревожный уровень воды,

наводнения создавали непрерывную угрозу. Пушечные выстрелы, белые флаги днем, зажженные фонари, непрерывный колокольный звон дополняли городской облик. Городу надлежало приподняться над смертельной опасностью. Поэтому необходимы были каменные фундаменты, укрепленные гранитом набережные, специально вырытые каналы, мощеные улицы.

Это была колоссальная работа, а городское строительство было дорогостоящим. Санкт-Петербург был оживленной строительной площадкой. По Неве шли баржи, груженные известью, камнем, гранитом, сплавом леса. Биржа и таможня, невский плес превратились в оживленный порт у моря. Нева была главной магистралью города. Она давала питьевую воду, которая была безупречной; зимой превращалась в санный путь и место народных гуляний. Существовала даже особая профессия «пильщиков льда» для снабжения погребов, расположенных в первых этажах домов.

В 1789 г. в Санкт-Петербурге проживало 217 948 человек, причем мужчин в два раза больше, чем женщин. Это был город придворной аристократии, армейской молодежи, служилого люда. Православные церкви соседствовали с протестантскими и католическими храмами, молитвенными домами раскольников. Не найти другого такого города в мире, где всякий житель говорил бы на стольких языках. Даже среди слуг самого низкого ранга нет таких, что не говорили бы по-русски, по-немецки и по-фински, а среди лиц, получивших какое-то образование, нередко встречаются такие, которые говорят на восьми или девяти языках. Иной раз они из этих языков образуют довольно забавную смесь, – таков был столичный Санкт-Петербург XVIII в.

Большие города – это своеобразный «тест», показывающий уровень развития культуры и цивилизации. Они создают современное государство, но и сами являются результатом экономического и социального развития общества. В них постепенно или ускоренно менялся мир старого порядка, возникал новый тип горожанина, с особым характером и стилем жизни. Ф.Бродель отмечает, что петербуржцу присущи вкусы столичного жителя, сформировавшегося во всех отношениях по образу и подобию вкусов двора. Последний задавал тон своими запросами, своими празднествами, бывшими в такой же степени торжествами всеобщими, с великолепной иллюминацией на здании Адмиралтейства, на официальных зданиях, на богатых домах.

Не только национальный характер свойствен человеку, но и город вносит особые черты в его ментальность, придавая своеобразие манерам общения, способу мировосприятия, стилю речи, тем самым увеличивая реальное многообразие и уникальность личности.

Заканчивая обзор тех сюжетов, которые были предметом анализа Ф.Броделя, необходимо подчеркнуть, что концепция материальной культуры и цивилизации современна, ибо в ней постоянно ощущается проблематика XX века: соединение инерции и ускорения, длительности перемен, сочетания архаичных форм и новаторских достижений. Выбор альтернативных путей развития увеличивает ответственность человека за судьбы культуры и цивилизации.

Многообразие форм материальной культуры дает возможность построить модель или даже «грамматику» экономической жизни общества. Ф.Бродель неоднократно возвращается к образу «Дома». Если первый этаж – это прочный, традиционный фундамент, то над ним еще возвышаются два этажа. Я убежден, – пишет Ф.Бродель, – что такое разделение вполне ощутимо, что и действующие силы, и люди, их действия и характер мышления, «ментальность», не одни и те же на этих разных этажах.

Существует определенная иерархия, где верхние этажи опираются на нижние, образующие самый толстый слой в рамках одной социальной реальности. Надо иметь в виду, что контакт между этажами материализуется в тысяче неприметных точек: рынках, лавках, ярмарках, складах, магазинах, оптовой и розничной торговле – всюду выявляются их соприкосновение, соперничество и конкуренция. На верхнем этаже – биржевых операциях, банковских расчетах – начинается «теневая зона» могущественного капитала.

17.6. СИМФОНИЯ РЫНКА

Но вернемся к структурам второго этажа. Это так называемая «рыночная экономика», столь известная нашим современникам. Напомним, что Ф.Бродель анализирует эти процессы в европейской культуре XV – XVIII вв., но многое очень «узнаваемо» и актуально, ибо «шум рынков достигает наших ушей».

Рынок – это освобождение, прорыв, возможность всплыть на поверхность. Он сопровождает жизнь людей с древнейших времен, сохраняя традиционность спроса и предложения, и охватывает весь мир. Уже одно упоминание слова «рынок» воспроизводит картину множества палаток, выкриков зазывал, ссор и криков покупателей и продавцов, суровых контролеров и купцов-перекупщиков. Здесь царят свои порядки и отношения.

Этот старый тип обмена был в Древней Греции, в Китае классической эпохи, в фараоновском Египте, в Мексике и Эфиопии. Рынки притягивались к городам, которые постепенно превращались в центры торговли, приобретая особое значение. Рыночные площади становились источниками информации, здесь оглашались указы и законы, устраивались представления и праздники, обсуждались цены и новости.

Рост торговли приводил к тому, что появились специальные «крытые рынки» с особой архитектурой. Таким было «чрево Парижа», о котором столь интересно писал Э.Золя.

В 1500 – 1640 гг. в Англии и Уэльсе было 800 рыночных городов, в орбиту торгового обмена вовлекалось огромное количество населения. К торговцам примыкала целая армия перекупщиков, коммивояжеров, грузчиков, погонщиков скота, поваров, сборщиков налогов, хозяев кабачков и постоянных дворов – всех не перечесть! В истории культуры еще предстоит создать панораму развития рыночной экономики со всеми особенностями быта, норм общения, знакомств и связей, балаганных представлений и типов личности, характерных для разных народов.

Рынки переживали периоды упадка, но всегда возрождались. Соперниками рынков были специализированные лавки ремесленников, которые сочетали производство с продажей в «собственном окне». Торговцы делились на цехи и гильдии со своими нормами поведения и иерархией. В XVII в. размах их создания напоминал наводнение, потоп.

Испанский писатель в 1606 г. сказал о Мадриде – «все превратилось в лавки». По словам Даниэля Дефо, разрастание лавок было «чудовищным», за несколько десятилетий конца XVII в. их число увеличилось в 5 – 6 раз. Прежние помещения перестраивались, покрывались зеркалами, украшались колоннами и бронзовыми канделябрами. Постоянно возрастал доход этих слоев населения, а главным источником обогащения был кредит. Торговец жил в шатком равновесии между теми, кто ему должен, и теми, кому он должен сам. Это было импульсом развития частной инициативы, стремления выжить, устоять, а не разориться.

К лавочникам примыкала многочисленная «торговля в разнос», преодолевающая расстояния, сбивающая цены. Эта «разбухшая жизнь торговли» обладала огромной способностью к адаптации, вовлекала в свою орбиту контрабандистов, спекулянтов, скупщиков краденого, создавая особую сферу человеческих отношений. В иные времена она вытеснялась организованной торговлей, но в кризисных ситуациях возрождалась вновь. Ф.Бродель упоминает о «мешочниках» в России 20-х годов, а к этому мы можем добавить и немало примеров из собственной жизни.

Выше рынков, лавок, торговли в разнос располагались ярмарки. Они занимают особое место в экономической жизни и своими корнями уходят в далекое прошлое. Но их возраст, отмечает Ф.Бродель, не мешает им быть живым институтом. Каждая ярмарка «имела свой ритм, свой календарь, свои «позывные», иные, чем у соседей». Они имели свои декорации, сопровождалась народным празднеством, фейерверками, иллюминациями, театрализованными представлениями, зрелищами и играми, развлечениями и состязаниями. На них царил дух народного гулянья,

вседозволенности, смеха, юмора, «жизни на выворот». Но ярмарки постепенно угасают, их заменяют другие виды оптовой распродажи.

В XIV в. возникают биржи в Пизе, Венеции, Флоренции. Их предшественниками были купеческие собрания в Риме еще во II в. н. э. Но в XVII в. в Европе строятся специальные здания биржи, имеющие особую архитектуру, приспособленную для деловых операций маклеров.

Биржа – это рынок денежный, финансовый, ценных бумаг. Первая фондовая биржа действовала в Амстердаме в XVII в. и занималась продажей акций Ост-Индской компании. Игра на повышение или понижение ценных бумаг приносила огромные доходы, становилась импульсом экономического роста. Масса мелких игроков и крупных спекулянтов были вовлечены в лихорадочную игру. Появляется особый социальный слой банкиров, маклеров, акционеров, брокеров. Мгновенное богатство и столь же катастрофическое разорение, риск и интриги, долги и спекуляции, «денежный водопад» и «торговля ветром» стали отличительной чертой жизни крупных европейских городов. Постоянно возрастал кругооборот торговли, заставляя работать «мертвые деньги», создавая сплошные «торговые поверхности».

Прибыли, затраты, издержки, убытки, баланс дебета и кредита – эти слова входят в лексикон экономической жизни. Возникают зоны торговых связей, купеческие союзы в борьбе за рынки сбыта, торговые дома и крупные компании. Они соперничают друг с другом, вступают в конфликт, организуют самозащиту. Их распространение образует топологию национального и международного торгового пространства.

Всемирная история перешагивала через историю локальную, – заключает Ф.Бродель. Обмен – это соединительное звено экономической жизни, он делает рыночный механизм всеобъемлющим в мире.

Исследователям еще предстоит описать действие этого механизма в различных странах, его генезис и эволюцию. Это составит основу культурологической компаративистики, столь необходимой для понимания процесса развития мировой культуры. Общество никогда не было единым. Оно представляет собой сплошную совокупность или «множество множеств». Экономика, социальная иерархия, политика, культура – эти четыре системы находятся между собой в отношениях многочисленных корреляций, взаимодополняющих друг друга, пронизанных противодействующими потоками, препятствиями, то ускоряющими, то тормозящими развитие. В этом множестве конфликтовавших сил утверждался экономический напор рыночной экономики, продвижение которой было неоднозначным в разных странах.

ГЛАВА 18. А.ТОФФЛЕР О ЦИВИЛИЗАЦИИ БУДУЩЕГО

Предсказывать будущее – занятие чрезвычайно сложное и ответственное. Недаром прогнозы сравнивают с гаданием, где вероятность их реализации весьма проблематична. И тем не менее, человеку свойственно стремление представить будущее, приблизительно очертить его контуры, определить стратегию поведения и действия. В Москве, в Париже и других городах мира были установлены электронные часы, напоминающие о том, сколько времени осталось до наступления Нового года.

Конечно, начало нового века – момент весьма условный. Если начать с даты «сотворения мира», то таким считается 3761 год, и сейчас мы находимся в середине шестого тысячелетия. Если же вести счет со времени переселения Мухаммеда из Мекки в Медину в 622 году, то тогда до окончания второго тысячелетия еще остается несколько веков. Есть и другие календарные системы счета времени.

Однако страны и народы, связанные с христианской традицией, ведут отсчет от Рождества Христова и это означает, что скоро наступит XXI век. Хронологически время нейтрально, но оно наполняется смыслом и значением, благодаря исторической деятельности человека. Рубеж веков всегда ассоциируется с переменами. Ученые высказывают немало идей относительно будущего, стремясь предвидеть траектории развития. Именно поэтому столь интересна футурологическая концепция культуры американского социолога, культуролога и публициста Лауреата Нобелевской премии Алвина Тоффлера.

18.1. О ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Его имя и труды приобрели широкую известность в 70-е годы XX века. Высказанные им прогнозы о будущем развитии культуры и цивилизации во многом уже подтвердились, а его книги вошли в число бестселлеров, переведены на языки мира, в том числе и русский. Футурологическая концепция А.Тоффлера включена в энциклопедии и словари,

Алвин Тоффлер родился в Нью-Йорке 4-го октября 1928 года. Он окончил Нью-Йоркский университет, в 1957 – 1959 годах работал корреспондентом ряда газет, затем в 1959 – 1961 годах редактором журнала «Форчун». Уже в 60-е годы он становится известным в США своими острыми и яркими публикациями.

В 1965 – 1967 годах он работал в Новой школе социальных исследований и в других научных центрах США. В 1965 году он становится

профессором Корнелльского университета, консультантом ряда правительственных учреждений. Его привлекают проблемы социальных последствий научно-технической революции, создания искусственного интеллекта и распространения компьютеров. Американская фирма «IBM» по производству компьютеров заказывает ему в 1961 году исследование о влиянии компьютеризации на сферу труда «белых воротничков», и его прогнозы широко обсуждаются в прессе.

В 1964 году выходит книга «Потребители культурных ценностей», посвященная социологии культуры, и его имя становится популярным. Его приглашают для чтения лекций в ведущие университеты США. В 1970 году он публикует первую книгу из трилогии – «Футурошок», а затем две других, связанных общей концепцией и проблемами, «Экоспазм» (1975) и «Третья волна» (1980)¹⁰⁵. В последующие годы он пишет книгу «Предпосылки и прогнозы» (1984), в которой обращает внимание правительства на необходимость предвидения наиболее фундаментальных сдвигов в изменении тенденций развития культуры и цивилизации.

В монографии «Смещение власти: знание, богатство и принуждение на пороге XXI века» (1990) он прогнозирует возможности возникновения нового социального порядка на предстоящем супериндустриальном этапе развития цивилизации. Он подчеркивает перспективность прогноза на основе методологических положений синергетики, как науки о самоорганизующихся системах. Будущее складывается не на основе одного, хотя и важного фактора, каким является технический прогресс, а как результат множества взаимосвязанных процессов и неравновесных состояний.

Свою теорию А.Тоффлер называет «практопией» или практической утопией в отличие от идеализированных утопий или мрачных прогнозов, которыми наполнена история общественной мысли. Он придает значение реальностям сегодняшнего дня и делает во многом убедительную попытку представить их последствия в будущем.

Достоинством книг А.Тоффлера является их непосредственное обращение к переживаниям и опасениям современного человека. Будем надеяться на публикацию новых книг А.Тоффлера.

18.2. ВОЛНЫ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

В книге «Третья волна» А.Тоффлер отмечает, что исторический процесс развития цивилизации проходит ряд этапов, которые, подобно вол-

---

¹⁰⁵ Тоффлер А. Футурошок / Тоффлер А. – М., 1993; Его же. Футурошок / Тоффлер А. – СПб., 1997; Его же. Эко-спазм / Тоффлер А. – М., 1976; Его же. Смещение власти: знание, богатство и принуждение на пороге XXI века / Тоффлер А. – М., 1991; Его же. Третья волна / Тоффлер А. – М., 1999.

нам, накатываются и накрывают друг друга, порождая противоречия, конфликты, трудности и проблемы адаптации человека к новым условиям.

«Первая волна» – это исторический тип аграрной цивилизации, когда основой всей жизнедеятельности была обработка земли. Первоначальный смысл слова «культура» означал «возделывание» земли и все с этим связанное: правила обработки, использование угодий, время посева и уборки урожая, способы хранения продуктов и приготовления пищи, возникшие на этой основе ритуалы, обряды и обычаи, приметы и символы, мифы и легенды. Именно аграрная цивилизация заложила основы всей современной культуры большинства народов. Исключения составляют этнические общности, для которых существенную роль играли рыбный промысел, охота или скотоводство.

Аграрная цивилизация была самой длительной в истории, продолжалась вплоть до XVI – XVII столетия. Для этой стадии характерны примитивность орудий труда и медленный темп перемен в социальной и личной жизни человека. Крестьяне были основным сословием, их труд продолжался «от зари до зари», подчиняя время сезонным ритмам и погодным условиям. Передача культурных ценностей и достижений осуществлялась непосредственно от поколения к поколению и сводилась к традиционной народной культуре. Близость к природе, устойчивость родственных связей, сосредоточенность населения в сельской местности способствовали устойчивости человеческих отношений и культуры.

«Вторая волна» – это индустриальная цивилизация. Она начинается с возникновением промышленной революции в странах Европы, постепенно охватывая другие регионы и продолжается до сих пор, вытесняя традиции и привычки аграрной стадии.

Происходит концентрация промышленного производства на крупных предприятиях, массовый рост городов, увеличение потребления товаров, возникновение новых социальных слоев и типа культуры. На смену сезонному ритму приходит рабочий день «по свистку», появляются новые проблемы оплаты труда, прав человека, социальной защиты, организации досуга. Распространение урбанизации ведет к новому типу городского образа жизни, порождая впоследствии экологический кризис, перепроизводство и стандарты массовой культуры. Индустриальная цивилизация основывается на концентрации и специализации производства, сосредоточения производств в крупных городах и превращения их в мегаполисы. Централизация управления, подчинение власти сверхдержавам, быстрое распространение индустриальных технологий, образования и средств массовой информации – типичные признаки индустриального общества.

Но постепенно индустриальная цивилизация исчерпала свои возможности и подвела общество к кризисной черте. Свидетельством тому агрессивные войны, разрушение природы, стандартизация стиля жизни,

вкусов и потребностей. Кризис охватывает все сферы индустриального общества: национальные государства, экономику и финансовую систему, социальные и политические институты, духовные ценности и образ жизни. Технократический принцип хозяйственной деятельности наносит непоправимый ущерб природе, вызывая экологические разрушения. «Старая механическая синхронизация, – пишет А.Тоффлер, служившая символом «второй волны», уходит в прошлое. Мы все дальше удаляемся от общества безликих, лишенных индивидуальности гуманоидов и движемся к обществу, для которого будут характерны множественность жизненных стилей, обладающих более ярко выраженной индивидуальностью»¹⁰⁶. Развитие общества приблизилось к новому этапу цивилизации.

«Третья волна» – эра информационной, электронной цивилизации, соединившей преимущества технического прогресса с возрастанием роли гуманизма реального человека и его потребностей. Многие в ней противоречат старой традиционной индустриальной цивилизации, отмечает А.Тоффлер. Это одновременно и в высшей степени технически развитая и, вместе с тем, антииндустриальная цивилизация.

Общество «Третьей волны» возникает на основе трансформации, перемены самого «кода цивилизации». Это означает, что все 6 параметров индустриального общества меняются на противоположные:

- 1) стандартизация заменяется многообразием стилей и форм;
- 2) централизация власти сменяется многополярностью;
- 3) синхронизация индустриального труда – скользящим графиком;
- 4) тиражирование массовых образцов – уникальностью индивидуальных моделей;
- 5) концентрация производства на заводах заменяется «минимизацией» производства, возникновением «электронных коттеджей».
- 6) вместо узкой специализации – широкая интеграция, дающая возможность переключения на новый вид деятельности.

Эти изменения затрагивают не только сферу экономики и техники, как это предполагают некоторые. Они охватывают техносферу: энергетику, производство, распределение; социосферу: социальные и политические институты, структуры власти; инфосферу: системы ценностей, социальной коммуникации и информации.

Новый этап означает изменение стиля и образа жизни. Возникает новый вид собственности – на информацию. Контроль в сфере принятия решений осуществляет тот, кто владеет информацией. Борьба за источники информации, техническое совершенствование компьютеров определяют драматургию социального и культурного развития.

---

¹⁰⁶ Тоффлер А. Третья волна / Тоффлер А. – М., 1999. – С. 92.

18.3. ШОК ОТ ВСТРЕЧИ С БУДУЩИМ

В центре футурологической концепции А.Тоффлера находится проблема соотношения скорости перемен в социальной и культурной жизни и степени адаптации к ним человека. Необходим баланс не только между масштабами перемен и скоростью их распространения, но и возможностью человека приспособиться к ним, преодолеть страх от встречи с будущим.

Несоответствие между ними неуклонно растет и влечет за собой «футурошок» – именно так назвал свою книгу А.Тоффлер. В отличие от других авторов, строивших концепции будущего на основе прошлого, А.Тоффлер переворачивает зеркало времени, чтобы использовать будущее для того, чтобы помочь человеку справиться со стремительным темпом перемен, обрести устойчивость в непрерывно меняющемся мире.

«Перемены – процесс, с помощью которого будущее вторгается в нашу жизнь, – важно рассматривать не только в грандиозной исторической перспективе, но и с точки зрения живых людей из плоти и крови, испытавших эти перемены на себе»¹⁰⁷, – пишет он. Термин «футурошок» введен А.Тоффлером в середине 60-х годов и теперь вошел в словарь мира. Он близок по своему значению к понятию «культурный шок», означающий состояние человека, погруженного в незнакомую культуру. Он отражает беспокойство, растерянность, разрушение привычных форм поведения, неправильное истолкование реальности и в результате утрату способности к адаптации.

Если представить, что эти проблемы затрагивают не одного человека, а все общество, то возникает всеобщее состояние дезориентации и страха от грядущих перемен в огромных масштабах. Следует отметить, что термин «адаптация» лишен значения «приспособленчества», имеющего уничижительный оттенок в русском языке. В культурологии это понятие широко используется как важнейший механизм культурной изменчивости, взаимодействия человека и среды обитания.

Приспособление является необходимым условием жизнеобеспечения и жизнестойкости человека, фактором развития творчества, отказа от прежних стереотипов сознания и выработки новых ценностных ориентиров.

Для нового этапа цивилизации технология является главным средством ускорения перемен. Это касается не только транспорта, но и производства, строительства, подсчета голосов, образования, печатания книг, распространения информации и многого другого. Как известно, развитие техники состоит из трех стадий, образующих цикл: 1) рождение идеи; 2) реализация на практике в экспериментальном образце; 3) распространение в обществе.

---

¹⁰⁷ Тоффлер А. Футурошок / Тоффлер А. – СПб., 1997. – С. 4.

В отличие от прежних времен радикально сократилось время между возникновением идеи и ее внедрением. А.Тоффлер приводит немало различных примеров. Века прошли с того момента, когда Парацельс обнаружил, что эфир можно применять для анестезии. Почти сто лет прошло с тех пор, когда Николас Апперт открыл способ консервирования продуктов до применения в промышленности.

Теперь такое промедление трудно представить. Ускорение внедрения новшеств оказывает существенное влияние на психологическое состояние человека. Люди живут на «повышенных скоростях», когда стремительно меняется мир: вещи, места, идеи, организации. Для обозначения этого состояния А.Тоффлер вводит понятие «трансенция» или «быстротечность», которое позволяет измерить скорость потока перемен.

Отношения становятся все более хрупкими и непостоянными, и это создает настроение неуверенности и нестабильности. Возникает «общество одноразовых стаканов», где торжествует идея однократного и краткосрочного использования предметов, а культура «выбрасывания» становится показателем уровня цивилизации. Бумажные салфетки и полотенца, пластиковые бутылки и пакеты, постоянное обновление одежды, мебели, машин создают особый менталитет в отношении к предметной среде, сокращают продолжительность связей с ними.

Становятся популярными мобильные конструкции, позволяющие произвольно менять внутренние объемы, преобразовывать пространство. Люди чаще, чем прежде, меняют квартиры и места проживания, устремляются в новые города и страны, овладевают новыми профессиями и редко работают на одном и том же месте.

А.Тоффлер называет их «новыми кочевниками», для которых постоянные перемены стали образом жизни и второй натурой. Однако эти перемещения не проходят бесследно, ибо меняют отношение к понятию «соседности», привязанности к родным местам, дому, работе. Все подвижно и изменчиво. Вы сажаете дерево и никогда не увидите, как оно выросло, потому что к этому времени вы будете жить совсем в другом месте, — заключает А.Тоффлер. Повышенная мобильность увеличивает число человеческих контактов, делает быстротечными связи, но они становятся более поверхностными и ненадежными.

Увеличение оборота этих отношений нередко вызывает стрессы, депрессии, разочарование и растущее чувство одиночества. Все это лишь еще раз подчеркивает сложность и неоднозначность перемен в постиндустриальном обществе.

Если первым признаком нового общества служит быстротечность, то вторым будет новизна, череда сенсационных открытий и потрясающих воображение достижений. Это лишь усиливает ощущение нестабильности. Быстротечность и новизна — это «взрывчатая смесь», усложняющая

проблемы адаптации человека. Разработка новых материалов, источников энергии, транспортных средств, продуктов питания, лекарств, пересадка органов и тканей, новых средств массовой коммуникации и информации значительно изменяют равновесие между привычными правилами и отношениями и неопределенным и непредсказуемым будущим. Коэффициент новизны может достичь предельного уровня, вызывая психологическое и нравственное утомление. Этот процесс «психологизации» всей социальной и экономической жизни определяет главное направление перемен и потребует новой стратегии. Необходимо направить ресурсы на восстановление природной среды, на борьбу с загрязнением, шумом, социальную защиту людей, развитие образования и духовности.

Все большее значение будет придаваться «душевному комфорту», положительным эмоциям, эстетическому наслаждению от обстановки общественного и индивидуального общения. Поток новизны проникнет и в личную жизнь, долгое время остававшуюся «островком» стабильности. Пессимисты предсказывают, что семья обречена на исчезновение и забвение, а оптимисты пророчат ее укрепление как самой надежной защиты от потрясений. Многие считают, что бурный характер перемен усилит потребность в семье как наиболее устойчивой структуре. Но важно иметь в виду, что новшества, быстротечность перемен не обойдут семью стороной. Достаточно упомянуть изменение «технологии рождения», установление пола ребенка, имплантацию эмбриона и искусственное выращивание в «пробирке», клонирование себе подобных и программирование внешности, черт характера – все это меняет традиционные представления о материнстве, отцовстве, отношениях родителей и детей. Покупка эмбрионов в «бебиториуме» потребует внесения корректив в законодательство.

В аграрный период семья, как правило, была многочисленной и многодетной, в ней одновременно сосуществовали три, а иногда и четыре поколения. Такие «обширные» семьи были хорошо приспособлены к выживанию в трудных условиях. В индустриальную эпоху семья постепенно стала численно уменьшаться. Возникла так называемая «нуклеарная» семья, состоящая из супругов и одного или двух детей. Такой тип семьи стал обычным в большинстве индустриально развитых стран. Постиндустриальное общество значительно расширит возможные варианты семейной жизни. Это может быть «корпоративная семья», где несколько брачных пар носят одну фамилию и совместно воспитывают детей, в том числе приемных. Цели таких семейных корпораций могут быть различными: социальными, экономическими, религиозными, спортивными и даже развлекательными.

Корпоративный принцип А.Тоффлер считает весьма перспективным в организации семейной жизни. Эти группы могут соединяться на опре-

деленный срок, затем свободно распадаться. Временные «коммуны» пенсионеров, студентов в молодежных общежитиях, художников и спортсменов создают временные союзы, общие фонды, заботятся друг о друге, вместе проводят свободное время.

Можно предположить, что постепенно менее жестким будет запрет на полигамию, когда дети являются частью «одной большой семьи». В связи с большим количеством разводов, возможны многократные последовательные браки. Тоффлер считает, что это основное направление будущей модели брака¹⁰⁸.

Многократный последовательный брак изменит «траекторию» семейного союза: вначале возможен «пробный брак» с испытательным сроком. Затем наступает второй критический момент, когда пары либо оформляют свои отношения, либо расстаются. Но вскоре вступают в новый брак, который объединяет рожденных прежде детей.

Третий поворотный момент наступает, когда дети становятся взрослыми и покидают родительский дом. Это так называемый синдром «пустого гнезда». Если супругов связывали только дети, они находят любой повод для развода. Но и в этом случае возможно вступление в новый брак, объединяющий людей с общими интересами и взаимной симпатией.

Изобилие вариантов брачных траекторий, широкий выбор моделей семейной жизни определит общее движение общества к разнообразию. Однако многообразие вариантов выбора может быть столь же психологически и социально опасным, как и его отсутствие. Человек может оказаться жертвой новой дилеммы – сверхвыбора. Во всех сферах жизни его подстерегает множество разных вещей, предметов, услуг, развлечений, занятий. Это разнообразие символизирует и подчеркивает индивидуальность. Постоянно увеличивается число альтернативных форм в искусстве, образовании, освобождая человека от ненужных запретов и однообразия. На этом фоне возникло множество жизненных стилей, объединений по интересам и субкультур. Общество раскалывается на отдельные субкультуры, каждая из которых образует особый мир, со своей иерархией ценностей, стилем и образом жизни, символикой и сленгом, предпочтениями и симпатиями, правилами и запретами, местами встреч и ритуалами.

Молодежные и профессиональные, конфессиональные и художественные, армейские и туристские, преступные и мафиозные, политические и экономические элиты – все образуют субкультуры. Чем крупнее субкультура, тем выше вероятность того, что она будет разнообразной. Но субкультуры так же быстротечны и подвержены переменам. Они плодятся и исчезают, чтобы освободить место новым субкультурам. Нередко они вступают друг с другом в отношения соперничества, захватывая тер-

---

¹⁰⁸ Там же. – С. 199.

ритории иных субкультур, оказывая влияние на общество в целом. Это влечет за собой распад единой структуры ценностей.

В прежних обществах существовало крупное центральное ядро ценностей, признаваемых и разделяемых многими. Это ядро сокращается с невероятной быстротой. В этом распаде типичной позицией становится всеобщее разочарование и усталость, когда никакие цели не вдохновляют.

Стремительное увеличение субкультур определило многообразие жизненных стилей. Это проявляется в способе обустройства жилья, предпочитаемых формах досуга, круге друзей и знакомых, манере поведения и речи, моделях одежды и прически. Принадлежность к субкультуре дает возможность сохранить чувство идентичности и контакта с той общностью людей, которые особенно близки по духу. Отсутствие идентификации порождает ощущение одиночества, потерянности, отчужденности. Человек всегда остро нуждался в поддержке других людей, ему необходимы жизненные ориентиры, которые одобряются и поддерживаются, получают признание и уважение. Субкультуры восстанавливают душевное равновесие, столь необходимое в условиях многообразия ценностей жизни и культуры. Они предлагают сеть путеводных линий, помогающих достигать состояния устойчивости, стабильности. В этом смысле жизненный стиль – это организующий принцип человеческого существования. В нем органично соединяются индивидуальное своеобразие и социально-групповое совпадение.

Однако важно иметь в виду, что человек одновременно принадлежит к нескольким субкультурам, и это определяет особенный «рисунку» его ценностей. Иногда они могут усиливать «звучание» или же гасить его, оказаться в противостоянии друг другу. Поиск модели согласия – задача не менее сложная. Она предполагает выработку интегрированного стиля, взаимного согласования всех элементов в общую композицию.

Стиль жизни определяет не только внешние формы поведения, но и внутренний духовный облик. Он является способом самовыражения личности, своеобразной «визитной карточкой», представляющей человека. Он ограничивает выбор альтернатив, если они противоречат стилю, освобождает от необходимости поиска иных жизненных сценариев.

Но в условиях потока перемен приобретенный жизненный стиль не может оставаться замкнутой структурой, он неизбежно подвергается воздействию разных факторов.

18.4. НОВАЯ «ПСИХОСФЕРА» КАК ЗАЩИТА ЛИЧНОСТИ

Культура должна создать такие механизмы, которые помогут человеку не утратить чувство новизны и стремления к обновлению и вместе с тем не потерять собственной идентичности и индивидуальности. Стремительный поток перемен и лавина новых, прежде неизвестных форм

культуры способны вызывать у человека стрессовую ситуацию, как ответ на социальные и физические перегрузки. Симптомы и проявления состояния стресса очень различны. К ним А.Тоффлер относит депрессию и апатию, немотивированную враждебность, чрезмерную властность, подозрительность и мнительность, стремление к социальной и эмоциональной изоляции.

В этой сложной ситуации на помощь человеку приходит механизм адаптации. Постоянные перегрузки могут подорвать физическое здоровье, привести к истощению интеллектуальные и душевные силы. Футурошок – это реакция на чрезмерное изменение окружающей среды, с которым не справляется человек.

Финальная стадия эмоционального истощения проявляется как чрезмерная усталость, когда человек становится нервным, напряженным, гневным, раздражительным, возникает чувство обиды, потери ориентиров для принятия решений, склонность к одиночеству. Все эти явления имеют социальное происхождение, а на психологическом уровне вызывают состояние дезадаптации. Наиболее распространенной реакцией на избыток перемен является открытое отрицание всего нового, блокирование нежелательной реальности; ностальгия по прошлому.

Иная реакция жертвы футурошока – уход в профессию, использование новшеств в своей узкоспециализированной области, но при этом нежелание не только вмешиваться, но и слышать о политике. Однако такая позиция «страуса» тоже уязвима. Такой человек рискует, утверждая позицию невмешательства, он может оказаться за «бортом корабля жизни».

Существуют и другие формы снятия напряжения – алкоголизм, наркомания, апатия, мистицизм.

Теперь возникает самый главный вопрос: если тенденции к самообновлению общества неизбежны и порождают футурошок, то как же приспособить к ним человека, сохраняя его интеллектуальный и нравственный потенциал?

А.Тоффлер посвящает ответу на этот вопрос заключительную главу, названную «Стратегии выживания». В самом общем виде задача состоит в том, чтобы создать «новый персонал и новые социальные регуляторы изменений»¹⁰⁹.

Необходимо разработать новые принципы планирования собственной жизни, стратегии использования новшеств, технологии повышения адаптивной способности, создания новых социальных институтов, выполняющих функцию амортизаторов. Конечно, все это не может полностью предотвратить футурошок, но будет способствовать не только выживанию, но и укажет путь наиболее оптимального решения.

---

¹⁰⁹ Там же. – С. 302.

Начать борьбу за предотвращение футурошока надо «с себя», на личном уровне. А.Тоффлер предлагает создавать «зоны личностной стабильности». Человек должен сам выработать определенную тактику помощи самому себе. Он может отказываться от излишних и неоправданных перемен, от чрезмерной реорганизации, от вынужденного общения. Его усилия направлены на сохранение привязанности к друзьям, родным местам, привычному уровню комфорта. Такой человек не отрицает перемен, но оберегает себя и свое окружение от их «нашествия». Полезно также иметь такие устойчивые привычки, которые всегда «путешествуют» вместе с человеком, где бы он ни был. Важно настроить себя на возможность предвидения неизбежных перемен. Это касается изменения возраста, бюджета, состава семьи и периодически готовить себя к будущему. Амортизатором футурошока могут стать такие места, где жизнь намеренно «притормаживается», где можно освободиться от «бега времени», ощутить освобождение от бесконечной гонки. Такие экологические ниши способны содействовать восстановлению душевных сил и выполнять функции «зон стабильности», создавая очаги постоянства и буферы, снимающие стресс и усталость.

Но существуют и другие способы снятия напряжений. Они заключаются в расширении человеческих адаптационных возможностей, изменении деятельности социальных институтов. Это в первую очередь связано с изменением системы образования. Несмотря на все заявления о Школе Будущего, до сих пор образование ориентировано на прошлое и воспроизводит модель индустриальной эры. Строгая регламентация жизни, стандартные программы обучения, пренебрежение индивидуальностью, авторитарная роль учителя, массовое общественное образование, ориентация на потребности практики «здесь – и сейчас» – все это является анахронизмом, ибо устаревает прежде, чем выпускник приступит к работе.

Необходимы не полумеры в обновлении системы образования, а ее принципиальное изменение с ориентацией на будущее. А.Тоффлер выделяет три цели: 1. Трансформацию организационной структуры образования. 2. Рационализацию учебного распорядка. 3. Предвидение будущих потребностей и перемен.

Эти кардинальные цели определяют стратегию развития образования. Большие надежды А.Тоффлер возлагает на технические средства обучения: компьютеры, видеозаписи, голографию. Поскольку знания очень быстро устаревают, то обучение должно быть непрерывным, продолжаться всю жизнь. Лекции должны уступить место множеству обучающих методик: деловым и ролевым играм, компьютерным тестам. Образование призвано подготовить молодого человека к будущему, развить навыки самостоятельного решения реальных проблем. Для этого полезно

менять и привычные организационные структуры, разделяющие студентов на группы.

Необходимо преодолеть инерцию повторяемости и неприкасаемости учебных планов и программ, которые чаще всего отражают столкновения академических гильдий, борющихся за бюджет и статус. Должно быть установлено гибкое равновесие между образовательными стандартами и авторскими вариациями в курсах. Важно иметь в виду, отмечает А.Тоффлер, что разнообразие форм и программ образования обеспечивает приспособление к новому. Нужно всячески поощрять вариативные курсы, с живым обсуждением предполагаемых проблем. Разнообразие в образовании будет стимулировать развитие воображения, фантазии, способности личности к проектированию и созданию нового.

Однако при этом необходимо закреплять основы общих знаний и навыков, необходимых для социальной интеграции и коммуникации. Именно общие контуры образования поддерживают профессиональные и человеческие отношения, определяют стратегию перемен. Образование формирует мир ценностей молодого поколения, представления о достоинстве и чести, ответственности и дружбе. Роль образования будет неуклонно возрастать, ибо оно составляет интеллектуальный ресурс общества и личности. Образование должно научить оперировать опережающей информацией, заключает А.Тоффлер.

Вступление общества в новый виток развития цивилизации требует разработки стратегии социального футуризма, освобожденной от технократической близорукости, ориентированной на гуманистические принципы и ценности. Трудно предположить, что стратегия футуризма дает абсолютное знание. Она имеет вероятностный характер. Однако сама попытка предсказывать будущее неизбежно приближает и видоизменяет его.

Будущее не должно «парализовать» нас и сделать беспомощными. Нужно владеть инструментами предвидения, предупреждая действия, наносящие ущерб человеку. Для этого организуются службы социальной помощи, развивается гуманистическая ориентация в культуре и образовании, создаются новые способы регулирования технологий, разрабатывается стратегия предупреждения шока от встречи с будущим. Человечество располагает огромными возможностями, чтобы преодолеть кризис, сделать жизнь благополучной и духовно богатой. Это должно стать главным направлением культурной деятельности.

ГЛАВА 19. Л.УАЙТ О КУЛЬТУРОЛОГИИ КАК НАУКЕ

19.1. ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО

В истории науки всегда возникает вопрос о том, в каких трудах и кем впервые было обозначено новое направление исследований. Нередко имя ученого остается известным только очень узкому кругу специалистов, но его идеи получают признание и распространение.

Обоснованию культурологии как науки посвятил свои труды американский ученый Лесли Уайт. (1900 – 1975). Именно он в 1949 году выпустил книгу «Наука о культуре»¹¹⁰, в которой употребил название самостоятельной, интегративной отрасли гуманитарного знания – культурологии. В определенном смысле Л.Уайт – «крестный отец» культурологии, хотя рассмотрение культуры как целостного явления и динамично развивающейся системы было присуще до него многим ученым.

Теоретическое наследие Л.Уайта не получило должного признания при жизни, его культурологическая концепция в значительной степени опередила время и приобрела популярность лишь в 90-е годы, когда в России возник культурологический «бум». Его имя упоминают в учебниках и словарях, переведены некоторые статьи и главы из его работ¹¹¹. Это позволяет исследовать культурологическую концепцию Л.Уайта достаточно близко к его оригинальным текстам.

Однако было бы несправедливым не вспомнить о тех ученых, которые задолго до этих публикаций содействовали распространению его идей и подготовили почву для возникновения вначале теории культуры, а затем и культурологии. Среди них особое место занимают труды Э.С.Маркаряна¹¹², который еще в 60-е годы выступал с докладами о системном исследовании культуры и исследовал взгляды Л.Уайта.

---

¹¹⁰ Уайт Л.А. Наука о культуре / Уайт Л.А. // Антология исследований культуры. Т. 1. – СПб., 1997. – С. 141 – 157.

¹¹¹ Там же. – С. 17 – 49; 285 – 343; 439 – 465; 536 – 559.

¹¹² Маркарян Э.С. Очерки теории культуры / Маркарян Э.С. – Ереван, 1969; Его же. Вопросы системного исследования общества / Маркарян Э.С. – М., 1972; Его же. О генезисе человеческой деятельности и культуры / Маркарян Э.С. – Ереван, 1973; Его же. Теория культуры и современная наука / Маркарян Э.С. – М., 1983.

Немалые заслуги принадлежат Ю.П.Аверкиевой¹¹³, которая обстоятельно изучала историю американской этнографии и культурной антропологии. О вкладе Л.Уайта в развитие теории культуры писал С.Н.Артановский¹¹⁴.

Благодаря их трудам имя Лесли Уайта было известно многим ученым, исследовавшим культуру как общественное явление. Среди многих теоретиков культуры он был признан как основатель нового направления науки – культурологии. Изучение его теоретического наследия только начинается, и будущему поколению ученых предстоит более обстоятельно исследовать творческую эволюцию его взглядов¹¹⁵.

Лесли Элвин (Алвин) Уайт родился 19 января 1900 года в городе Саллид, штат Колорадо, США. Он учился в Луизианском и Колумбийском университетах, получил фундаментальное гуманитарное образование в области истории, философии, психологии, социологии, антропологии. С 1930 года и до 1970 он преподавал в Мичиганском университете и с 1944 года возглавлял отделение культурной антропологии, наиболее авторитетное в США. Еще в 1927 году он защитил докторскую диссертацию и приобрел известность среди ученых. Его лекции пользовались популярностью среди студентов и коллег и его приглашали для чтения курсов в крупнейшие университеты США: Чикагский, Йельский, Колумбийский, Гарвардский, Калифорнийский.

Как антрополог, он проводил полевые исследования среди племени индейцев пуэбло. Работал в музее науки в городе Буффало. С 1962 года возглавлял Американскую антропологическую ассоциацию.

Л. Уайт – автор многих научных трудов по проблемам культурологии, этнологии, культурной антропологии. Он первым применил системный анализ для объяснения культуры, рассматривая ее как особый класс явлений, объединенных символическим значением. На этом основании он определил предметное поле культурологии, обосновал три подсистемы культуры, проанализировал их функциональные взаимосвязи. Среди научных трудов Л. Уайта особое значение имеют: «Наука о культуре» (1949), «Эволюция культур» (1959), «Понятие культур» (1973, в соавторстве), «Концепция культурных систем» (1975).

---

¹¹³ Аверкиева Ю.П. История теоретической мысли в американской этнографии / Аверкиева Ю.П. – М., 1979; Ее же. Историко-философские взгляды Лесли Уайта / Аверкиева Ю.П. // Этнография за рубежом. – М., 1979.

¹¹⁴ Артановский С.Н. На перекрестке идей и цивилизаций / Артановский С.Н. – СПб., 1994.

¹¹⁵ Работы Лесли Уайта по культурологии: (Сб. переводов). – М., 1996.; Культурология. XX век: Энциклопедия. Т. 2. – СПб., 1998. – С. 272 – 276.

У него было много замыслов, он предполагал исследовать проблемы культуры XX века. Л.Уайт умер 31 марта 1975 года в Дет – Валли, штат Калифорния, США.

19.2. КУЛЬТУРА КАК СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

В течении многих лет продолжают бесконечные споры ученых о том, «что есть культура».

Одни полагают, что культура – это абстракция, существующая лишь в сознании людей и не имеющая объективного выражения. Поэтому у каждого человека свое представление о культуре, и оно в высшей степени субъективно. Культура неуловима, непознаваема и таинственна, не поддается описанию и восприятию.

Другие относят к культуре лишь «осязаемые», материальные предметы: каменные топоры, керамические сосуды и подобные объекты, созданные человеком. Далее следует понимание культуры как защитного механизма; как совокупности социальных сигналов; как научаемого поведения и многие другие, не менее запутанные подходы и определения. Весьма образно суть этих дискуссий выразили американские ученые С.Клакхон и В.Келли: «все видят человека и его поведение, но кто хоть раз видел культуру». Если культура это абстракция, то она не только невидима, но и второстепенна для изучения. Но с таким выводом трудно согласиться. Нельзя подменять материальную сущность культуры ее призраком, считает Л.Уайт. Наука должна иметь дело с реальностью.

Становится очевидным, что имеется целый класс явлений, которые подлежат особому рассмотрению, ибо они связаны со способностью человека к символизации. Любое явление или предмет могут быть представлены в различных контекстах: астрономическом, физическом, психологическом, культурологическом. К примеру, слово или каменный топор, отношение к теще или употребление молока, произнесение молитвы или участие в голосовании могут иметь разный аспект исследования в разных науках. «Когда же символизированные предметы и явления рассматриваются и объясняются во взаимосвязи друг с другом, а не с организмом человека, мы называем их культурой, а исследующую их науку – культурологией», утверждает Л.Уайт¹¹⁶.

Человек обладает уникальной способностью придавать предметам и явлениям окружающего мира определенное значение, наделять их смыслом, создавать символы. Именно эта способность к символизации образует мир культуры. Эта проблема подробно рассмотрена Л.Уайтом в статье «Символ: исток и основа поведения человека».

---

¹¹⁶ Уайт Л. Понятие культуры / Уайт Л. // Антология исследований культуры. Т. 1. – СПб., 1997. – С. 20 – 21.

К этому классу явлений относятся идеи, верования, отношения, чувства, действия, модели поведения, обычаи, законы, институты, произведения и формы искусства, язык, инструменты, орудия труда, механизмы, утварь, фетиши, заговоры и т. д. Л. Уайт называет их символами. Такое перечисление практически бесконечно и в определенной степени совпадает с позицией Э. Тайлора, изложенной в книге «Первобытная культура».

Но этот подход намеренно фиксирует внимание исследователей не на эфемерных и непознаваемых абстракциях, а на реальных предметах и явлениях, но рассмотренных в аспекте тех символических значений, которыми их наделил человек.

Символ является исходным элементом для понимания человеческого поведения и культуры. Он выделяет три рода символов: 1) идеи и отношения; 2) внешние действия; 3) материальные объекты. Все они относятся к культуре и выражают способность к символизации реальности, присущей только человеку. Именно этот класс явлений и должна изучать культурология.

Л. Уайт подразделял культуру как целостную систему на три взаимосвязанных, хотя и относительно автономных сферы.

Первую он назвал технологической. Она состоит из инструментов и орудий труда, необходимых для жизнедеятельности человека, а также материалов для постройки жилищ, средств нападения и защиты, транспорта и связи. Эта сфера обеспечивает взаимодействие с природной средой и способствует физическому выживанию человека.

Вторая сфера названа социальной. Она включает отношения между людьми; типы родства; экономическую, политическую, военную, профессиональную системы.

Третья сфера идеологическая. Ее образуют идеи, верования, знания, а также мифология, религия, искусство, философия, наука, народная мудрость.

Между этими сферами культуры складываются различные отношения в истории человечества. Важно не просто описать своеобразие каждой сферы культуры в ее материальном воплощении, но выявить ту символику, которая создается человеком. Именно система значений будет отличать системы родства, верования или средства передвижения, используемые разными социальными группами и потому имеющими разную культуру.

Символизация является общим свойством, создающим культуру в «экстрасоматическом контексте». Это «мудреное» слово означает, что человеческая культура не является прямой функцией организма. Она варьируется и изменяется в зависимости от способности человека воспринимать и истолковывать мир с помощью символов и значений. Это расширяет диапазон творческих возможностей человека, не связывая их только с биологическими особенностями организма.

Даже объединение людей в группы определяется не «стадными» инстинктами, а культурной традицией – будь то семья или клан, ремесленная гильдия или рыцарский орден. Все эти факторы Л.Уайт относит к категории «экстрасоматических детерминант», напрямую не связанных с организмом человека. Это утверждение также послужило основанием для определения предметного поля культурологии как науки.

19.3. НАУКА О КУЛЬТУРЕ

Л.Уайт придавал особое значение научному обоснованию исследования культуры. С выделением класса явлений культуры в науке открылась совершенно новая область.

Человечество склонно придавать значение достижениям в области естественных наук, будь то измерение галактик или расщепление атома. Но мы только начинаем понимать, утверждает Л.Уайт, что научное осмысление культурных процессов во много раз важнее для будущего человека. «Открытие» культуры когда-нибудь встанет в истории науки в один ряд с гелиоцентрической теорией Коперника или открытием клеточной основы всех форм жизни»¹¹⁷, – заключает Л.Уайт.

Глубокие изменения в науке медленно пролагают себе путь и часто встречают сопротивление. Потребовалось немало лет, чтобы признать гелиоцентрическую теорию строения Солнечной системы или идею биологической эволюции человека. Открытие и исследование психоаналитиками бессознательного было встречено враждебно. Все это еще раз доказывает, что развитие науки есть культурный процесс в той же степени, как и возникновение архитектурного стиля или форм корпоративной организации в бизнесе.

Следовательно, нет ничего удивительного в том, что и нынешнее продвижение науки в новую область – область культуры – встречает известное сопротивление и противодействие, признает Л.Уайт. Для многих социологов и культурантропологов утверждение, что культура образует особый порядок явлений, что она существует и развивается в соответствии с ее собственными принципами и законами и, следовательно, объяснима только в культурологических терминах, есть «мистическая метафизика», отмечает Л.Уайт. Возражая своим оппонентам, он обращает внимание на то, что они смешивают существование элементов культуры с их научным истолкованием и объяснением.

Культуролог призван не столько зафиксировать событие, сколько понять его смысл, исходя из присущих данной культуре символов. Он отвечает на вопрос, почему в данной культуре существует запрет на те или другие продукты, действия или вещи. При этом он обращается не к орга-

---

¹¹⁷ Там же. – С. 147.

низму человека, но к тем культурным процессам, которые создают и обосновывают эти запреты.

Культурологу нет необходимости исследовать «сенсорно-мышечно-железистую организацию» человека при объяснении таких явлений как кланы, своды законов, грамматики, философии и т. д. Можно рассматривать культуру так, как если бы она была бы независима от человека, хотя всем ясно, что она существовать без человека не может.

Определение предметного поля научного объяснения явлений культуры, вызвало необходимость ее названия. Выявление различий между наукой о культуре и социологией, психологией показало, что эти термины не годятся, чтобы их использовать для обозначения новой науки.

Непригоден также и термин «антропология». На этих аргументах стоит остановиться особо, так как и сегодня существует немало предложений объединить культурологию с антропологией, поставить между ними знак равенства.

Термин «антропология» очень многозначен. Он включает физическую антропологию, охватывающую палеонтологию человека, сравнительную морфологию приматов, генетику человека. Культурная антропология различным образом понимается как психоанализ, психиатрия, прикладная и историческая антропология. Следует добавить, что в современной науке выделились философская, социальная, этническая, педагогическая антропология. Как отмечает Л. Уайт, можно было бы не шутя определить антропологию как деятельность, в которую вовлечен человек, носящий профессиональный титул «антрополог». Известный американский антрополог Франц Боас предположил, что вся группа антропологических явлений может рассеяться по разным наукам или превратится в метод.

Оставим суждения о будущем этой науки за антропологами, но согласимся с Л. Уайтом, что термин «антропология» для названия науки о культуре не отражает ее специфики. Но не является ли очевидным, спрашивает Л. Уайт, что наука о культуре не может быть названа иначе, нежели как «культурология». Этот вывод нужно признать законным, правильным и основательным. Однако многие в научной среде сопротивляются этому, считая название науки претенциозным, абсурдным и нежелательным. Надо признать, что эти возражения звучат и поныне. Поэтому так интересно воспроизвести некоторые аргументы из прошлой дискуссии¹¹⁸.

Некоторые ученые, отмечает Л. Уайт, считают, что слово «культурология» оскорбляет их слух. Дж. Л. Майрес называет это слово «варварским наименованием». Х. Л. Менкен, специалист в области американского языка, считает, что культурология, хотя и «неуклюжее» слово, но тем не

---

¹¹⁸ Там же. – С. 151.

менее вполне логичное. Л. Уайт отмечает, что еще английский антрополог Э. Тайлор в 1871 году в книге «Первобытная культура», употребил это понятие для обозначения науки о культуре, назвав так целую главу.

Термин «культурология» относительно мало использовался, но он и тогда применялся в том же значении, что и сейчас. Выдающийся немецкий химик и лауреат Нобелевской премии Вильгельм Оствальд еще в 1915 году в своем произведении «Система наук» писал, что он еще несколько лет назад предложил именовать обсуждаемую область наукой о цивилизации, или «культурологией». В 1929 году социолог Р. Бейн пишет о взаимосвязи социологии, культурологии и экологии человека.

Л. Уайт отмечает, что он сам употребил понятие «культурология» в 1939 году в статье «Проблема терминология родства» и использовал его в своих курсах за несколько лет до этой работы. Китайский ученый Ченг-Че-Ю в книге «Контраст восточных и западных культур» дал подзаголовок «Введение в культурологию».

Все это позволяет сделать вывод, что термин «культурология» не так уж внезапно появился в науке и имеет не только теоретическое обоснование, но и традицию. Культурология несколько оттеснила от изучения культуры философию, социологию, психологию, антропологию, оставив за ними их предметное поле исследования. Культурология анализирует причинную обусловленность культурных явлений, использует принцип детерминизма. Но если для возникновения культурных достижений нет соответствующих культурных условий, то как бы их страстно ни желали, они не могут произойти. Именно в противоборстве с субъективным произволом и «шаманством» должна прокладывать себе дорогу наука о культуре. «Наука о культуре молода, но многообещающа. Ей еще предстоит многое совершить, если только предмет ее изучения сохранится и продолжит свое движение вперед и вверх»¹¹⁹, – заключает Л. Уайт.

19.4. РОЛЬ ЭНЕРГИИ В ЭВОЛЮЦИИ КУЛЬТУРЫ

Как уже отмечалось, культурой называют тот класс явлений, который связан с символизацией как особой ментальной способностью человека. Различные материальные предметы, будь то орудия труда, утварь, книги, картины, функционируют в символическом контексте и создают среду обитания и жизненный мир человека. Поэтому культура представляет необходимое условие жизнедеятельности, без которого не может быть человека и человечества.

Природа, общество и культура представляют единую систему, целостность которой определяется их взаимодействием по принципу «сообщающихся сосудов». На культуру возложена функция не только ценно-

---

¹¹⁹ Там же. – С. 465.

стного осмысления бытия человека, но и создания условий для адаптации к окружающему миру, для поиска средств увеличения свободы и творчества.

Среди различных средств, которые могут способствовать развитию человечества, Л. Уайт придает особое значение освоению источников энергии. Поэтому первоочередной функцией культуры становится извлечение энергии и употребление ее на службу человеку. Для этого предназначены различные технологические средства, которые вырабатываются культурой. «Таким образом, функционирование культуры как целого определяется необходимым для этого количеством энергии и тем, каким образом она используется».

Л. Уайт выделяет три фактора, имеющих значение в любой культурной ситуации:

1. Количество энергии, используемой в год на душу населения.
2. Эффективность технологических средств, при помощи которых энергия извлекается и ставится на службу человеку.
3. Объем произведенных предметов и услуг для удовлетворения потребностей человека.

На этом основании Л. Уайт формулирует основной закон культурной эволюции.

Первым источником энергии в истории был организм самого человека. Древнейшие культуры, основанные на скудных источниках энергии, были весьма примитивны. Впоследствии к ним добавились способы извлечения энергии из природных ресурсов. Освоение энергии огня, ветра, воды значительно увеличило культурные возможности человека. Огонь в разных культурах приобрел значение символа жизни, то же значение придавалось и другим источникам энергии.

Особую роль в истории имело извлечение энергии из растений. Все великие цивилизации античности были основаны на культивации злаков. Ни одна великая культура не возникла без возделывания зерна, отмечает Л. Уайт. Не меньшую роль имело приручение и разведение животных, использование их энергии для поддержания жизни, передвижения и возделывания почвы.

После сотен тысяч лет относительно медленного развития, под влиянием расширения энергетических ресурсов, вызванных переходом к земледелию и скотоводству, произошли глубокие перемены в культурном развитии. Возникли великие цивилизации древности в Египте, Месопотамии, Индии, Китае, Мексике, Центральной Америке, в Андах. Все это было следствием аграрной революции. Строились города и великие сооружения, развивались ремесла, наука, искусство.

Однако вслед за периодом быстрого роста, эволюция прогрессивного развития постепенно выровнялась и движение замедлилось. Это проис-

ходило до тех пор, пока не был найден новый источник извлечения энергии при помощи парового двигателя и двигателя внутреннего сгорания. Это было названо топливной революцией, вызвавшей экстенсивный рост культуры. Вслед за этим возник новый виток, связанный с открытием атомной энергии, но ее использование вызвало немало непредсказуемых последствий.

Энергетический фактор – источник динамики развития культуры может возрастать неограниченно. Он оказывает влияние на изобретение и совершенствование орудий труда, организацию социальных систем, координацию различных сфер общества. Однако социальная система способна сдерживать развитие технологии, ставить предел производству энергии. Это происходит вследствие сокращения рынков сбыта продукции и возникновения голода посреди изобилия.

Социальная система душит огромную машину производства, парализует политику, вызывает коммерческую конкуренцию и конфликты. Сейчас очевидно, отмечает Л. Уайт, что начальная фаза индустриальной революции завершена, система свободного индивидуального предпринимательства практически исчезла из бизнеса и торговли. Ядерная технология грозит разрушить саму цивилизацию.

Главным действующим лицом в нашей пьесе, заключает Л. Уайт, остается технология, даже если она окажется не героем, а злодеем. Технология строит, но она может и разрушать. Созидательные силы новых технологий могут препятствовать разрушению и расчистить путь для процветания жизни.

Завершая изложение теоретических взглядов Л. Уайта, следует отметить, что именно он обосновал необходимость культурологии как специальной отрасли гуманитарного знания и наметил круг проблем, требующих самостоятельного исследования. К таким перспективным проблемам относятся: определение признаков класса культурных явлений; выяснение структурных подсистем культуры и их взаимодействие; изучение роли технологии в детерминации культурной динамики; выявление новых тенденций культурного развития.

Привлечение внимания нового поколения ученых к этим проблемам будет способствовать развитию культурологии как науки.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

«История культурологических учений» – так названа эта книга. Ее замысел состоит в том, чтобы представить творческие произведения всемирно известных зарубежных и отечественных культурологов и драматизм их жизненного пути. Нередко эти «два лица» одного человека оказываются разорванными или находятся на разных половинках, как у двуликого Януса, и не сопоставляются друг с другом, как будто они относятся к двум сторонам Луны – освещенной и погруженной в тень.

Краткие предисловия в виде биографических справок, столь привычных в научной и энциклопедической литературе, лишь усиливают эффект противостояния творчества и жизненного пути личности. Они воспринимаются читателем как малосущественное дополнение к главному и потому чаще всего ускользают из сознания, оставляя в нем, в лучшем случае, незаметный след из перечня дат и событий.

Личность мыслителя, его судьба и драма жизни, мотивы творчества, внутренние диалоги с самим собой, взлеты признания и боль отчуждения, восторг потомков и холодность современников, завалы препятствий на пути творческих идей, одиночество и разочарование, материальные трудности и сила духа – все, что делает жизнь человека неповторимой и привлекательной, представляет несомненный интерес и для читателей. Соединить изучение творчества и портрет личности в ее уникальном своеобразии – такова задача этой книги.

Решать ее очень непросто. Для этого нужно не только хорошо знать творчество ученого, но и ознакомиться с такими материалами, как мемуары, дневники, письма, которые могут стать историческим источником для воссоздания жизненных драм и противоречий.

Культурология все более тесно соединяется с культурной антропологией, проявляя интерес к человеку в истории, его отношению к ценностям, нормам, запретам, настроениям, мнениям, характерным для той эпохи, в которой он жил. Здесь на помощь исследователю приходят историческая психология, этнография, позволяющие более полно представить взаимоотношения Личности и Времени.

Но при этом трудно избежать схематизма, столь опасного для познания творческой биографии. Еще совсем недавно таким «подводным рифом» и всеобщей «отмычкой» был классовый подход к оценке мыслителей прошлого. Считалось, что из-за своих узкоклассовых интересов ученый всегда «ошибался, недопонимал, не сумел постичь», и только одному направлению в общественно-гуманитарной науке доверялось право отражать реальность в полном объеме. Такая претензия на истину в конечной инстанции вела исследователя в неизбежный тупик, ограничивала возможности и диапазон познания.

Идеологический подход в объяснении историко-культурного процесса, постепенно преодолевается и надо надеяться, что молодые ученые смогут быть более свободными в научной деятельности. Для этого в наше время появились новые возможности. Если прежде доступ ко многим историко-культурологическим работам был закрыт цензурой, отсутствием переводов, а приобщение к мировому процессу развития гуманитарного знания осуществлялось из «вторых рук» – в пересказе и критическом реферировании не всегда добросовестных исследователей, к тому же ограниченных жесткими рамками идеологического контроля, то теперь настали иные времена.

Многое из наследия мировой культуры пришло в Россию с большим опозданием, и это, несомненно, осложняет и задерживает развитие гуманитарного знания. Но следует признать, что в период 90-х годов в России опубликовано немало великих произведений мировой общественной мысли, и надо успеть все освоить.

Однако схематизм классового подхода в изучении истории культурологии – лишь одна грань, хотя и достигшая непомерной абсолютизации. Не меньшее распространение получило в анализе теоретических концепций отождествление личности и исторического фона эпохи, перечисление событий, которые происходили в этот период и должны были бы отразиться в его произведениях. Но в действительности творчество и самые значительные события эпохи не всегда тесно связаны между собой.

Личность не пассивна по отношению к массовой психологии своего времени. Она может быть вовлечена в события, но может оказаться на обочине, ее реакции могут совпадать с преобладающими настроениями, но могут быть и противоположными. Высказываемые идеи нередко не воспринимаются современниками, кажутся им чуждыми, а иногда и просто смешными, фантастичными. Это нередко приводило к тому, что предложенные теории отвергались. Непризнание всегда наносило урон творчеству, глубоко ранило душу, вызывало эмоциональные потрясения. В ответ на подобное отношение современников один идет на компромисс, подстраиваясь под «общий хор», наступая «на горло собственной

песне», а другой отвергает эту возможность, оставаясь наедине со своими идеями, и только очень поздно к нему приходят слава и известность.

Жизнь ученого в своей повседневности оказывается совсем неодинаковой. Часто можно услышать, что такова судьба. Говорят о судьбе обычно с добавлением: «беспощадная», «слепая», «враждебная»; злой рок, который гасит, давит, ведет к гибели. Жизнь человека оказывается нередко в зависимости от неизвестной, невидимой силы, демонического начала, сопротивляться которому бессмысленно и бесполезно. Роковые события лишь кажутся случайными, но они неизбежно настигают гения, он попадает под их влияние, и уберечь его от неминуемой гибели кажется невозможным. Судьба есть у каждого, однако в жизни творческой личности ее действие особенно заметно и печально.

Но есть и иное толкование роли судьбы. Нередко говорят о судьбе как о стечении благоприятных обстоятельств, о «госпоже удаче», об иронии судьбы, благодаря которой отступают трудности и препятствия на пути творчества, которые позволяют посмеяться над роковыми событиями, предсказаниями и силой духа возвыситься над ними, преодолеть зависть, найти поддержку.

Жизнь человека нередко сравнивают с дорогой, на которой есть рытвины и ухабы, ямы и завалы, пригорки и низины. Человек в течение одной жизни проживает несколько биографий, разного творческого достоинства и душевной напряженности. Проникнуть в духовный смысл каждого этапа очень сложно.

И здесь подстерегает исследователя третий тип схематизма, когда предпочтение отдается какой-либо одной линии жизни, а все другие отсекаются как ненужные или «портящие картину». Но при этом вместо реального многообразия жизни возникает черно-белый вариант, возможно достаточно четкий портрет, но далекий от оригинала.

Все эти рассуждения о схематизме важны для того, чтобы еще раз подчеркнуть сложность органичного соединения творчества и жизни мыслителя. Но без этого история культурологии теряет тот импульс, который столь необходим для понимания культуры, и становится очередным «набором» концепций, перечнем идей, не согревающих душу. Надо восстановить непрерывное течение жизни личности во всем многообразии, когда мыслитель предстает и как человек своей эпохи, и как обгоняющий Время Пророк, проникающий силой интеллекта в сущность культурных процессов.

История культурологии необычайно увлекательна и интересна. В ней ждут исследователя много «белых пятен» и открытий. Немало предстоит сделать молодым ученым, ибо надо построить и общий каркас здания новой отрасли гуманитарного знания, и произвести ее тщательную отделку, определив проблемное поле исследования культуры, выяснив

связь с историей общественной мысли и установить коммуникации со всем миром.

Интерес к культурологии, как науке исследующей мировую и российскую культуру во всем богатстве и многообразии, привлекает многих ученых.

XXI век будет отличаться от предшествующего периода чрезвычайным динамизмом, потребует от человечества особенного внимания к развитию духовности, толерантности, понимания культурной самобытности и уникальности каждого народа, неповторимости творческой личности.

Надеюсь, что мои размышления о теоретических проблемах культурологии и описание жизни и творчества выдающихся мыслителей, будут содействовать развитию новой отрасли гуманитарной науки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антология культурологической мысли. – М., 1996.
2. Артановский С.Н. На перекрестке идей и цивилизаций / Артановский С.Н. – СПб., 1994.
3. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса / Бахтин М.М. – М., 1989.
4. Бердяев Н.А. Судьба России / Бердяев Н.А. – М., 1990.
5. Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества / Бердяев Н.А. – М., 1989.
6. Белик А.А. Культурология. Антропологические теории культуры / Белик А.А. – М., 1998.
7. Бродель Ф. Материальная цивилизация. Экономика и капитализм XV – XVIII вв. В 3 т. / Бродель Ф. – М., 1988 – 1993.
8. Быховская И.М. Культурологические опыты / Быховская И.М., Александрова А.Я. – М., 1996.
9. Выжлецов Г.П. Аксиология культуры / Выжлецов Г.П. – СПб., 1996.
10. Гадамер Г.Г. Истина и метод / Гадамер Г.Г. – М., 1987.
11. Гачев Г.Д. Национальные образы мира / Гачев Г.Д. – М., 1987.
12. Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества / Гердер И.Г. – М., 1977.
13. Гумилев Л.Н. От Руси до России / Гумилев Л.Н. – СПб., 1992.
14. Гуревич П.С. Философия культуры / Гуревич П.С. – М., 1994.
15. Гуревич П.С. Культурология / Гуревич П.С. – М., 1995.
16. Данилевский Н.Я. Россия и Европа / Данилевский Н.Я. – М., 1991.
17. Даниленко О.И. Культура общения и ее воспитание / Даниленко О.И. – Л., 1989.
18. Дьяконов И.М. Пути истории: от древнейшего человека до наших дней / Дьяконов И.М. – М., 1994.
19. Емельянов Б.В. Русская философия «серебряного века» / Емельянов Б.В., Новиков А.И. – Екатеринбург, 1995.

20. Емельянов Ю.Н. Введение в культурантропологию / Емельянов Ю.Н. – СПб., 1992.
21. Ерасов Б.С. Социальная культурология / Ерасов Б.С. – М., 1996.
22. Запесоцкий А.С. Гуманитарная культура и гуманитарное образование / Запесоцкий А.С. – СПб., 1996.
23. Зиммель Г. Избранное. В 2 т. / Зиммель Г. – М., 1996.
24. Ильин И.А. О России / Ильин И.А. – М., 1991.
25. Иконникова С.Н. Диалог о культуре / Иконникова С.Н. – Л., 1987.
26. Иконникова С.Н. История культурологии: идеи и судьбы / Иконникова С.Н. – СПб., 1996.
27. Иконникова С.Н. Очерки истории культурологии / Иконникова С.Н. – СПб., 1998.
28. История мировой культуры: Курс лекций. – М., 1998.
29. Ионин Л.Г. Социология культуры / Ионин Л.Г. – М., 1996.
30. Каган М.С. Философия культуры / Каган М.С. – СПб., 1996.
31. Кармин А.С. Основы культурологии / Кармин А.С. – СПб., 1997.
32. Круглова Л.К. Основы культурологии / Круглова Л.К. – СПб., 1995.
33. Коган Л.Н. Теория культуры / Коган Л.Н. – Екатеринбург, 1993.
34. Ключевский В.О. Статьи по русской культуре // Ключевский В.О. Соч. В 9 т. Т. 9. / Ключевский В.О. – М., 1990.
35. Конрад Н.И. Запад и Восток / Конрад Н.И. – М., 1972.
36. Кривко-Апинян Т.А. Мир игры / Кривко-Апинян Т.А. – СПб., 1992.
37. Культурология. XX век: Антология исследований культуры. Т. 1. – СПб., 1997.
38. Культурология. XX век: Словарь. – СПб., 1997.
39. Культурология. XX век: Энциклопедия. Т.1 – 2. – СПб., 1998.
40. Культурология. – Ростов-на-Дону, 1997.
41. Культурология. История мировой культуры. – М., 1998.
42. Лелеко В.Д. Эстетика повседневности / Лелеко В.Д. – СПб., 1994.
43. Лихачев Д.С. Заметки о русском / Лихачев Д.С. – М., 1984.
44. Лихачев Д.С. Прошлое – будущему / Лихачев Д.С. – Л., 1985.
45. Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура / Лосев А.Ф. – М., 1991.
46. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре / Лотман Ю.М. – М., 1994.
47. Лотман Ю.М. Культура и взрыв / Лотман Ю.М. – М., 1992.
48. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров / Лотман Ю.М. – М., 1996.

49. Марков Б.В. **Философская антропология** / Марков Б.В. – СПб., 1997.
50. Маркарян Э.С. **Теория культуры и современная наука** / Маркарян Э.С. – М., 1983.
51. Марков А.П. **Отечественная культура как предмет культурологии** / Марков А.П. – СПб., 1996.
52. Махлина С.Т. **Семиотика культуры и искусства: Опыт энциклопедического словаря**. В 2 ч. / Махлина С.Т.; Санкт-Петербургский гос. ун-т культуры и искусств. – СПб., 2000.
53. Махлина С.Т. **Язык искусства в контексте культуры** / Махлина С.Т. – СПб., 1994.
54. Межуев В.М. **Культура и история** / Межуев В.М. – М., 1977.
55. Мечников Л.И. **Цивилизация и великие исторические реки** / Мечников Л.И. – М., 1995.
56. Мид М. **Культура и мир детства** / Мид М. – М., 1988.
57. Милюков П.Н. **Очерки по истории русской культуры**. Т. I – III / Милюков П.Н. – СПб., 1993 – 1995.
58. Милюков П.Н. **Воспоминания** / Милюков П.Н. – М., 1991.
59. Михайлов А.В. **Языки культуры** / Михайлов А.В. – М., 1997.
60. **Мифы народов мира**. В 2 т. – М., 1992.
61. Моль А. **Социодинамика культуры** / Моль А. – М., 1973.
62. Орлова Э.А. **Введение в социальную и культурную антропологию** / Орлова Э.А. – М., 1994.
63. **Очерки по социальной антропологии**. – СПб., 1995.
64. Ортега-и-Гассет Х. **Эстетика. Философия культуры** / Ортега-и-Гассет Х. – М., 1991.
65. Петров Л.В. **Массовая коммуникация и культура: Теория и история** / Петров Л.В. – СПб., 1999.
66. Пелипенко А.А. **Культура как система** / Пелипенко А.А., Яковенко И.Г. – М., 1998.
67. Помпеев Ю.А. **Основы экономической культуры** / Помпеев Ю.А. – СПб., 1998.
68. Рерих Н.К. **Избранное** / Рерих Н.К. – М., 1972.
69. Риккерт Г. **Науки о природе и науки о культуре** / Риккерт Г. – М., 1998.
70. Рождественский Ю.В. **Введение в культуроведение** / Рождественский Ю.В. – М., 1996.
71. Сапронов П.А. **Культурология: Курс лекций по теории и истории культуры** / Сапронов П.А. – СПб., 1998.
72. Соколов Е.Г. **Лекции по культурологии**. Ч. 1 / Соколов Е.Г. – СПб., 1997.
73. Соколов Э.В. **Культура и личность** / Соколов Э.В. – Л., 1972.

74. Соколов Э.В. Культурология / Соколов Э.В. – М., 1994.
75. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика / Сорокин П.А. – М., 2000.
76. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / Сорокин П.А. – М., 1992.
77. Тайлор Э. Первобытная культура / Тайлор Э. – М., 1989.
78. Тойнби А. Постыжение истории / Тойнби А. – М., 1991.
79. Тоффлер Э. Третья волна / Тоффлер Э. – М., 1999.
80. Федотов Г.П. Судьба и грехи России. В 2 т. / Федотов Г.П. – СПб., 1991.
81. Философия культуры. Становление и развитие. – СПб., 1998.
82. Флиер А.Я. Культурология для культурологов / Флиер А.Я. – М., 2000.
83. Фрэнкел Дж. Золотая ветвь / Фрэнкел Дж. – М., 1997.
84. Фрэнкел Дж. Фольклор в Ветхом Завете / Фрэнкел Дж. – М., 1989.
85. Хейзинга Й. Homo Ludens / Хейзинга Й. – М., 1992.
86. Цивилизации. Вып. 4. – М., 1997.
87. Швейцер А. Благоговение перед жизнью / Швейцер А. – М., 1992.
88. Шпенглер О. Закат Европы. Опыт морфологии мировой истории. Т. 1 – 2 / Шпенглер О. – 1993 – 1998.
89. Шор Ю.М. Очерки теории культуры / Шор Ю.М. – Л., 1989.
90. Энциклопедический словарь по культурологии. – М., 1997.
91. Яковец Ю. История цивилизаций / Яковец Ю. – М., 1995.

ОБ АВТОРЕ

Иконникова

Светлана Николаевна — родилась в Ленинграде. После окончания школы поступила на философский факультет Ленинградского Университета. Защитила кандидатскую диссертацию «Нравственный идеал и его отношение к действительности», затем докторскую диссертацию «Молодежь в социальной структуре общества» (1974).

С 1972 года бессменно заведует кафедрой теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств.

Доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации; действительный член Российской Академии естественных наук, Международной Академии информа-

тизации, Академии гуманитарных наук, Национальной Академии ювенологии; член редакционного совета ежегодника «Мысль» Санкт-Петербургской ассоциации философов, член редколлегии «Мир культуры» издательства «Лань».

Автор более 250 научных работ, в том числе 12 монографий: «Молодежь. Социологический и социально-психологический анализ», «Молодежь о себе, о своих сверстниках», «Диалог о культуре», «История культурологии: идеи и судьбы», «Очерки по истории культурологии» и др. Многие научные труды переведены на иностранные языки. Под ее руководством более 60 аспирантов защитили диссертации.

Светлана Николаевна Иконникова
ИСТОРИЯ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ
Учебное пособие
в трех частях

Часть 3. История культурологии в лицах

Редактор Г.М.Шарпило
Оригинал-макет М.Е.Лисовской
Обложка С.А.Владимировой

ООО Культ-Информ-Пресс
Санкт-Петербург, Невский пр., д. 40
Тел. 314-36-06
Лиц. № 030307 от 07.04.97

Отпечатано в типографии «Турусел».
191186, СПб., ул.Миллионная, д.1.
Тел.311 54 74
Лиц. ПД № 2-69-571
Печ.л.9,5. Тир.500.
Зак. № 149 от 07.06.2001

102